

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

ОБЗРЕВАТЕЛЬ - OBSERVER

**Глобальный финансовый кризис:
тупик или шаг вперёд?**

А. КОНДРАТОВ

**Внешняя политика Польши
до 2021 года**

А. ДОМАНОВ

**Об идеологии
евроскептиков**

Я. ПЛЯЙС

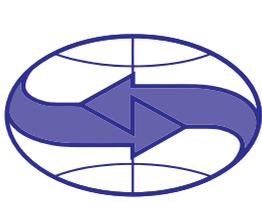
**Истоки
афганской трагедии**

С. ФЕДОРЧЕНКО

**Big Data в политике
Новой Зеландии**

**Новое в политике ООН:
к демилитаризации постконфликтных государств**

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издаётся с 1992 г.

Содержание номера

16+

Политология

Глобальный финансовый кризис: тупик или шаг вперёд?

5

В. Егоров

В статье указаны факторы, последствия и меры преодоления глобального кризиса, особенности которого уходят корнями в глубинные «тектонические» процессы, и этим обуславливается кардинальность преобразований, призванных выстроить новую архитектуру мирового социально-экономического организма. Надежда на самоорганизующую силу рынка не релевантно грандиозности грядущих перемен. Всеобщность проблем, инициированных последствиями кризиса, определяет место и роль государств и международных организаций в создании условий поступательного развития.

Имея значительный культурный и научно-образовательный задел, современная Россия, значительно деиндустриализированная в 90-е годы XX в., имеет реальный шанс сократить отставание от развитых экономик, продвигаясь в направлении «креативной экономики».

Повышение эффективности стратегического сдерживания – основное направление политики безопасности России. Часть 2

20

А. Подберёзкин

Автор обращает внимание на необходимость повышения стратегического сдерживания, что должно найти отражение в официальных российских документах и соответствующих организационных решениях.

Во второй части работы представлены конкретные планы в области стратегического сдерживания, а также даны предложения по оперативному руководству, координации и контролю в рассматриваемой области, указаны российские средства и способы силового принуждения.

Новые подходы ООН к демилитаризации посконфликтных государств

Часть 1. Демилитаризация посконфликтных государств в парадигме миростроительства ООН

38

С. Тишков

Статья посвящена отдельным направлениям деятельности ООН по обеспечению постконфликтной стабильности и должного уровня безопасности для построения устойчивого мира.

В первой части статьи рассматривается значение демилитаризации постконфликтных государств для миростроительных процессов, анализируются недостатки традиционных подходов ООН к демилитаризации постконфликтных государств.

Привлекательность евроскептической идеологии

45

А. Доманов

На материале предвыборных программ наиболее популярных евроскептических партий Франции, Германии и Великобритании автор выделяет черты их идеологии, способные привлечь к этим политическим силам голоса избирателей. Установлено, что в последние годы евроскептики обращали внимание на негативные последствия трансграничных потоков (рабочей силы, товаров и денежных средств), критиковали ЕС за их ускорение и предлагали противостоять этим тенденциям протекционистскими мерами.

Стратегия внешней политики Польши до 2021 года

55

А. Кондратов

Автор проводит анализ основных положений Стратегии польской внешней политики на 2017–2021 гг. и раскрывает приоритетные направления реализации её современной внешнеполитической стратегии, связанные с ЕС, НАТО, США, странами Восточной Европы и Россией.

Big Data в политическом процессе Новой Зеландии

66

С. Федорченко

Автор исследует проблему соотношения социальных сетей с демократическими традициями на примере развития технологий *Big Data* в политическом процессе Новой Зеландии. Методология работы основывается на принципах *case study*, системного и сравнительного анализа, позволивших сделать вывод, что методология *Political Big Data* пока ещё недостаточно разработана и поэтому эффективна только в руках профессионалов. В новозеландском обществе существует дискуссия по поводу этической, конфиденциальной и правовой стороны применения *Big Data*.

Истоки афганской трагедии
 К 40-летию Апрельской (саурской) революции в Афганистане 83

Я. Пляйс

Статья посвящена идеологическим, политическим, военным и дипломатическим истокам афганской трагедии, начавшейся 40 лет тому назад. Догматизм коммунистической идеологии привёл к тому, что СССР не только поддержал инициаторов Апрельской революции в Афганистане – лидеров НДПА, но и оказывал им всестороннюю поддержку в течение более чем 10 лет. Однако трагедия Афганистана не закончилась с выводом советских войск, а продолжается и сегодня.

Образовательная система – инструмент эффективной государственной социальной политики
 Опыт Южной Кореи 97

М. Понявина

Вопросы корреляции политической власти и образования играют определяющую роль в развитии государства. Пример стремительного подъёма Южной Кореи, территориально небольшой и бедной природными ресурсами, сумевшей изменить государственную политику в области образования, доказывает взаимозависимость политической и образовательной сфер.

Дискуссия: медийное пространство

Как защитить журналиста в горячих точках и при журналистском расследовании 104

А. Серегин

В статье поднимаются проблемы безопасности корреспондентов, работающих в горячих точках, а также занимающихся журналистскими расследованиями. На основании анализа основополагающих документов международного гуманитарного права автор приходит к выводу о необходимости повышения уровня правовой защиты и социальной поддержки этих категорий журналистов и их семей. В статье предлагается алгоритм решения данного вопроса на государственном уровне.

Содержание на английском языке 116

Председатель Совета учредителей

К. Ф. ЗАТУЛИН

Издатель: Институт стран СНГ (Институт диаспоры и интеграции)

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В. В. – главный редактор, д. п. н., проф.

ЕГОРОВ В. Г. – шеф-редактор, д. э. н., д. п. н., проф.; ЕРЕМЕНКО И. Н. – зам. гл. редактора, к. т. н.; АБАШИДЗЕ А. Х. – д. ю. н., проф.; ГРОМЫКО А. А. – д. п. н., член-корреспондент РАН; ГУСЬКОВА Е. Ю. – д. и. н.; ЗАДОХИН А. Г. – д. п. н., проф.; КАРТАШКИН В. А. – д. ю. н., проф., Заслуженный юрист РФ; КУЗНЕЦОВА О. Д. – д. э. н.; КУТОВОЙ В. М. – д. э. н., проф.; ЛУЗЯНИН С. Г. – д. и. н., проф.; ОРЛОВ А. А. – к. и. н.; ПАВЛОВ Е. Я. – д. ю. н., проф.; ПЛЯИС Я. А. – д. и. н., д. п. н., проф.; ПОНОМАРЕВА Е. Г. – д. п. н., проф.; РУДОВ Г. А. – д. п. н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ; СЕРЕГИН А. В. – к. культурологии; ЦВЕТКОВ А. И. – д. в. н., проф., Заслуженный деятель науки РФ; ЦЫГАНКОВ П. А. – д. ф. н., проф.

Научно-редакционный совет:

- АРИСТОВ В. В. — доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАН
- ГАБАРАЕВ Б. А. — доктор технических наук, Заслуженный энергетик РФ
- ГАЛОГАНОВ А. П. — доктор юридических наук, профессор, президент Совета Адвокатской палаты Московской области
- ГРИБ В. В. — доктор юридических наук, профессор, главный редактор Издательской группы «Юрист»
- ДЕЛЯГИН М. Г. — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации
- ИВАШОВ Л. Г. — доктор исторических наук, профессор МГИМО(У) МИД России, генерал-полковник
- КРЕМЕНЮК В. А. — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора ИСКРАН
- ЛАДЫГИН Ф. И. — Почётный академик Академии военных наук, вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г. Л. — кандидат исторических наук, заместитель председателя Правительства Республики Крым
- СУХАРЕВ А. Я. — доктор юридических наук, профессор, действительный государственный советник юстиции, ведущий научный эксперт Генеральной прокуратуры РФ
- ТОРКУНОВ А. В. — доктор политических наук, профессор, академик РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, ректор МГИМО(У) МИД России, председатель РАС ООН
- ЩЕРБАКОВ И. А. — доктор физико-математических наук, профессор, академик РАН, директор Института общей физики им. А. М. Прохорова РАН
- ЯКОВЛЕВ В. Ф. — доктор юридических наук, профессор, советник Президента Российской Федерации

© Институт стран СНГ

Глобальный финансовый кризис: тупик или шаг вперёд?

Владимир ЕГОРОВ

Экономический кризис, и особенно финансовый, всегда является следствием системного неустройства. Масштабы и последствия кризиса 2008 г. настолько внушительны, что экономисты зачастую определяют его как глобальный финансово-экономический. Другие, имея в виду глубину пока ещё неустранённых его причин, считают, что мировая экономика окончательно не преодолела риски, способные повернуть наметившиеся положительные тенденции её роста вспять.

Антикризисные меры, сглаживающие остроту проблем, сопутствующих системному кризису (например, направленные на восстановление доверия населения к банкам), как правило, не ликвидируют основополагающие факторы, определяющие протяжённость, широту распространения и размер циклов, в течение которых кризисы набирают свою силу.

Преодоление последствий наступившего кризиса, видимо, возможно только **в формате качественной трансформации социально-экономического строя глобальной экономики**. Впервые за многовековую историю капитализм, пери-

одически сменявший фазы спадов и роста общественного хозяйства, являвшихся, кроме всего прочего, факторами дальнейшего формационного развития, подошёл к черте, перешагнуть которую можно, только изменив «направление движения» [1].

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель директора Института стран СНГ. *E-mail:* korrka@mail.ru

Ключевые слова: финансовый кризис, реальный сектор, финансовые пузыри, монетарная, структурная, инновационная политика.

¹ См., напр.: Бузгалин А. В. Закат неолиберализма // Вопросы экономики. 2018. № 2.

В последнем из длинных циклов развития капитала (Американском, продолжающемся с XX в.) итальянский экономист и социолог Джованни Арриги обнаружил существенную особенность, предопределяющую закат современной архитектуры «финансового капитализма».

В отличие от прежних циклов капиталистического накопления (Генуэзского – XV–XVI вв., Голландского – XVII в., Британского – XIX в.) в нынешнем не происходит возврат оборота капитала (обеспечивающего его воспроизводство) в материальную сферу (торговлю и производство) [2]. Оборот глобального капитала замкнулся в финансовой сфере. Стремясь минимизировать риски механизма «своего роста», капитал нашёл нишу, в которой деньги делают деньги.

Такой исход событий предвидел немецкий марксист Рудольф Гильфердинг.

«Капитал становится завоевателем мира, – писал он, – но каждый раз, как он завоёвывает новую страну, он завоёвывает только новую границу, которую необходимо отодвинуть дальше. Это стремление превращается в экономическую необходимость, потому что остановка понижает прибыль финансового капитала, уменьшает его способность к конкуренции и может, в конце концов, меньшую хозяйственную область превратить в данницу крупной... На место идеала демократического равенства выступил идеал олигархического господства» [3].

Перемещение оборота капитала в финансовую сферу определяет порядок, при котором владение, распоряжение и управление активами становится делом узкой группы олигархата и его помощников.

По выражению Кевина Филипса, «финансы не могут взрастить (многочисленный средний) класс, потому что лишь незначительная часть населения... может разделить прибыль, получаемую на фондовой бирже и в коммерческом банке» [4].

«Осиротив» реальный сектор экономики и сузив круг персон, обеспечивающих его жизнеспособность, современный капитализм породил ряд системных противоречий, не оставляющих надежды на их благополучное преодоление в рамках существующего миропорядка:

– *депривацию глобального сектора материальной экономики, деиндустриализацию.*

Несмотря на оптимистичный тон либеральных оценок, глобальная экономика демонстрирует устойчивый тренд к снижению темпов роста (табл. 1);

– *концентрацию богатства в руках ничтожно малой группы и рост неравенства до пределов, превосходящих самые пессимистичные прогнозы.*

Имущественное неравенство, ведущее к поляризации социумов, оставляет в прошлом перспективу общественной консолидации и по-

² Джованни А. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. С. 33.

³ Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Либроком, 2011. С. 399–400.

⁴ Philips K. P. Boiling Point: Republicans, Democrats and the decline of middle-class prosperity. N.Y.: Random House, 1993. P. 197.

Таблица 1

Экономический рост в 2008–2017 гг. [5] (% ВВП)

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017 *
Мир	3,0	-0,1	5,4	4,3	3,5	3,5	3,6	3,4	3,2	3,6
Россия	5,2	-7,8	4,5	5,1	3,7	1,8	0,7	-2,8	-0,2	1,5 *
ЕС (еврозона)	0,4	-4,5	2,1	1,6	-0,9	-0,2	1,3	2,0	1,8	2,1
Великобритания	-0,6	-4,3	1,9	1,5	1,3	1,9	3,1	2,2	1,8	1,7
США	-0,3	-2,8	2,5	1,6	2,2	1,7	2,6	2,9	1,5	2,2
Германия	0,8	-5,6	3,9	3,7	0,7	0,6	1,9	1,5	1,9	2,1
Франция	0,2	-2,9	2,0	2,1	0,2	0,6	0,9	1,1	1,2	1,6
Италия	-1,1	-5,5	1,7	0,6	-2,8	-1,7	0,1	0,8	0,9	1,5
Испания	1,1	-3,6	0,0	-1,0	-2,9	-1,7	1,4	3,2	3,2	3,1
Греция	-0,3	-4,3	-5,5	-9,1	-7,3	-3,2	0,4	-0,2	0,0	1,8
Китай	9,6	9,2	10,6	9,5	7,9	7,8	7,3	6,9	6,7	6,8
Индия	3,9	8,5	10,3	6,6	5,5	6,4	7,5	8,0	7,1	6,7
Бразилия	5,1	-0,1	7,5	4,0	1,9	3,0	0,5	-3,8	-3,6	0,7
ЮАР	3,2	-1,5	3,0	3,3	2,2	2,5	1,7	1,3	0,3	0,7

Примечание: * Прогноз. Окончательная цифра не известна.

вышает потенциал социально-политической нестабильности.

Согласно отчёту *Credit Suisse*, половина мирового богатства (50,8%) принадлежит 1% сверхбогатых олигархов, более трёх четвертей (77,7%) –

5% жителей планеты, почти 90% – 10% наиболее обеспеченных персон.

На долю населения США приходится 33,2% глобального достояния, Китая – 9,1%, России – 0,4% (пример-

⁵ IMF (2017 b) World economic outlook. Seeking sustainable growth: Short-term recovery, long-term challenges (October). Washington, DC: International Monetary Fund.

но столько же, сколько у Дании и Сингапура).

Наиболее бедные, а это 20% мирового населения – должники, у которых на каждый доллар дохода имеется долгов на 10,5 долл. США [6];

– расширение прямо не связанной с реальной экономикой финансовой сферы и рост «фиктивного» капитала, проявляющиеся разнообразными «побегами» больших и малых пузырей, грозящих лопнуть и погрести с собой всю глобальную экономическую систему.

Только рынок инвестиционных обязательств, формализованный во фьючерсах, свопах, опционах, ценных бумагах и т. д., оценивается в астрономическую сумму 1,2 квадрилл долл. США, в 70 трлн оцениваются акции, 81 трлн – вся денежная масса, мировой долг в 200 трлн (примерно треть которого приходится на США, законодателя финансовой системы мира) [7]. Держателями 80% всех денег на планете является пятая часть населения [8].

Последний кризис показал, что факторы, его порождающие, имеют тенденцию к увеличению продолжительности и системности, свидетельствующие о назревшей необходимости качественных перемен в архитектуре мировой экономики. Например, американский экономист И. Валлерстайн считает, что уже в ближайшие десятилетия следует ожидать больших изменений в экономическом миропорядке.

Кризис отличается от конъюнктурных проблем (периодически возникающих в развитии любой страны) тем, что попытка его переждать или надежда на то, что такого рода экономическая ситуация разрешится сама собой, только усугубляет последствия этого явления и может привести к полному расстройству социального организма.

Отличие кризиса от текущих экономических сложностей заключается ещё и в том, что помимо мер, которые могут сгладить последствия на уровне отдельных предприятий и домохозяйств, требуется активное вмешательство в его преодоление государства и даже международных организаций.

Современная мировая экономика представляет собой сложный, связанный целостный организм. Поэтому возникающие кризисные явления неизбежно отражаются на всех национальных экономиках. Выздоровление от кризиса в этой связи может быть только совместным, требующим общих конструктивных решений всех стран или, по крайней мере, сообщества ведущих держав.

И всё же центральное место в профилактике и преодолении кризиса принадлежит национальным государствам. Именно этот институт, располагающий всеми атрибутами суверенитета (возможностями принятия решений в интересах общества), формирует политику, определяющую структуру экономики, монетарную политику и систему

⁶ Базанов Е., Оверченко М. Мир потерял равновесие // Ведомости. 2017. № 4 (4239).

⁷ fb.ru/article/300471

⁸ mnogofactov.ru/v-mire/skolko-v-mire-deneg

мер, способствующих восприимчивости общественного хозяйства к инновациям.

Место и роль государства в преодолении последствий кризиса обусловлено не столько необходимостью оперативного реагирования на вызовы, способные нанести ущерб общественному хозяйству в краткосрочной перспективе, сколько особенностями современного его проявления. Эффективность и результативность экономической политики вообще и монетарной в частности всегда неоднозначны, хотя бы потому, что, *во-первых*, порой направлены на реализацию интересов корпораций, групп влияния, коррумпированных сообществ и т. д., *во-вторых*, из-за субъективности, обусловленной невозможностью владения их авторами всей совокупностью объективной информации для принятия рациональных решений (по Дж. М. Кейнсу). Именно поэтому, казалось бы, работающие инструменты государственного влияния на экономику (например, в случае в России – таргетирование инфляции) вызывают у многих экономистов сомнения и критику [9].

Значение государственной политики в реальных условиях определяется системностью кризиса, требующей корректировки стратегии общественного развития, т. е. системы мер, находящихся исключительно в компетенции государства.

Было бы неверным полагать, что государство должно полностью устраниться от решения текущих

проблем и сосредоточиться исключительно на вопросах стратегического порядка. Лагерь сторонников неолиберального посыла о полной устранённости государства из регулируемой «невидимой рукой рынка» экономики неуклонно убывает. В отношении России нерелевантность этого положения, помимо прочего, обусловлена историко-культурным контекстом и особенностями имплементации отечественного капитализма, метко характеризуемого «трофейным».

Генезис нынешнего «издания» капитализма в России не связан с естественным ростом рыночного хозяйства, а явился результатом спланированного раздела государственной собственности. Помимо лишения большинства российских граждан значительной части национального достояния (10% богатых россиян владеют 77% богатства страны [10]), эта метаморфоза результативалась в трансформацию социалистической собственности (институционализированной в масштабных формах) в крупную капиталистическую. Уже в первое капиталистическое десятилетие конкуренция нарождающихся малых форм предпринимательства с крупными финансово-промышленными корпорациями закончилась полным поражением тех, кто мечтал «свободно, в свободной стране» обзавестись собственным делом. Только чистые теоретики, не знающие практики хозяйствования, могут полагать, что предоставлением преференций при

⁹ Пестова А. А. Об оценке эффектов монетарной политики в России: роль пространства шок и изменений режимов политики // Вопросы экономики. 2018. № 2.

¹⁰ Сравнялись с Америкой // Коммерсантъ Деньги. 2017. № 63. 19 декабря. С. 32.

регистрации малых предприятий и запретом проверок надзорными органами можно создать условия для масштабного роста капитализма «снизу» [11].

Управлять, регулировать, принуждать к социализации крупный капитал способно только государство. Правда, избыточное его присутствие в хозяйственной сфере помимо положительных последствий имеет множество неконструктивных. Отсутствие стабильных условий (пространства, недостижимого для чиновничьего произвола, и чрезмерного давления государства) для бизнеса породили эффект массового бегства капитала из страны. За её пределами размещены активы россиян, сопоставимые или даже превосходящие по величине их активы внутри национальной экономики. При этом износ основных фондов в российской промышленности составляет 53%, коммунальном хозяйстве – 70–80%.

«Заграничная прописка» российского капитала не создаёт эффект *trickle-down*, о котором писал Джон Ролз в книге «Теория справедливости», опубликованной в 1971 г., при котором богатство просачивается «сверху вниз» [12].

Вместе с тем попытки сокращения присутствия государства в экономике обречены, так как расширение физически малых размеров экономики фактически ограничено его материальными возможностями, а отсутствие абсолютного института частной собственности и его про-

изводного правового порядка делает государственное регулирование единственным организующим экономикой механизмом.

Очевидно, что в условиях кризиса роль государственного участия возрастает до пределов «ручного управления».

Первое, что может предпринять государство в этих условиях кризиса и что не под силу отдельным субъектам экономической деятельности, это уберечь от окончательного разрушения финансовый сектор страны. Эта мера быстрого реагирования призвана в том числе амортизировать и урон, который неизбежно несут отдельные домохозяйства в связи с обесцениванием банковских вкладов и потерей рабочих мест в разоряющихся предприятиях, т. е. подправить ситуацию средствами *кредитно-денежной политики*. Для этого государство может восполнить недостающий объём средств, находящихся в распоряжении банков, для кредитования потребления и предпринимательства. Меры, направленные на помощь банкам, позволяют прежде всего поддержать потребление населения, расширение которого стимулирует экономику к производству новых товаров и услуг.

Однако такая политика, без продуманной и реализуемой стратегии экономического развития, может лишь поправить экономическое положение в краткосрочной перспективе, но не может гарантировать

¹¹ Господдержка выживания // Ведомости. 2018. № 66 (4547).

¹² Эткин А. Неравенство: Офшорная справедливость // Ведомости. 2017. № 173 (4408). 15 сентября.

от повторения трудностей. Кроме того, финансовая поддержка собственного банковского сектора помимо социальной функции во многом ориентирована на восполнение потерь банков, а следовательно, предполагает расходование средств бюджета (средств государства, поступающих в его распоряжение, от сборов налогов, акцизов и др.) и, таким образом, становится средством перекалывания значительной доли тяжести кризиса на плечи рядовых граждан.

Решения, способствующие временному оздоровлению банков за счёт восполнения утраченной ликвидности (активов, способных поддержать денежный оборот), не могут обеспечить долгосрочную тенденцию на оздоровление экономики, создать условия необратимости обвала финансовой системы страны в будущем. В ряду мероприятий, рассчитанных на исправление последствий кризиса, в среднесрочной перспективе следует указать на усилия государства, призванные изменить «правила игры», на которых основывает свою деятельность банковский сектор и которые привели к кризисным явлениям.

Курс на обновление организации финансов страны характеризуется тремя важными принципами:

– *во-первых*, предотвращение накопления «плохих денег», заработанных на инвестициях (вложениях капитала) в финансовые спекуляции (например, получение прибыли за счёт разницы в курсе валют или провоцировании роста или падения стоимости ценных бумаг и т. д.);

– *во-вторых*, создание эффективного механизма направления капитала и сбережений граждан в реальный сектор экономики (отрасли,

производящие материальные и нематериальные товары и услуги, за исключением финансово-кредитных и биржевых операций);

– *в-третьих*, формирование условий, гарантирующих стабильность национальной валюты и в целом финансовой системы страны, призванных обеспечить необходимое доверие населения, способное, по мысли М. Кейнса, поддержать конструктивный баланс между «сбережениями и инвестициями», увеличить потребление и, таким образом, стимулировать развитие экономики.

Корректировка при преодолении кризиса «правил игры» позволяет говорить не только о его отрицательных, но и положительных последствиях, так как выстраивание «исправленного» механизма функционирования банковского сектора и экономики в целом предполагает большую работу по выявлению и устранению ошибок предшествующего развития.

Например:

– позволяет значительно уменьшить напряжение ценовых пузырей, явившихся результатом переизбытка «спекулятивных денег», требующих всё новых сфер приложения;

– способствует определению границы положительных и отрицательных последствий девальвации (снижения курса) национальной валюты, с одной стороны, благоприятно сказывающейся на финансовом состоянии предприятий, ориентированных на экспорт (поставку товаров за границу), а с другой – вызывающей проблемы в обслуживании внешних займов (осуществляемых в мировых валютах, курс которых в годы кризиса резко возрастает);

– даёт возможность выявить соотношение отрицательного результата роста инфляции, понижающего доходы граждан и её таргетированных значений (размера, определяемого политикой Центрального банка, направленной на ценовую стабильность, как правило, осуществляемую через процентную ставку на кредитные ресурсы).

В целом все инструменты денежно-кредитной политики, направленной на преодоление финансового кризиса и его последствий, применяются в рамках использования того или иного канала денежной трансмиссии.

Трансмиссионный механизм денежно-кредитной политики – это механизм, посредством которого инструменты Центрального банка влияют на экономическую активность населения и организаций, а также основные макроэкономические показатели развития.

Трансмиссионный механизм включает в себя основные каналы, краткая характеристика которых приведена в табл. 2.

Однако монетарная политика государства в целом адекватно отвечает только задачам «краткосрочной экономической стабилизации» и имеет далеко не исчерпывающие возможности стимулирования экономического развития [13].

Основное место в антикризисной деятельности государства по праву занимают мероприятия, связанные с выстраиванием стратегии экономического развития, при-

званные не допустить негативного сценария кризиса и способствующие поступательному росту общественного хозяйства, т. е. **структурная политика**.

Структурная политика – это сложный комплекс мер, призванный в каждый конкретный период экономического развития обеспечить оптимальное (наиболее эффективное) направление всех имеющихся в распоряжении средств на цели экономического роста.

Экономисты, говоря о структурной политике, как правило, имеют в виду:

– устранение риска инвестирования (вложений капитала) в существующие и новые отрасли экономики, прежде всего те, которые имеют конкурентные преимущества на внутреннем и внешнем рынках;

– побуждение бизнеса направлять свои усилия в производства и технологии с неочевидными перспективами быстрого и лёгкого получения прибыли, особенно те, которые требуют больших затрат на науку и новые технические решения, и стимулирование сфер экономики, способных предоставить максимально большое количество рабочих мест.

Структурная политика государства реализуется через реформирование прежних или формирование новых экономических институтов. (Институты – это обличённые в определённую правовую форму или неформализованные установления, например: частная собственность, конкуренция, госзакупки и т. д.)

¹³ Моисеев С. Р. «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 42.

Таблица 2

**Каналы трансмиссионного механизма
денежно-кредитной политики**

Канал трансмиссионного механизма ДКП	Механизм воздействия на деловую активность	Возможность использования канала для преодоления финансового кризиса
Процентный канал	Снижение реальных процентных ставок → уменьшение платежей по кредитам → рост инвестиций → рост совокупного спроса и увеличение выпуска	Сокращение процентных ставок допустимо только в том случае, если финансовый кризис не сопровождается всплеском инфляции. В противном случае снижение ставок приведёт к росту денежной массы, что отразится в росте цен на товары, а не в росте производства
Кредитный канал	Докапитализация банков → рост кредитных ресурсов банков → увеличение объёмов кредитования → рост инвестиций → увеличение выпуска → рост ВВП	Поскольку докапитализация банков происходит за счёт бюджетных средств, кредитный канал не используется для преодоления финансовых кризисов, сопровождающихся сильным дефицитом государственного бюджета
Канал благосостояния	Операции Центрального банка по покупке ценных бумаг на финансовых рынках страны → повышение доходности ценных бумаг → увеличение доходов домохозяйств → рост объёмов потребления → увеличение совокупного спроса → рост выпуска	Для успешного применения данного канала в преодолении финансового кризиса в стране должен быть развитый рынок ценных бумаг, и каждый гражданин должен иметь возможность осуществления операций с ценными бумагами
Валютный канал	Покупки Центральным банком иностранной валюты и снижение процентных ставок → снижение обменного курса национальной валюты → рост экспорта → снижение импорта → увеличение совокупного спроса и производства	Для успешного применения данного канала в стране должны быть чётко отлажены механизмы противодействия вывозу капитала за рубеж, в противном случае поступающие от экспорта доходы не смогут повлиять на рост и развитие производства

Поиск оптимальной структурной политики, призванной обеспечить долгосрочную перспективу экономического роста, не находит решения в рамках неолиберального мейнстри-

ма, предполагающего прежде всего сокращение присутствия государства в экономике [14].

Содержание структурной политики для России, изложенное в докладе

¹⁴ Михайлов А. Экономика «осаждённой страны» // Профиль. Деловой еженедельник. 2017. № 15. 11 декабря.

Высшей школы экономики (ВШЭ) «Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка», представленном Е. Ясиным, сводится к мерам, вряд ли способным обеспечить стратегию роста.

Авторы доклада считают необходимым сориентировать российскую экономику на переориентацию от формирования собственных приоритетных технологических направлений на встраивание в низко- и среднетехнологичные глобальные цепочки создания стоимости и рост сектора услуг, «в том числе креативной индустрии "экономики впечатлений"» [15].

Безусловно, реализация такого рецепта для национальной экономики, как показывает опыт развивающихся стран, в том числе Китая, может способствовать её движению по наращиванию ВВП и даже стимулировать потребление, но с точки зрения обеспечения устойчивого долгосрочного роста не может быть признана оптимальной, так как инициирует не просто интеграцию, но подчинение стратегии развития всем, в том числе негативным, тенденциям глобального миропорядка.

Не ясно и малопродуктивно выглядят рекомендации перестройки структурной политики, опирающейся «на существующий ресурсный и научно-технический потенциал

с учётом особенностей её формирования (российской экономики. – *Авт.*), развития и способности гражданского (не рыночного. – *Авт.*) менталитета» [16].

Высокая степень зависимости структурной политики Российской Федерации, направленной на достижение качественно совершенного технологического уровня от «бюджетного финансирования», и низкая коммерциализация инновационных проектов отмечается в докладе Центра стратегических разработок (ЦСР) [17].

Развернув впечатляющую по масштабам программу структурных трансформаций, авторы доклада внятно не ответили на вопрос о том, как преодолеть это препятствие на пути оптимизации структурной трансформации. В ряду предложенных мер ЦСР:

- создание условий «для запуска в базовом секторе масштабного обновления основных фондов и программного обеспечения»;

- создание модульных цифровых платформ (преимущественно с открытой архитектурой), основанных на корпоративной организации в основных отраслях российской промышленности, прежде всего в автомобилестроении, судостроении и авиастроении, космической промышленности, в иных секторах машиностроения, в медицинской технике и фармацев-

¹⁵ Бутрин Д. Терапия заболеваний экономического роста // Коммерсантъ. 2018. № 65/II (6303).

¹⁶ Халиков М. А., Шафиев Р. М., Максимов Д. А. Последствия включения в мировую экономику. Без кардинальной структурной перестройки России не обойтись // Независимая газета. 2018. № 6 (7198).

¹⁷ Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л. [и др.]. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4.

тике, строительстве и эксплуатации атомных станций, сложных технологических объектов в сфере нефти и газодобычи и др.;

- развитие технологического предпринимательства;

- финансирование НИОКР;

- реализация долгосрочных программ развития;

- формирование нового высокотехнологического сектора российской экономики;

- переход цифровизации из сферы услуг, финансов, медиа в реальный сектор;

- «развёрнутая поддержка системы инженерно-технического образования и формирование на базе ведущих университетов “фабрик” генерации новых технологий».

Безусловно, часть мер, указанных в программе, требующих исключительно организационного ресурса, например, создания проектных структур, заслуживают включения в ближайшие планы реализации. Другая часть проектных мероприятий, для воплощения которых необходимо масштабное финансирование, нуждается в проработке с точки зрения источников монетизации и коммерциализации.

Структурная политика помимо содержательного аспекта имеет другую, не менее важную, методическую сторону реализации. Так, вполне обоснованно экономистами Центра развития ВШЭ высказывается мысль о том, что «три макросектора российской экономики – сырьевой, крупный несырьевой и сек-

тор средних и мелких предприятий имеют жёсткие границы, разные финансовые модели и разным способом реагируют на изменения внешних условий, а следовательно, не могут являться объектом универсальных подходов» [18].

Интерес представляет точка зрения экономистов, которые полагают, что темпы и масштабы в сфере структурных преобразований не должны быть всеобъемлющими, кардинально меняющими прежний социально-экономический строй [19]. Масштабные качественные изменения, *во-первых*, не позволяют использовать конструктивный потенциал преемственности, *во-вторых*, ломают ценности, символы и представления, связанные с определённым хозяйственным укладом, и поэтому оставляют вне субъектности структурных перемен целый пласт активного населения и, *в-третьих*, как любые революционные «рывки», структурный «форсаж» обязательно вызывает встречную контрреакцию, сопротивление, чреватое социальной нестабильностью.

Стратегия государства на достижение структурных перемен, как справедливо утверждали представители немецкой исторической школы экономики, имеет для каждой страны обусловленные национально-культурным контекстом особенности.

Например, для нашей страны необходимой составляющей курса на преодоление кризиса является

¹⁸ Центр развития ВШЭ предлагает отказаться от единой промышленной политики // Коммерсантъ. 2018. № 33 (6271).

¹⁹ Тузиков А. Сила малых шагов // Ведомости. 2017. № 108 (4343).

изменение сырьевой направленности экономики, установление оптимального участия в хозяйственной сфере государства, с одной стороны, обеспечивающее ускоренный рост общественно значимых отраслей и производств, а с другой – не препятствующее нормальному функционированию института конкуренции и не создающее дополнительного пространства для неэффективного и нецелевого использования средств налогоплательщиков для реализации интересов узкого круга лиц.

Учитывая отставание отечественного реального сектора экономики от среднемирового уровня, его размеров и темпов роста, особое значение в ряду стратегических антикризисных мер занимает государственная политика, стимулирующая предложение потребительских товаров и услуг и их внутренний спрос за счёт бюджетных расходов.

Выступая на открытии форума в Давосе, президент В. В. Путин заметил, что Россия имеет неограниченные возможности для экономического роста благодаря ёмкости внутреннего спроса и развития потребительского рынка. Но наша экономика давно требует структурных реформ. При этом лучшее лекарство от кризиса, по мнению президента, является развитие программ массового строительства жилья, дорожной сети, атомной энергетики, машиностроения, сельского хозяйства, ВПК и науки. Эти отрасли могут стать локомотивами национальной

экономики, создать новые рабочие места. И если при этом, отметил В. В. Путин, бюджет страны станет из профицитного (в котором доходы превосходят расходы) разумно дефицитным, ничего страшного в этом нет. Лучше умеренная инфляция и развитие, чем кризис.

По мнению известного экономиста Т. Пиккети, автора книги «Капитал в XXI веке», **бюджетная политика**, перераспределяющая средства, находящиеся в распоряжении государства, на стимулирование экономического развития, составляет важную часть антикризисной политики [20]. *Бюджетная политика* – это политика, регулирующая доходы и расходы государства.

Важной задачей оптимизации бюджетной политики является её ориентация на нужды общества, повышение благосостояния населения.

Мировая экономическая практика располагает достаточным положительным опытом социализации экономики.

Например, заслуживает внимания опыт немецкой социально ориентированной экономики, явившей миру «экономическое чудо», благодаря которому Федеративной Республике Германия удалось не только преодолеть послевоенную разруху, но и выйти в ряд наиболее передовых держав мира. И сейчас при выдаче банковских кредитов (особенно в банках с государственным участием) предпочтение отдаётся не крупным бизнес-структурам, а малым предприятиям и индивидуальным товаропроизводителям.

²⁰ Гайва Е., Гурова М., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт. 2017. № 38. 18–24 сентября.

Институциональная реформа экономики, ориентированная на перспективу роста, должна соответствовать современным цивилизационным трендам (проявляющимся направлениям развития человечества). В связи с этим важной составляющей структурной политики является **инновационная политика**.

При переходе мировой цивилизации к качественно новому состоянию, определяемому сменой материальных источников развития информационными, именно та страна полностью обезопасит себя от нового кризиса, которая сможет наиболее успешно адаптироваться к такой трансформации, т. е. первенство не только в создании антикризисных условий развития, но в ряду передовых стран мира будет принадлежать тем из них, которые в наибольшей степени продвинулись в области новейших наукоёмких технологий, смогут максимально эффективно соединить науку и производство, поставив их на службу обществу, т. е. можно охарактеризовать целеполагание инновационной политики как создание институциональных и материальных условий для перехода к экономике Постмодерна, сложным источником развития которой являются знания и информация.

В артикуляции А. В. Бузгалина, при формировании креативной экономики основополагающими качествами является творческий труд:

– отличающийся от репродуктивного (воспроизводящего прежнее качество);

– выступающий «ценностью, а не обременением»;

– обладающий свойствами самомотивации;

– при котором физическое потребление средств производства носит перфектный характер;

– результирующийся в продуцирование феномена культуры [21, 1, с. 127].

Осознание важности или даже жизненной необходимости обеспечить интеграцию России в цивилизационный мейнстрим демонстрирует первый после инаугурации Указ Президента России, в котором в качестве стратегических задач обозначены стратегические направления:

«– ускорение технологического развития Российской Федерации, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50% от их общего числа;

– обеспечение ускоренного внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере» [22].

Для продвижения этого предполагается «опережающее» развитие науки и образования. Поставлена цель достижения «присутствия Российской Федерации в числе пяти ведущих стран мира, осуществляющих научные исследования и разработки в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития; создание научных центров мирового уровня, включая сеть международных математических центров и центров геномных

²¹ Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7.

²² Российская газета. 2018. 7 мая.

исследований; не менее 15 научно-образовательных центров мирового уровня на основе интеграции университетов и научных организаций и их кооперации с организациями, действующими в реальном секторе экономики; глобальной конкуренто-

способной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок; сквозных цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок».

Таким образом, меры, направленные на преодоление кризиса, как и сам кризис, представляющий собой сложный социально-экономический феномен, не могут быть сведены к односложной и однонаправленной деятельности. Важно отметить два положения, составляющие стержень антикризисной политики: ведущую роль государства в преодолении кризиса и нацеленность не только на устранение его видимых, острых последствий, но и реализация стратегии поступательного экономического развития.

Видимые признаки наступившего в 2008 г. системного кризиса лишь начало большой «цивилизационной ломки», результатом которой должна стать «новая селекция», призванная определить конструктивный потенциал сложившихся социально-экономических реалий, перспективы общественного развития, его «новых» лидеров и аутсайдеров.

Библиография • References

- Базанов Е., Оверченко М. Мир потерял равновесие // Ведомости. 2017. № 4 (4239).
[Bazanov E., Overchenko M. Mir poteryal ravnovesie // Vedomosti. 2017. № 4 (4239)]
- Бузгалин А. В. Закат неоллиберализма // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122–141.
[Buzgalin A. V. Zakat neoliberalizma // Voprosy ehkonomiki. 2018. № 2. S. 122–141]
- Бузгалин А. В. Креативная экономика: частная интеллектуальная собственность или собственность каждого на все? // Социологические исследования. 2017. № 7. С. 43–53.
[Buzgalin A. V. Kreativnaya ehkonomika: chastnaya intellektual'naya sobstvennost' ili sobstvennost' kazhdogo na vse? // Sociologicheskie issledovaniya. 2017. № 7. S. 43–53]
- Бутрин Д. Терапия заболеваний экономического роста // Коммерсантъ. 2018. № 65/П (6303).
[Butrin D. Terapiya zabolevanij ehkonomicheskogo rosta // Kommersant. 2018. № 65/P (6303)]
- Гайва Е., Гурова М., Обухова Е. Не в отдельно взятой стране // Эксперт. 2017. № 38. 18–24 сентября. С. 15–23.
[Gajva E., Gurova M., Obuhova E. Ne v otdel'no vzyatoj strane // EHkspert. 2017. № 38. 18–24 sentyabrya. S. 15–23]
- Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма. М.: Либроком. 2011. – 480 с.
[Gil'ferding R. Finansovyy kapital. Novejshaya faza v razvitii kapitalizma. M.: Librokom. 2011. – 480 s.]
- Господдержка выживания // Ведомости. 2018. № 66 (4547).
[Gospodderzhka vyzhivaniya // Vedomosti. 2018. № 66 (4547)]

- Джованни А.* Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. – 468 с.
 [Dzhovanni A. Dolgij dvadcatyj vek. Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni. M.: Territoriya budushchego, 2006. – 468 s.]
- Идрисов Г. И., Княгинин В. Н., Кудрин А. Л.* [и др.]. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
 [Idrisov G. I., Knyaginin V. N., Kudrin A. L. [i dr.]. Novaya tekhnologicheskaya revolyuciya: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii // Voprosy ehkonomiki. 2018. № 4. S. 5–25]
- Михайлов А.* Экономика «осаждённой страны» // Профиль. Деловой еженедельник. 2017. № 15. 11 декабря.
 [Mihajlov A. EHkonomika «osazhdyonnoj strany» // Profil'. Delovoj ezhenedel'nik. 2017. № 15. 11 dekabrya]
- Моисеев С. Р.* «Ренессанс» монетаризма: чем жила знаменитая теория в 2000–2018 годах // Вопросы экономики. 2018. № 1. С. 26–44.
 [Moiseev S. R. «Renessans» monetarizma: chem zhila znamenitaya teoriya v 2000–2018 godah // Voprosy ehkonomiki. 2018. № 1. S. 26–44]
- Пестова А. А.* Об оценке эффектов монетарной политики в России: роль пространства шоков и изменений режимов политики // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 33–55.
 [Pestova A. A. Ob ocenke ehffektov monetarnoj politiki v Rossii: rol' prostranstva shokov i izmenenij rezhimov politiki // Voprosy ehkonomiki. 2018. № 2. S. 33–55]
- Российская газета. 2018. 7 мая.
 [Rossijskaya gazeta. 2018. 7 maya]
- Сравнились с Америкой // Коммерсантъ Деньги. 2017. № 63. 19 декабря.
 [Sravnyalis' s Amerikoj // Kommersant» Den'gi. 2017. № 63. 19 dekabrya]
- Тузигов А.* Сила малых шагов // Ведомости. 2017. № 108 (4343).
 [Tuzikov A. Sila malyh shagov // Vedomosti. 2017. № 108 (4343)]
- Халиков М. А., Шафиев Р. М., Максимов Д. А.* Последствия включения в мировую экономику. Без кардинальной структурной перестройки России не обойтись // Независимая газета. 2018. № 6 (7198).
 [Halikov M. A., SHafiev R.M., Maksimov D. A. Posledstviya vkljucheniya v mirovuyu ehkonomiku. Bez kardinal'noj strukturnoj perestrojki Rossii ne obojtis' // Nezavisimaya gazeta. 2018. № 6 (7198)]
- Центр развития ВШЭ предлагает отказаться от единой промышленной политики // Коммерсантъ. 2018. № 33 (6271).
 [Centr razvitiya VSHEN predlagaet otkazat'sya ot edinoj promyshlennoj politiki // Kommersant». 2018. № 33 (6271)]
- Эткинд А.* Неравенство: Офшорная справедливость // Ведомости. 2017. № 173 (4408). 15 сентября.
 [EHtkind A. Neravenstvo: Ofshornaya spravedlivost' // Vedomosti. 2017. № 173 (4408). 15 sentyabrya]
- IMF (2017 b) World economic outlook. Seeking sustainable growth: Short-term recovery, long-term challenges (October). Washington, DC: International Monetary Fund.
- Philips K. P.* Boiling Point: Republicans, Democrats and the decline of middle-class prosperity. N.Y.: Random House, 1993. – 307 p.
- fb.ru/article/300471
mnogofactov.ru/v-mire/skolko-v-mire-deneg

Статья поступила в редакцию 14 мая 2018 г.

Повышение эффективности стратегического сдерживания – основное направление политики безопасности России*

Часть 2

Алексей ПОДБЕРЁЗКИН

Конкретные планы в области стратегического сдерживания

Планирование и реализация политико-дипломатических и иных невоенных средств противодействия угрозам стратегической стабильности должно стать научным процессом, который будет совмещён с субъективными особенностями политического искусства. Наиболее актуальная задача в этой связи – попытаться формализовать и обеспе-

чить научно-теоретической основой как процесс научного исследования развития военно-политической обстановки (ВПО), так и ещё более сложный процесс изучения субъективных особенностей политического искусства. Пока что это существует в самом зачаточном состоянии, более того, по численности экспертов и учёных в международной и воен-

---

ПОДБЕРЁЗКИН Алексей Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории, директор Центра Военно-политических исследований МГИМО(У) МИД России, академик Академии военных наук России. *E-mail:* podberezkin@gmail.com

Ключевые слова: стратегическое сдерживание, силовое принуждение, военные потенциалы, конфликты, локальная человеческая цивилизация, НАТО, ВВСТ, стратегическое наступление, стратегическая оборона.

* Окончание. Начало см. Обозреватель–Observer. 2018. № 5.

но-политической области Россия уступает США в несколько раз больше, чем по объёму ВВП [1].

Необходимо сочетание субъективно-эмпирических, порой интуитивных, знаний экспертов-международников, которые иногда бывают уникальными специалистами-страноведами или регионоведами, с политической практикой, широкими и комплексными военно-политическими исследованиями. Это можно делать только в случае индивидуального подхода к каждому такому специалисту, в результате чего можно получить нужную (иногда очень субъективную) информацию.

Таким образом, необходимо:

– *во-первых*, провести своего рода «инвентаризацию» специалистов-страноведов и регионоведов, а также экспертов по отдельным направлениям политики безопасности, объединив их для более эффективного использования в формальные и неформальные сообщества (к сожалению, в результате мы увидим, что по некоторым направлениям и странам осталось всего лишь 2–3 специалиста);

– *во-вторых*, наладить с этими группами диалог для выяснения их субъективного экспертного мнения, которое крайне необходимо и полезно для разработки общей стратегии безопасности России. В этих целях необходимо, например, получение от них максимально подробной и формализованной информации,

которая может состоять из сотен критериев (по аналогии с документами ООН). Так, например, можно составлять:

- паспорт страны;
- паспорт ВПО региона и страны;
- оценку перспектив НИОКР страны и т. д.

Наконец, важно помнить о необходимости развития и поддержки исследований, в том числе специальными «грантами в области безопасности», как это делают заинтересованные министерства и ведомства, в частности Минфин и МЭР. И первое и второе направление находятся в настоящее время в самом начале своего развития: история исследования политических и военно-политических проблем насчитывает менее двух столетий, а политического искусства (если вспомнить Макиавелли) – несколько столетий. Между тем современное отношение к стратегии требует научного подхода и признания «познаваемости» этого процесса, что неизбежно ведёт к попыткам изначальной формализации. Самые хорошие и тщательным образом проработанные концепции и даже планы, разработанные по всем канонам стратегического программирования, рушатся, когда не удаётся создать эффективных механизмов их реализации [2]. И самая первая угроза возникает в связи с неполнотой, недостоверностью и неадекватностью поступающей информации, а затем в связи

¹ Подберёзкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016.

² Кравченко С. А., Подберёзкин А. И. Усложняющаяся динамика политических интересов: вызовы для национальной безопасности России // Обозреватель–Observer. 2017. № 10.

с потребностями оперативного доведения принятых решений до исполнителей.

Другая сложность заключается в том, чтобы максимально широко привлечь экспертов-страноведов и регионоведов к работе по осмыслению политики безопасности, дав им возможность высказывать самые разные, в том числе противоположные официальной позиции точки зрения. И – что особенно важно – учитывать их мнение, что делалось и делается далеко не всегда, хотя неизбежно приводит к провалам в «центральной политике».

Например, в отношении политики Китая, которая (в силу политической конъюнктуры и целесообразности) публично представляется не вполне такой, какая она есть на самом деле.

Так, известный эксперт-китаист Ю. М. Галенович пишет в отношении глобальной и долгосрочной стратегии КНР следующее: «Цель глобальной стратегии современного Китая – сплочение нации Китая для противостояния с "остальным человечеством"... Речь идёт о противостоянии с каждой из его составных частей по отдельности (т. е. и с Россией. – Авт.)» [3, с. 17].

Иными словами, руководство КНР изначально формирует свою картину мира, которая исторически всегда существовала в Китае, как о «ключевой нации», «Срединной империи», что очень настораживает, потому что всегда существовавший китайский национализм, получая новые материальные ресурсы, неизбежно усиливает свои внешнеполитические и военные амбиции. Ес-

тественно, что в ущерб другим странам. Не стоит думать, что это не касается и не будет касаться России.

Очевидно, что с точки зрения политики безопасности и стратегической стабильности не учитывать этой позиции Китая нельзя, особенно с учётом резкого изменения соотношения сил к 2030 г. в пользу КНР [4]. Тем более что «конечной целью тут выступает достижение верховенства над упомянутым "остальным человечеством". В КПК–КНР стремятся не допустить никаких союзов и альянсов тех или иных стран для защиты их интересов во взаимоотношениях с Китаем» [3, с. 17].

Ясно, что подобные акценты (имеющие для КНР принципиальный характер) как минимум противоречат идеям союза БРИКС и ШОС, которые всячески подчёркиваются (вполне обоснованно) сегодня в российской публичной политике и СМИ. Важно, однако, чтобы эти оптимистические оценки отношений с КНР не легли в основу реальной политики безопасности России, например, при формировании планов военного строительства или военно-технического сотрудничества.

Долгосрочная стратегия КПК–КНР, называемая часто «глобальной стратегией», оставляет для России в будущем место периферии, одной из нескольких частей человечества, существующих в зависимости и по правилам Китая. В отличие от стратегий иных локальных человеческих цивилизаций (ЛЧЦ) китайская глобальная стратегия рассчи-

³ Галенович Ю. М. Глобальная стратегия Китая. М.: Русская панорама, 2016.

⁴ Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец, М.: МГИМО-Университет, 2014.

тана на очень долгий период, может быть, на 50–100 лет, одновременно являясь логическим продолжением тысячелетнего существования китайской ЛЧЦ. В отношении СССР и России (пока что) действует принцип Мао, строго соблюдавшийся Дэн Сяопином: «Дружим, не враги и не союзники», который в любой момент может быть заменён на принцип «Вспомним старые обиды».

Другая трудность заключается в том, что таких источников, которые обеспечили бы достоверную картину состояния ВПО, должно быть очень много, а информации, поступающей от них, – огромные объёмы. Организация такого процесса требует специальных органов управления, обладающих политическими, административными и правовыми полномочиями, с одной стороны, и средствами технического обеспечения этой деятельности – с другой.

Очень важна приоритетность, достоверность и качество информации, которые отнюдь не равнозначны по их объёмам, хотя и сами объёмы информации могут ежегодно удваиваться и составлять фантастические показатели, которые ещё недавно казались недостижимыми. Создание необходимых баз мегаданых возможно и полезно только в том случае, когда в этот процесс вовлечены все институты государства и общества, включая отдельных лиц.

Планирование широкого спектра политико-дипломатических, военных и гуманитарных мероприятий в интересах стратегического сдерживания потребует создания специальной системы для сбора, анализа и систематизации огромного объёма информации (особенно при условии

обязательного привлечения индивидуальной инициативы – краудсорсинга), что, в свою очередь, ведёт к необходимости создания другой системы по систематизации, обработке и доведения до потребителей и исполнителей в удобном для них виде информации, исходящей из Совета национальной безопасности и Национального штаба обороны.

Прежде всего необходимо, чтобы такая система сбора и обработки информации могла получать эту информацию от многочисленных источников – ведомств, организаций, отдельных лиц – в максимально обработанном и формализованном виде с тем, чтобы было возможно интегрировать эту информацию в общую картину мира и состояние ВПО. В данном случае необходимо, чтобы недостаток информации не перерос в свою крайность, с одной стороны, и чтобы эта информация могла быть использована – с другой. Поэтому необходимы специальные формы (шаблоны) как для информации, получаемой из ведомств, так и направляемых в инициативном порядке, которые должны быть «на входе» обработаны соответствующим образом.

Думается, что таких форм должно быть немного, может быть, всего несколько, «вырастающих» одна из другой, конкретизирующих и уточняющих друг друга, но основанных на одних и тех же показателях и критериях. В наиболее простой форме таких показателей может быть 3–5, а в сложной – более 20. Первоначальный сбор информации от многочисленных источников может быть осуществлён в самых простых формах, которые со временем будут усложняться.

В качестве примера можно привести самую простую форму-обращение к отдельному департаменту Министерства иностранных дел, в которой требуется экспертная оценка МО и ВПО в регионе.

Форма № 1. Экспертная оценка МО и ВПО в регионе:

1. Оцените в количественной форме степень суверенности политики субъекта МО (государства, организации, личности).
2. Оцените степень готовности к сотрудничеству с институтами России этого субъекта.
3. Оцените степень готовности противостоять внешнему силовому давлению субъекта.
4. Дайте (в количественной форме) характеристику основных 30 параметров экономики, социальной сферы и военной мощи субъекта.
5. Дайте короткую характеристику перспектив развития внешней и военной политики субъекта.
6. Предложите (в порядке приоритетности) формы сотрудничества с субъектом.

Более эффективна и продуктивна другая форма, составленная в виде опросника, содержащего сотни вопросов. Такие формы можно заполнять:

Форма № 2 – индивидуально, отдельными экспертами, в которых используется прежде всего субъективное мнение эксперта, его опыт, интуиция и прогностические способности.

Эта форма имеет очень важное значение при оценке намерений противника, которые могут основываться на иррациональных предположениях. Здесь (в разработке) требуется участие не столько специалистов-страноведов, сколько психологов, философов, политологов.

Форма № 3 – обрабатывая уже имеющиеся материалы (например, годовые отчёты и справки).

Наконец, самая эффективная форма (*Форма № 4*) представляет собой опрос участников ситуационного семинара или круглого стола, участвующих в обсуждении конкретной проблемы.

Очевидно, что такие запросы целесообразно рассылать в адрес пер-

вых лиц организаций и ведомств за подписью руководителей Совета национальной обороны или Национального штаба обороны с указанием соответствующих сроков и ответственных исполнителей.

Другая стороны проблемы – способность Национального штаба обороны немедленно и в полном объёме (при соответствующих мерах защиты) довести информацию до многочисленных потребителей, вплоть до отдельных исполнителей – солдат, журналистов, активистов. Эта проблема должна быть технически решена с высокой степенью надёжности в условиях силового противодействия.

Таким образом, получение, обработка и доведение до потребителей информации со стороны Национального штаба обороны предполагает создание мощной «двойной» системы, связанной с многочисленными исполнителями с помощью различных форм общения и каналов связи. Такая «двойная» система должна быть:

- комплексной, сочетающей и охватывающей все основные направления деятельности в области безопасности – от разведывательно-диверсионных и военных до гуманитарно-культурных и образовательных;

- сетцентрической, связанной как со всеми источниками информации, исполнителями, так и – при необходимости – направленной против множества объектов;

- глубоко интегрированной с практической деятельностью Национального штаба обороны и политикой безопасности, реализуемой другими органами управления Совета безопасности.

Оперативное руководство, координация и контроль в области стратегического сдерживания

Большой и непосредственной угрозой для стратегической стабильности России являются специальные силы, которые представляют разные службы и виды войск, объединённые в силы специальных операций (ССО), отражающие коллективные возможности государства или даже всей коалиции. По некоторым оценкам, их бюджет только в США превысил 10 млрд долл., а численность в последние годы – свыше 70 тыс. чел., что не включает финансирование всей деятельности, в том числе более чем на 120 зарубежных базах разного рода оппозиционных, экстремистских и террористических организаций.

Иными словами, дестабилизацией и силовым противоборством с Россией занимаются в самых разных формах – от террористической деятельности до политико-психологических диверсий – десятки тысяч человек, обладающих огромными финансовыми ресурсами. Причём многие из этих форм и направлений традиционно не соотносятся с использованием военной силы. Даже, например, в тех случаях, когда в результате деятельности ССО террористические организации непосредственно осуществляют нападение на органы власти и управления противника, как это происходит на Кавказе, или организуют националистические и экстремистские батальоны, как на Украине.

В частности, приводятся в пример такие формы действий ССО, которые традиционно не относятся к области вооружённой борьбы, но которые требуют адекватных ответов, как:

– нападения и атаки на объекты, имеющие важное политико-дипломатическое значение (захваты дипломатов, посольств, собственности и пр.), которые совсем не обязательно связаны с физическим уничтожением противника;

– специальное наблюдение и контроль за деятельностью противника, имеющее стратегическое значение, связанное иногда с силовыми действиями (операции против российских дипломатических представителей и дипломатов);

– специальные операции, затрудняющие или прекращающие работы (в том числе НИОКР) в области создания вооружений, военной и специальной техники (ВВСТ), в частности ОМУ (операции в Иране, Ираке, Пакистане);

– операции, препятствующие развитию экстремистской и террористической деятельности противника в самых различных областях – информационной, финансово-экономической, политической и др.;

– поддержка антиправительственных выступлений (до 2014 г. на Украине, а до этого во множестве других стран), которые должны перерасти в вооружённую борьбу и прямое военное противостояние (как в Сирии);

– иностранная внутренняя оборона, предполагающая поддержку «дружественных режимов», противостоящих выступлениям оппозиции (КНДР, Ливан, Израиль);

– иностранная гуманитарная помощь, которая осуществляется в экстремальных условиях в интересах США (Афганистан, Ирак);

– силовая поддержка информационных мероприятий и другие формы внутривнутриполитической дестабилизации противника и т. д.

Множество различных форм силовых операций, которые традиционно не относятся к военным, означает только одно: существуют цели, стратегия и средства для проведения силовых операций специальными силами, которым могут противодействовать только такие же специальные силы, способные использовать как собственные ресурсы, так и ресурсы других силовых ведомств в самых различных целях.

Как известно, в России существуют различные силовые структуры, обладающие специальными силами и средствами для проведения операций самого широкого профиля, но нет структуры, которая обладала бы всеми коллективными возможностями специальных сил МВД, МО, Росгвардии, МЧС, Финансовой разведки, а тем более МИД и СВР.

В этой связи представляется целесообразным создание такой структуры, объединяющей специальные информационные, когнитивные, военные, политико-дипломатические и разведывательно-диверсионные возможности в интересах обеспечения стратегической стабильности и безопасности России в качественно новой военно-политической обстановке. Причём уровень принятия решения в этой структуре должен быть исключительно высок. Оперативное управление этой структуры, имеющей межведомственный характер, должно осуществляться непосредственно Советом национальной безопасности, а сама структура иметь возможность координации всей деятельности не только сило-

вых министерств, служб и ведомств, но и финансовых и социально-экономических органов власти.

При этом важно напомнить, что важнейшая роль в повышении эффективности стратегического сдерживания принадлежит конкретным исполнителям высшего звена, которые осуществляют общую координацию и согласование политики безопасности и проведение конкретных акций и мероприятий.

В современной России, где исполняется не более 25% президентских поручений, эффективность государственного управления является самой острой проблемой. Эта эффективность в области обеспечения национальной безопасности может, вероятно, считаться выше, но, учитывая стремительное обострение ВПО, всё ещё недостаточной.

Так как общее политическое и стратегическое руководство политикой безопасности может и должно принадлежать президенту России и Совету национальной безопасности, оперативное управление и текущую деятельность по реализации этих решений должно быть возложено на **Национальный штаб обороны** (по аналогии с ОКНШ ВС США), частью которого становится Генеральный штаб ВС, а также штабы МВД, Росгвардии, ФСБ, СВР, МЧС и других органов государственного управления, включая Министерство финансов, Министерство здравоохранения и др., которые должны представлять первые заместители руководителей соответствующих ведомств либо (аппарат Правительства России, Совет Федерации, Государственная дума Федерального Собрания и Счётная палата России) руководители соответствующих аппаратов.

В соответствии с Конституцией и политической практикой руководителем Национального штаба обороны может быть только председатель правительства России, в руках которого концентрируется контроль над всей системой исполнительной власти в стране, а также общественными институтами и бизнесом в той части и в пределах тех компетенций, которые оговариваются президентом и Советом национальной безопасности.

Причём (по аналогии с Центральным штабом партизанского движения в годы ВОВ) должны быть созданы отдельные управления по работе с бизнесом и институтами гражданского общества, которые в новых условиях (особенно университеты, частные СМИ, интернет-ресурсы и пр.) будут играть исключительно важную роль в политике безопасности.

В Эстонии уже действует, например, Центр кибербезопасности НАТО, в Латвии – Центр альянса по вопросам стратегических коммуникаций.

Накануне манёвров «Запад-2017» премьер-министр Эстонии Юри Ратас заявил, что его страна вместе с союзниками внимательно следит за ними «и при необходимости готова реагировать».

Сообщается, что летом 2017 г. НАТО передала Украине оборудование для создаваемых в этой стране центров реагирования на компьютерные инциденты для ключевых государственных институтов, в том числе для Службы безопасности (СБУ) и Службы внешней разведки (СВР). Любопытно, что назначенный на днях новый глава СВР Украины Егор Божко долгое время исполнял обязанности главы миссии страны при НАТО.

Напомним, что после событий 2014 г. на Украине при поддержке США и НАТО были развернуты подразделения информационно-психологи-

ческих операций, главная цель которых – «подрыв основ государственного строя России». С ними взаимодействуют уже упоминавшиеся Центр НАТО по вопросам стратегических коммуникаций (Рига), Киберцентр НАТО (Таллин), Командование специальных операций и 4-я группа операций информационного обеспечения Пентагона, 77-я бригада и 15-я группа психологических операций Великобритании.

Отнюдь не случайно поэтому, что одновременно с началом российско-белорусских учений 15 сентября 2017 г. на многие города России обрушился шквал звонков, дезорганизовавших работу многих учреждений.

Национальный штаб обороны России (а не только государственной обороны) должен подготовить проект соответствующего долгосрочного плана политики безопасности для рассмотрения Советом национальной безопасности и утверждения президентом на основании скорректированного варианта Стратегии национальной безопасности и директив, а также с учётом имеющихся и перспективных ресурсов.

Этот план, оформленный в Стратегии национальной безопасности, должен:

– *во-первых*, объединять в реальности задачи национального социально-экономического развития и обеспечения безопасности (чего сегодня нет) и на практике являться основным документом для Концепции внешней политики, Военной доктрины и прочих нормативных документов. При этом статус Стратегии должен быть резко повышен с президентского указа до федерального закона, обязательного к исполнению;

– *во-вторых*, этот план должен опираться на стратегический прогноз развития МО, ВПО и России

и точную (и полную) оценку национальных ресурсов и ресурсов потенциальных союзников;

– *в-третьих*, этот план должен быть комплексным, учитывающим все факторы безопасности, а также влияющие на развитие ВПО тенденции, в частности, факт противоборства локальных человеческих цивилизаций и их военно-политических коалиций (не учитываемый сегодня в Стратегии) [1, 5].

Такой план должен существовать в трёх взаимосвязанных видах:

- краткосрочном – на срок до трёх лет;
- среднесрочном – на срок 3–5 лет;
- долгосрочном – на срок 5–7 и более лет.

Для подготовки указанного плана и его корректировки необходимо, чтобы в Национальном штабе обороны было создано соответствующее подразделение из представителей всех министерств и ведомств, а также Счётной палаты, ЦБ и регионов, которое выполняло бы функции учёта национальных ресурсов.

Средства и способы силового принуждения России

Особенно важное значение в этой области противоборства имеет разработка и применение силовых, но не военных средств и способов, которые прежде относились к области традиционной дипломатии. В настоящее время можно говорить о развитии одновременно двух процессов.

Во-первых, возможности традиционной дипломатии сужаются, её сфера деятельности (в том числе и считавшаяся прежде исключительной – личная дипломатия) становится всё менее значимой. Лидеры государств и правительств, высшие чиновники обладают теперь возможностями не только для личных встреч по несколько раз в год, но и регулярных контактов, а также других действий, т. е. они фактически находятся в постоянном контакте.

Другая сторона вопроса – их отношения со СМИ и социальными се-

тями, где они практически мгновенно реагируют на изменение МО и ВПО.

Так, например, Д. Трамп до 10 раз в день комментирует и делает заявления в *Twitter*, а его аудитория насчитывает десятки миллионов человек.

Традиционная дипломатия, таким образом, становится всё менее важной для политики, что, кстати, отражается на внимании к ней руководителей государств.

В частности, именно в этой связи Трамп намеревался в 2017 г. сократить бюджет Государственного департамента на 30%.

Во-вторых, одновременно со снижением значения традиционной дипломатии резко возрастает роль других средств и способов политики, прежде всего силовых, военно-силовых и военных. Эти средства вытесняют средства дипломатических пе-

⁵ *Tomes R. Releaning Countersurgency Warfare. U S Army War College, 2004.*

реговоров, оставляя за ними возможность международно-правового закрепления тех или иных политических результатов. Очень условно эти новые силовые средства политики и создаваемые ими угрозы можно разделить на три большие группы, изначально сделав очень важную оговорку: между этими группами нет чётких границ, более того, эти границы сознательно стираются. Во многом именно поэтому противодействовать этим средствам силовой политики и создаваемым ими угрозам сколько-нибудь исключительно военными средствами невозможно либо как минимум неэффективно.

Первая группа – силовые, но не военные средства и способы политики, которая, в принципе, может относиться в той или иной степени – как видовое понятие – к другим двум группам, потому что они объединяются единой концепцией силового принуждения. Тем не менее в эту группу входят многочисленные способы силового принуждения без вооружённого насилия, которые используют средства экономического, политического, информационного, когнитивно-психологического и иного принуждения, а также политико-психологический шантаж применения вооружённого насилия.

Противодействовать этим средствам силового насилия военными средствами в современных условиях не считается адекватной реакцией, хотя в истории можно найти немало примеров того, как это делалось в прошлом, когда, например, торговые преференции достигались за счёт прямого применения военной силы.

Есть основания полагать, что при исключительно опасных невоенных

угрозах государства в будущем смогут использовать для своей защиты военную силу. Например, против эмбарго, блокады и т. д. Испытания в КНДР ядерного оружия и баллистических ракет, по сути, военный ответ на экономические санкции.

Нельзя категорически исключать возможности военного ответа со стороны России на невоенные, но угрожающие безопасности и стратегической стабильности угрозы со стороны западной военно-политической коалиции. Например, в случае использования электромагнитного импульса, попытки выведения из строя системы раннего оповещения о ракетном нападении или кибернетическом нападении. Но эти варианты военного ответа на военные угрозы, которые должны прорабатываться, не являются основными и рабочими. Наиболее приемлемыми и используемыми становятся варианты **асимметричного ответа на невоенные силовые угрозы**.

В последние годы спектр этих средств и способов резко возрос, более того, обновляется практически ежедневно.

Если, например, посмотреть на политику США по отношению к России последних трёх лет, то можно легко увидеть такие новые силовые способы, как:

- угрозы представителям правящей элиты, в том числе личные, попытки запугивания, аресты имущества, счётов, активов и пр.;

- использование подконтрольных международных организаций для создания психологического давления на различные профессиональные и иные сообщества в России – спортсменов, учёных, деятелей искусства, СМИ и т. д.;

- создание атмосферы политико-дипломатической изоляции России, отмены визитов и других контактов, свёртывание дипломатической деятельности (сокращение дипперсонала, консульств);

– личные угрозы руководителям и оскорбления представителей России;

– попытки сдерживания активности России в международных правительственных и неправительственных организациях;

– организация процесса пересмотра существующих норм международного права и правил работы международных организаций (Совет Европы, ООН и др.).

Вторая группа средств и способов силового принуждения – военно-силовая группа, в которую входит очень широкий и постоянно расширяющийся спектр средств и способов. Они, как правило, ассоциируются с «асимметрической войной», под которой подразумевается «асимметрическое» использование преимуществ США и западной ЛЧЦ в ресурсах и методах их применения [5]. С точки зрения развития доминирующего сценария «Военно-силового противостояния» до 2025 г. эта группа средств и способов силового принуждения может считаться основной.

Примечательно, что в России на официальном уровне придаётся важное значение развёртыванию этой активности, но она непосредственно не ассоциируется с внешней политикой США и их союзников.

Так, в тексте Стратегии национальной безопасности в нескольких редакциях «борьба с международным терроризмом» выносится на самое приоритетное место, но не уточняется, что этот международный терроризм и экстремизм является во многом и прежде всего порождением западной политики [6].

Более того, и сегодня часто террористические акции объясняются не действиями созданных спецслужбами организаций, а «индивидуальным творчеством».

Вторая группа средств и способов силового принуждения находится в состоянии очень быстрой динамики развития и легализации. Поэтому она требует тщательного мониторинга и оперативного осмысления. В ней, в частности, можно выделить следующие наиболее важные подгруппы:

– *подгруппа № 1* – силовые военные средства, не считающиеся вооружённым насилием: киберсредства, информационные средства борьбы, средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и др.;

– *подгруппа № 2* – использование средств и способов экстремистских организаций и радикальной оппозиции, что очень наглядно проявилось на Украине в 2014–2017 гг.;

– *подгруппа № 3* – создание и развёртывание террористических организаций, способных выполнять задачи в интересах политики Соединённых Штатов Америки и их союзников, не ассоциируясь прямо с руководством этих стран;

– *подгруппа № 4* – создание и использование диверсионных и террористических организаций ВС, а не специальных служб. Прежде всего речь идёт о развёртывании новых сил и средств Сил специальных операций (ССО), не входящих в структуру ВС США и ЦРУ, таких как многочисленные частные воен-

⁶ Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

ные кампании типа *Blackwater*. В этих целях в 1999 г. был создан на базе ВМС США Центр по асимметричной войне.

Третья группа средств и способов силового принуждения – военные средства и способы, которые широко и традиционно используются как политико-психологические средства силового принуждения (как говорили прежде – «без стрельбы») в двух формах:

– *эксплицитной* (явной) – открытого военного шантажа с применением военной силы. Эта форма в последнее время открыто демонстрировалась США в отношении Сирии, Ирана, КНДР, а в определённые периоды времени и против СССР и России.

Но эту же форму использовал СССР во время кризиса 1956 г. в Египте, кризиса 1962 г. на Кубе, а также – менее выражено – во время Вьетнамской войны США.

При определённых условиях эта форма используется нередко и сегодня, например, когда «отставные» или «не отвечающие» за внешнюю политику лица (в том числе сенаторы, конгрессмены и пр.) пытаются угрожать использованием ядерного оружия, что было характерно не только для кризиса с КНДР, но и вокруг ситуации в Грузии и на Украине.

Но эта форма, по сути дела, ультиматум, далеко не всегда эффективна даже по отношению к заведомо более слабым государствам, хотя полностью исключать её из арсенала политических средств нельзя;

– *имплицитной* (скрытой) – когда принуждаемого объекта заставляют

учитывать возможные военно-политические последствия.

Примером этому служит решение США о возможности предоставления Украине летального оружия, которое посчитали на Западе удачным примером силового давления на Россию.

«Президент РФ Владимир Путин согласился на ввод контингента ООН на Донбасс, потому что испугался заявлений руководства США о предоставлении Украине летального оружия». Об этом 16 сентября 2017 г. в Киеве на конференции «Ялтинская европейская стратегия» заявил бывший генсек НАТО Андерс Расмуссен. И далее: «Путин понимает, что цена продолжения дестабилизации на Украине стала выше. Очень часто политические и дипломатические процессы можно проводить через чётко сформулированную угрозу использования силы. Я уверен, что дальнейшее давление на Россию поможет этому процессу», – подчеркнул он. Более того, он утверждал, что, для того чтобы миротворческая миссия ООН «стала реалистичной», ей нужен мандат, по которому она сможет контролировать границу между Украиной и Россией и получит полномочия защищать «не только ОБСЕ, но и население». «Если Россия примет всё, что я перечислил, то ей может быть выдан пряник в виде снятия санкций», – добавил Расмуссен*.

И первая и вторая форма силового политического принуждения не являются новыми явлениями. Их «расцвет» применения пришёлся на годы, когда США обладали ракетно-ядерным превосходством, но по мере складывания военно-стратегического равновесия между СССР и США, ОВД и НАТО эти формы отходили в отношениях между двумя центрами силы на второй план, но до кон-

* На этот счёт написано много работ в период 70–90-х годов, в том числе и автором.

ца так и не исчезли, трансформируясь в состояние ядерного сдерживания.

С конца 90-х годов такая ситуация постепенно стала девальвироваться. Нападение в 1999 г. НАТО на Югославию, по сути, означало, что ядерное сдерживание сохранилось только в отношении угроз и попыток силового давления на Россию. Развитие последующих событий в Ираке, Афганистане, Ливии, Сирии и на Украине показало, что политико-психологическая форма силового военного давления на Россию со стороны Запада не работает, однако такому состоянию объективно угрожают две военно-технологические тенденции в развитии военной политики Запада:

– *во-первых*, создание потенциала высокоточного оружия разных типов базирования в неядерном оснащении (ВТО), обладающего большой дальностью и численностью, который будет размещён до 2025 г. на разных стратегических направлениях против России;

– *во-вторых*, развёртывание глобальной и глубоко эшелонированной системы ПРО США и их союзников, развёртывание и совершенствование которой рассматривается как долгосрочная и приоритетная программа США и их союзников. Учитывая огромный экономический потенциал западной коалиции, эта система может стать достаточно эффективной в обозримой перспективе.

Развитие обеих тенденций может привести к такой стратегической об-

становке к 2025 г., когда ядерное сдерживание России станет неубедительным. Во всяком случае, это состояние будет быстро девальвироваться, т. е. сомнения в эффективности сил ответного удара со стороны России будут нарастать [7]. В этой связи неизбежна резкая активизация политико-дипломатической и неофициальной (непубличной) деятельности России, которая потребует принципиального пересмотра основ стратегического сдерживания и политики безопасности.

Политико-дипломатические и иные меры противодействия и укрепления политики безопасности и стратегической стабильности России могут находиться в самых различных плоскостях – от высшего политического уровня до уровня народной дипломатии. Более того, можно выделить и такие уровни, которые сегодня пока что практически не задействованы, как «национальный» и даже «глобальный».

При этом важнейшим условием их разработки должно быть изменение характера их использования от только и исключительно оборонительного к **контрнаступательному и даже стратегически наступательному**.

Это означает, что понимание эффективного стратегического сдерживания должно включать в себя в обязательном порядке не только ответы на угрозы, но и активные наступательные действия, которые в настоящее время не планируются. Инициативы России в Сирии и на Украине показали эффективность та-

⁷ Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

кой политики. Если в каких-то областях сохраняется стратегия оборонительных действий, то в других необходимо обязательно найти возможность для ведения контрнаступательных операций и даже стратегического наступления. Прежде всего в политико-дипломатической, информационной и когнитивной областях, где Россия должна перехватить инициативы, которые ей навязывает Запад, обладающий многократным превосходством в ресурсах.

Причём для каждого из уровней противоборства необходима специ-

альная разработка средств и способов. Такая «многоуровневая» стратегия обороны и наступления обеспечивает значительно более высокую эффективность. По аналогии с военной областью – где, например, дорогостоящей ракетой не будут уничтожать дешёвую и второстепенную по своей важности цель.

Так, для президента России потребуется, например, популярный сайт и блог, для министра обороны России – другой, а для уровня народной дипломатии – множество блогов и много блогеров.

Стратегическое наступление

Никогда ещё политической победы в силовом конфликте не добивались при помощи только оборонительных средств и способов противоборства. Важно самим выбрать те области, где можно было бы проявить инициативу и начинать масштабное стратегическое наступление, имеющее конечной целью укрепление стратегической стабильности в условиях фактически ведущейся против России войны.

В области официальной политико-дипломатической деятельности требуется:

- *во-первых*, обеспечить активизацию силовой деятельности и инициативы сил специальных операций России, имея в виду навязывание инициативы противоборства, а не только отражения угроз;

- *во-вторых*, активизировать весь спектр политико-дипломатических средств и способов, в частности, провести глубокую и массивную публичную кампанию, в которой необходимо продемон-

стрировать самые острые формы политики силового принуждения:

- связь правительств США и других стран Запада с международными террористическими организациями, более того, их ответственность за создание и развитие таких организаций;

- роль правительств США и их союзников в создании и поддержке экстремистских организаций и движений.

Это можно сделать на разного рода международных конференциях (желательно не только в Москве), инспирируя дискуссии на основе утечек информации, публикации многочисленных материалов, прямых обвинений руководства США и их союзников, сделанных самыми разными представителями СМИ, социальных сетей, полуофициальных и официальных органов. Так, например, возможно проведение регулярных брифингов, посвящённых международному терроризму, со стороны Антитеррористического центра ФСБ.

Но не только. Ещё более наступательный характер, привлекающий внимание СМИ, могут иметь брифинги СВР и даже ГРУ ГШ МО;

– *в-третьих*, может быть полезным возвращение к практике советских лидеров, когда выдвигаются публично масштабные внешнеполитические инициативы, которые трудно замолчать, в самых разных областях, но особенно в тех, где американская политика носит заведомо критикуемый внутри страны и за рубежом характер.

В частности, во **внутриполитической области** можно обратить внимание общественности на такие крупные недостатки американской системы, как:

- сохраняющаяся расовая дискриминация;
- высокий уровень безработицы;
- несовершенство политической и избирательной системы и пр. недостатки, лишаящие США права претензий на мировое лидерство.

Во **внешнеполитической области** можно использовать такие темы, как:

- длительное военное присутствие США в Афганистане и Ираке, превратившееся в оккупацию;
- «террор беспилотников» в Пакистане;
- нарушение суверенитета государств без решения ООН и т. д.

В области публичной дипломатии и информационной деятельности необходимо вернуться к практике и опыту Советского Союза, когда создавались и поддерживались массовые общественные и профессиональные организации, которые сотрудничали с зарубежными партнёрами:

- общества дружбы;

- молодёжные, студенческие, профессиональные, научные, образовательные и прочие организации, ассоциации и союзы.

В области силовой политики необходим переход к активным действиям, которые могут вестись отдельными социальными группами и даже лицами, включая экстремистские, в том числе на территории потенциального противника.

Так, например, возможна помощь национальным и расово ориентированным группам, отдельным оппозиционным слоям, создание неправительственных НПО, в том числе ориентированных на националистическую деятельность, и т. д.

В этой области необходима очень жёсткая координация политических, специальных и информационных органов с тем, чтобы сохранить конфиденциальность мероприятий. Следует понимать, что террористическая и экстремистская деятельность, как правило, не возникает стихийно, под влиянием неких эмоций или религиозных чувств. И первое и второе является следствием политики противоборства, организованными ССО (или их аналогами). Поэтому и борьба с международными террористическими и экстремистскими организациями должна вестись теми же средствами и способами, т. е. силами и средствами ССО, а не классическим использованием военной силы.

Не следует создавать излишних иллюзий, а тем более самим верить этим иллюзиям, что террористическая и экстремистская деятельность имеет стихийный характер. Особенно негативно это сказывается в тех случаях, когда подобные положения фиксируются в официальной

ных и нормативных документах, как, например, в редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, где приоритетом объявляется борьба с неким абстрактным международным терроризмом. Борьба России на Кавказе и других регионах свидетельствует, что ни традиционная военная сила, ни политико-дипломатические средства не в состоянии обеспечить позитивного результата. Нужно комплексное и комбинированное военно-силовое насилие (информационное, политико-дипломатическое давление, разведывательное, военное, специальное военно-техническое и пр.).

Даже в тех случаях, когда за каким-то враждебным актом и не стоит непосредственно организующая (и обеспечивающая ресурсами) сила, эта сила может:

- создавать атмосферу страха и террора;

- дестабилизировать внутривнутриполитическую ситуацию;

- содействовать распространению идеологии (в том числе через образование, игрушки, фильмы и т. п.) терроризма и экстремизма;

- создавать сознательно социально-экономические трудности и т. п.;

- особенно опасное явление, развивающееся с конца 80-х годов XX в., – феномен «бескомандных соединений» и «волков-одиночек», высокопрофессиональных лиц, не связанных порой формальными обязательствами с руководством страны [8].

Поэтому удар против терроризма и экстремизма должен быть прежде

всего ударом по источнику политического заказа, финансирования и организационно-технического обеспечения, т. е. по штабу, который необходимо принудить отказаться от этих форм борьбы под угрозой проведения аналогичных мер. Так, например:

- можно предоставить оппозиции в Афганистане современные средства ведения борьбы с тем, чтобы максимально увеличить количество потерь в вооружённых силах именно США и их союзников, что, как известно, встречает на Западе болезненную реакцию. Увеличение американских потерь с 2 тыс. до 20 тыс. сделает присутствие США невозможным, но это также может стать мотивом для прекращения антиросийской террористической деятельности;

- можно профинансировать радикальную антиамериканскую деятельность исламских организаций на Ближнем и Среднем Востоке и в Африке;

- можно усилить антиамериканскую направленность тех зарубежных СМИ, которые в наиболее резкой форме выступают против США и т. п., создав тем самым «площадку для компромисса» о прекращении террористической деятельности;

- наконец, необходимо перехватывать инициативу в области сетевых систем Интернета, которые превратились в очень эффективные силовые средства политики. При помощи государства и общества можно сделать эти сети своим инструментом силовой политики. При этом

⁸ Савин Л. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. М.; СПб.: Питер, 2016.

надо отчётливо понимать, что Соединённые Штаты Америки не откажутся от неё полностью, потому что в рамках стратегии силового принуждения России им будет необходима стадия перерастания внутриполитической нестабильности в стадию «низвержения режима».

И что очень важно – среди этих информационно-сетевых средств силового принуждения именно средства взаимодействия между отдельными субъектами ВПО стали играть исключительно важную, особую роль. Учитывая же, что именно в этих средствах западная ЛЧЦ обладает фактическим монополизмом (контроль более 95%), становится понятным и значение этих информационных средств, используемых в качестве инструментов политики принуждения [9].

В настоящее время существует много понятий и терминов, которые используются, например, в США, в качестве способа влияния на зарубежных субъектов при помощи Интернета:

- цифровая дипломатия (*digital diplomacy*);
- интернет-дипломатия (*internet diplomacy*);
- дипломатия социальных сетей (*twitter diplomacy*);
- публичная дипломатия *Web 2.0* (*public diplomacy Web 2.0*).

При этом наиболее распространённым термином в Соединённых Штатах Америки считается последний. Публичная дипломатия *Web 2.0*

представляет собой целый комплекс инструментов политического, военного и иного влияния, который можно активно использовать в интересах безопасности России:

- в организационно-политической форме – для создания и поддержки существующих сил и структур, а также противодействию этой деятельности (через социальные сети происходит вербовка порядка 80% террористов), например, рассылки необходимой информации, в том числе через мобильные телефоны;

- в пропагандистской области – размещение теле- и радиоконтента в Интернете, распространение литературы и т. п.;

- в области информационной борьбы – вбрасывание дезинформации, слухов, ложных идей и концепций, организация и мониторинг дискуссий в блог-пространстве, создание реальных и ложных сайтов, страничек и любого контента в социальных сетях;

- в политической области – создание необходимой атмосферы и основы для тех или иных политических или военных решений (например, наличия химического оружия у Сирии).

Важно понимать, что при хорошей организационной работе со стороны заинтересованных структур России, а главное, креативной части общества, все эти средства могут превратиться в очень эффективные инструменты силовой политики, разработанные в науке.

---

⁹ Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей // Обозреватель–Observer. 2017. № 9.

Библиография • References

- Галенович Ю. М. Глобальная стратегия Китая. М.: Русская панорама, 2016. – 1175 с.
[Galenovich Ju. M. Global'naja strategija Kitaja. M.: Russkaja panorama, 2016. – 1175 s.]
- Кравченко С. А., Подберёзкин А. И. Усложняющаяся динамика политических интересов: вызовы для национальной безопасности России // Обозреватель-Observer. 2017. № 10. С. 25–41.
[Kravchenko S. A., Podberjozkin A. I. Uslozhnjajushhajasja dinamika politicheskikh interesov: vyzovy dlja nacional'noj bezopasnosti Rossii // Obozrevatel'-Observer. 2017. № 10. S. 25–41]
- Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки / под ред. А. И. Подберёзкина, К. П. Боришполец. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 874 с.
[Nekotorye aspekty analiza voenno-politicheskoi obstanovki / pod red. A. I. Podberjozkina, K. P. Borishpolec. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 874 s.]
- Подберёзкин А. И. Стратегия национальной безопасности России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. – 338 с.
[Podberjozkin A. I. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossii v XXI veke. M.: MGIMO-Universitet, 2016. – 338 s.]
- Подберёзкин А. И., Жуков А. В. Факторы безопасности для российской нации, государства и общества. Угрозы силового использования социальных сетей // Обозреватель-Observer. 2017. № 9. С. 23–40.
[Podberjozkin A. I., Zhukov A. V. Faktory bezopasnosti dlja rossijskoj nacii, gosudarstva i obshhestva. Ugrozy silovogo ispol'zovanija social'nyh setej // Obozrevatel'-Observer. 2017. № 9. S. 23–40]
- Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному Собранию // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>
[Poslanie Prezidenta RF V. V. Putina Federal'nomu Sobraniju // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>]
- Савин Л. Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. М.: СПб.: Питер, 2016. С. 177–182.
[Savin L. Novye sposoby vedenija vojny: kak Amerika stroit imperiju. M.: SPb.: Piter, 2016. S. 177–182]
- Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
[Ukaz Prezidenta RF № 683 ot 31 dekabrja 2015 g. «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/]
- Tomes R. Releaining Countersurgency Warfare. U S Army War College, 2004.

Статья поступила в редакцию 9 марта 2018 г.

Новые подходы ООН к демилитаризации постконфликтных государств

Часть 1

Демилитаризация постконфликтных государств
в парадигме миростроительства ООН

Сергей ТИШКОВ

Миростроительство ООН и проблемы построения устойчивого мира

Построение устойчивого мира в регионах и странах, пострадавших от внутренних конфликтов, требует скоординированных усилий мирового сообщества и акторов мировой политики на глобальном и региональном уровне.

Конфликтные страны и регионы являются ареной активной реализации геополитических интересов ве-

дущих мировых держав, стремящихся к превращению конфликтов в инструмент воздействия на региональную и мировую стабильность [1]. Так, активное вмешательство Соединённых Штатов Америки и их сателлитов из НАТО в дела ближневосточных и североафриканских стран спровоцировало там не только развал государственности, но и кро-

---

ТИШКОВ Сергей Александрович – кандидат политических наук, доцент Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД, *SPIN-код*: 3391-1028, *E-mail*: stishkov@list.ru

Ключевые слова: ООН, миростроительство, демилитаризация, разоружение, ресоциализация.

¹ Карпович О. Г. Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях. Автореферат дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. М., 2012. С. 19.

вавые внутренние конфликты, оставившие после себя значительные людские потери и вакуум власти [2].

В условиях возрастания фактора милитаризации международной политики, оправдания и реализации воинственного внешнеполитического курса как фактора развития мирового сообщества повышается востребованность мер легитимного глобального реагирования, которое может быть обеспечено только под эгидой ООН [3].

Несмотря на относительные неудачи и всё более активную (и отчасти обоснованную. – Авт.) критику, именно миротворческая деятельность Организации Объединённых Наций остаётся неоспоримым признанным фактором глобальной и региональной стабильности.

Важным инструментом в арсенале ООН является постконфликтное миростроительство, предусматривающее последовательную реализацию мер по предотвращению или уменьшению риска возобновления конфликта и оказанию помощи в восстановлении мирной инфраструктуры [4].

Меры по предотвращению возобновления конфликта могут включать:

– организацию переговоров между сторонами о правовом закреплении прекращения конфликта и постконфликтном взаимодействии;

– содействие в поддержании безопасности в регионе в постконфликтный период;

– розыск и привлечение к ответственности военных преступников;

– содействие в постконфликтной реабилитации отдельных групп лиц и другие меры.

Меры по восстановлению мирной инфраструктуры подразумевают помощь в восстановлении технической и социально-экономической инфраструктуры; содействие проведению выборов (при необходимости под международным контролем), всестороннюю помощь в возвращении беженцев и перемещённых лиц и пр. [5].

Таким образом, постконфликтное миростроительство направлено не только на обеспечение безопасности с точки зрения политико-военного измерения, но и способствует развитию экономического, социального и гуманитарного потенциала (*capacity building*) государства, выходящего из внутреннего конфликта [6].

Стратегия миростроительства нашла своё отражение в докладе

² Лобанов К. Н., Моисеев В. В. Гражданская война в Сирии и геополитические интересы России в Ближневосточном регионе // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 104.

³ Цыбаков Д. Л. Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография / под ред. Р. А. Явчуновской. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 29.

⁴ Чернобровкин И. П. Понятие миростроительства в контексте конфликтного управления // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9. С. 143–149.

⁵ Матчанова З. Ш. Миротворчество в системе механизмов поддержания международного мира и безопасности: организационно-правовые аспекты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 4. С. 45.

⁶ Тишков С. А. Многокомпонентные миротворческие миссии ООН: опыт, проблемы, перспективы: монография. Орёл: ОрёлГУЭТ, 2017. С. 84.

Группы по операциям ООН в пользу мира, возглавляемой бывшим министром иностранных дел Алжира Л. Брахими, известном как «доклад Брахими» [7].

Доклад, подготовленный в 2000 г., послужил началом для внутреннего реформирования политики вмешательства ООН в конфликты, в соответствии с которой ООН изменила архитектуру миростроительных усилий, закрепив новую форму миротворческих операций – многокомпонентные миротворческие миссии (*multi-dimensional peacekeeping operations*), реализующие широкий перечень политических, военных и гражданских задач.

При этом именно комплекс задач, связанных с обеспечением безопасности, установлением режима соблюдения законности и правопорядка, являясь одним из стандартных направлений деятельности многокомпонентных миротворческих миссий, позволяет создать базис для дальнейшего строительства устойчивого мира, развития сектора государственного управления, политического и экономического восстановления постконфликтного общества.

Можно согласиться с мнением ряда российских авторов о том, что именно способность государств выполнять свои основные функции свидетельствует об их состоятельности с позиции функционального подхода. Поэтому политическая институционализация формируемых или постконфликтных государств не должна сводиться только к созданию правовых норм и процедур, а во многом зависит от эффективной деятельности государственного аппарата для создания новых возможностей [8].

Целесообразно рассмотреть актуальные для теории и миротворческой практики проблемы участия ООН в широкомасштабной деятельности по демилитаризации постконфликтных государств, как правило, реализуемой после прекращения вооружённой борьбы противоборствующих сторон и предусматривающей разоружение ранее враждовавших сторон, сокращение или реформирование вооружённых сил и реинтеграцию бывших комбатантов и ассоциированных с ними лиц в гражданское общество для обеспечения устойчивой безопасности.

Опыт ООН по демилитаризации постконфликтных государств

Опыт миростроительства ООН показывает, что для достижения устойчивого мира необходимо

не только демобилизовать регулярные воинские подразделения и разоружать незаконные вооружённые

⁷ Report of the Panel on UN Peace Operations. UN Doc. A/55/305-S/2000/809 (August 21, 2000) // URL: <http://www.un.org>

⁸ Силаева З. В., Большаков А. Г. Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 3. С. 231, 237.

формирования (НВФ), терроризирующие постконфликтное общество, но и создать атмосферу доверия, сплотить население страны на фоне должного уровня безопасности как основы для построения устойчивого мира [9].

Поэтому за последние 20 лет программы разоружения, демобилизации и реинтеграции (*demobilization, disarmament and reintegration*, далее – РДР) закономерно стали неотъемлемой частью постконфликтной консолидации мира и заняли важное место не только в мандатах миротворческих операций, проводимых под эгидой Департамента операций по поддержанию мира (*Department of Peacekeeping Operations*), но и в мандатах политических миссий, разворачиваемых Департаментом по политическим вопросам (*Department of Political Affairs*).

Например, 25 января 2016 г. Совет Безопасности ООН единогласно принял решение о создании политической миссии под руководством Специального представителя Генерального секретаря для участия в работе трёхстороннего механизма наблюдения и контроля за соблюдением режима окончательного двустороннего прекращения огня и боевых действий, а также за процессом сложения оружия в условиях мира между правительством Колумбии и Революционными воору-

жёнными силами Колумбии – Армией народа (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia – Ejército del Pueblo, Revolutionary Armed Forces of Colombia – People’s Army*, далее – РВСК-АН) [10].

Одним из условий достигнутых соглашений было поэтапное разоружение боевиков под международным контролем, что предусматривало не только сдачу повстанцами личного оружия, но и извлечение расположенных в труднодоступной местности тайников с вооружением.

16 августа 2017 г. Центр новостей ООН сообщил, что сдача оружия повстанцами в стране официально завершилась. Глава Миссии ООН в Колумбии Жан Арно отметил, что разоружение было «исчерпывающим» и бывшие бойцы РВСК-АН сдали свыше 8 тыс. единиц оружия [11].

На смену данной миссии пришла Контрольная миссия ООН в Колумбии (*United Nations Verification Mission in Colombia*), которая была учреждена резолюцией Совета Безопасности ООН S/RES/2366 (2017) [12] для мониторинга за проведением следующего этапа реализации подписанного мирного соглашения, включая политическую, экономическую и социальную реинтеграцию РВСК-АН и оказание соответствующей поддержки [13].

В первоначальной («традиционной». – *Авт.*) парадигме снижение уровня милитаризации в условиях постконфликтного восстановления предусматривались три последовательно реализуемые в рамках одной миротворческой операции стадии «разоружение – демобилизация – ре-

⁹ Тишков С. А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2017. Т. 43. № 15. С. 176.

¹⁰ Резолюция СБ ООН от 25 января 2016 г. S/RES/2261 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/017/41/PDF/N1601741.pdf?OpenElement>

¹¹ <https://news.un.org/ru/story/2017/08/1309421>

¹² Резолюция СБ ООН от 10 июля 2017 г. S/RES/2366 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/208/98/PDF/N1720898.pdf?OpenElement>

¹³ <https://colombia.unmissions.org/en>

интеграция», которые были тесно связаны между собой.

По мере реализации каждой из стадий данного процесса ответственность переходила от военного компонента миротворческой миссии, в большей степени вовлечённого в деятельность по разоружению и отчасти демобилизации, к гражданскому компоненту, ответственному совместно с местными политическими силами и гражданским обществом за социально-экономические аспекты демобилизации и реинтеграцию демобилизованных лиц.

При этом, являясь наиболее востребованным инструментом реагирования на вызовы международной безопасности, миротворческие операции ООН постоянно сталкивались с проблемами, связанными со спецификой конфликтной динамики, что негативно влияло на результаты миротворчества в целом и деятельность по демилитаризации в частности.

Как вывод – эффективность программы разоружения, демобилизации и реинтеграции зависит от совокупности внешних, региональных и внутренних факторов и условий, а также результатов деятельности миротворцев в конкретной стране.

В региональном разрезе можно выделить интересы соседних государств в эскалации или прекращении конфликта, наличие региональных НВФ, возможности осуществления региональных и межгосудар-

ственных программ разоружения и т. д.

К внутренним факторам относятся уникальность разоружения в каждой стране; позиции политических лидеров враждующих сторон и полевых командиров; наличие или отсутствие доверия между сторонами конфликта; финансовое положение страны; возможности трудоустройства бывших комбатантов и членов их семей [14].

Отечественные исследования проблем миростроительства показывают, что к факторам, негативно влияющим на состояние безопасности, можно также отнести высокий уровень преступности, включая её трансграничные и организованные формы, связанные с незаконным оборотом оружия и наркотиков, неконтролируемой миграцией или с незаконной добычей природных ресурсов [15].

Рассматривая результативность действий миротворцев, необходимо отметить, что при реализации традиционных подходов к проведению программ РДР субъектами миротворческой деятельности не всегда уделялось должное внимание психолого-социальным аспектам данной работы.

Однако, по мнению ряда зарубежных исследователей, именно вопросы психолого-социальной реабилитации являются ключевыми для адаптации бывших комбатантов к новым условиям, использования

¹⁴ Тишков С. А. Демилитаризация постконфликтных государств Африки. Уроки миростроительства ООН // Азия и Африка сегодня. 2017. № 5. С. 16.

¹⁵ Антохова Е. А., Неллидов В. В., Рустамова Л. Р. [и др.]. Трансграничные угрозы в постконфликтном миростроительстве // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2. С. 28.

их потенциала и возможностей добывать средства к существованию законными способами. Ресоциализация должна охватывать не только экс-комбатантов, но и членов их семей, иждивенцев и ассоциированных с ними лиц. Поэтому субъектам миротворческой деятельности необходимо понять, какую травму нанесла война конкретному участнику вооружённого конфликта или членам его семьи, общине, население которой пострадало от боевых дей-

ствий, или страны в целом, и направить все усилия на устранение её последствий [16].

Анализ опыта миротворческой деятельности ООН показывает, что не всегда проводимые программы РДР были обеспечены политической поддержкой и адекватными ресурсами. В ряде случаев всё это было проведено чисто символически или поверхностно, что потребовало новых взглядов и подходов к данному вопросу.

Библиография • References

- Карпович О. Г.* Современные концепции управления международными конфликтами в миротворческих операциях. Автореферат дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04. – 54 с.
- [*Карпович О. Г.* *Sovremennye koncepcii upravlenija mezhdunarodnymi konfliktami v mirotvorcheskih operacijah.* Avtoreferat dis. ... d-ra polit. nauk: 23.00.04. – 54 s.]
- Лобанов К. Н., Моисеев В. В.* Гражданская война в Сирии и геополитические интересы России в Ближневосточном регионе // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. Т. 10. № 6. С. 103–106.
- [*Lobanov K. N., Moiseev V. V.* *Grazhdanskaja vojna v Sirii i geopoliticheskie interesy Rossii v Blizhnevostochnom regione* // *Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk.* 2015. T. 10. № 6. S. 103–106]
- Матчанова З. Ш.* Миротворчество в системе механизмов поддержания международного мира и безопасности: организационно-правовые аспекты // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 4. С. 45–48.
- [*Matchanova Z. Sh.* *Mirotvorchestvo v sisteme mehanizmov podderzhanija mezhdunarodnogo mira i bezopasnosti: organizacionno-pravovye aspekty* // *Vektor nauki Tol'jattinskogo gosudarstvennogo universiteta.* Serija «Juridicheskie nauki». 2017. № 4. S. 45–48]
- Резолюция СБ ООН от 25 января 2016 г. S/RES/2261 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/017/41/PDF/N1601741.pdf?OpenElement>
- [*Resolutsiya SB OON S/RES/2261 (January 25, 2016)* // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/017/41/PDF/N1601741.pdf?OpenElement>]
- Резолюция СБ ООН от 10 июля 2017 г. S/RES/2366 // URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N17/208/98/PDF/N1720898.pdf?OpenElement>
- [*Resolutsiya SB OON S/RES/2366 (June 10, 2017)* // URL: <https://daccess-ods.un.org/TMP/1194585.85977554.html>]

¹⁶ *Pouligny B.* *Psycho-social Recovery.* N.Y: The Peacebuilding Initiative // URL: <http://peacebuildinginitiative.org/index.cfm?pageId=1778>.

- Силаева З. В., Большаков А. Г.* Феномен «спорных государств» в современной мировой политике: субъект влияния или инструмент глобальной игры // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8. № 3. С. 22–1242.
- [*Silaeva Z. V., Bol'shakov A. G.* Fenomen «spornyh gosudarstv» v sovremennoj mirovoj politike: sub#ekt vlijaniya ili instrument global'noj igry // POLITJeKS. 2012. T. 8. № 3. S. 221–242]
- Тишков С. А.* Демилитаризация постконфликтных государств Африки. Уроки миростроительства ООН // Азия и Африка сегодня. 2017. № 5. С. 11–16.
- [*Tishkov S. A.* Demilitarizatsiya postkonfliktnykh gosudarstv Afriki. Uroki mirostroitel'stva OON. Aziya i Afrika segodnya. 2017. № 5. S. 11–16]
- Тишков С. А.* Многокомпонентные миротворческие миссии ООН: опыт, проблемы, перспективы: монография. Орёл: ОрёлГУЭТ, 2017. – 160 с.
- [*Tishkov S. A.* Mnogokomponentnye mirotvorcheskie missii OON: opyt, problemy, perspektivy: monografija. Orjol: OrjolGUJeT, 2017. – 160 s.]
- Тишков С. А.* Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология». 2017. Т. 43. № 15. С. 175–182.
- [*Tishkov S. A.* Opyt i uroki missii OON po stabilizacii v Gaiti (MOONSG) po sokrashheniju nasilija i prestupnosti v processe formirovanija osnov postkonfliktnogo vosstanovlenija // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Istorija. Politologija». 2017. T. 43. № 15. S. 175–182]
- Цыбаков Д. Л.* Милитаризация международной политики: последствия для интересов и безопасности России: монография / под ред. Р. А. Явчуновской. М.: МАКС Пресс, 2012. – 236 с.
- [*Tsibakov D. L.* Militarizacija mezhdunarodnoj politiki: posledstvija dlja interesov i bezopasnosti Rossii: monografija / pod red. R. A. Javchunovskoj. M.: MAKS Press, 2012. – 236 s.].
- Чернобровкин И. П.* Понятие миростроительства в контексте конфликтного управления // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9. С. 143–149.
- [*Chernobrovkin I. P.* Ponjatie mirostroitel'stva v kontekste konfliktnogo upravlenija // Social'no-gumanitarnye znanija. 2015. № 9. S. 143–149]
- Pouligny B.* Psycho-social Recovery. NY: The Peacebuilding Initiative // URL: <http://peacebuildinginitiative.org/index.cfm?pageId=1778>
- Report of the Panel on UN Peace Operations. UN Doc. A/55/305 – S/2000/809 (August 21, 2000) // URL: <http://www.un.org>
- <https://news.un.org/ru/story/2017/08/1309421>
- <https://colombia.unmissions.org/en>

Статья поступила в редакцию 3 апреля 2018 г.

Привлекательность евроскептической идеологии

Алексей ДОМАНОВ

В последние годы евроскептическим партиям Европейского союза сопутствует электоральный успех. Стремясь установить причины этого (в частности, для прогнозирования их популярности в дальнейшем), политологи выделили ряд социальных категорий, представители которых наиболее часто голосовали за этих политиков. В разных странах было проанализировано, в какой степени евроскептиков поддерживают люди, разные по возрасту, социальному статусу, уровню образования и дохода [1].

По мнению Х. Криеси и его соавторов, евроскептики пользуются наибольшей популярностью среди так называемых «проигравших от глобализации» (*losers of globalization*). К ним относятся не только «неквалифицированные рабочие и граждане с сильным чувством принадлежности к национальному сообществу», но и «предприниматели и квалифицированные работники традиционно защищённых секторов экономики»: все, кто чувствует ущерб

ДОМАНОВ Алексей Олегович – младший научный сотрудник Центра документации ЕС Института Европы РАН. SPIN-код: 4717–7270, E-mail: domanov.aleksey@gmail.com

Ключевые слова: Европейский союз, евроскептицизм, трансграничные потоки, суверенитет.

¹ *Boomgaarden H., Schuck A., Elenbaas M.* [ed al.]. Mapping EU Attitudes: Conceptual and Empirical Dimensions of Euroscepticism and EU Support // *European Union Politics*. 2011. Vol. 12; *Gabel M.* Interests and Integration // Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998; *Hakhverdian A., Elsas E. van, Brug W. van der* [ed al.]. Euroscepticism and Education: A Longitudinal Study of 12 EU Member States, 1973–2010 // *European Union Politics*. 2013. № 4; *McLaren L.* Identity, Interests and Attitudes to European Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006; *Ray L.* Reconsidering the Link between Incumbent Support and Pro-EU Opinion // *European Union Politics*. 2013. Vol. 4. № 3.

от «процесса нарастающей экономической, культурной и политической конкуренции» [2].

Констатируя склонность граждан с определённым набором признаков (например, «проигравших от глобализации») голосовать за евроскептиков, политологи стремились установить причины этого выбора гражданами различных стран ЕС. Автор термина «проигравшие от глобализации» лишь в общем обозначил, что привлекательность евроскептических партий состоит в «апелляции к страхам» этих людей, уязвимых для интернационализации [2].

В отечественной литературе также отмечено, что эти политики привлекают новых избирателей, выражая фобии сторонников утверждения о том, что «Европа уже не обеспечивает должной защиты» от современных угроз [3].

Учитывая долгосрочные последствия популярности евроскептических партий, желательно сопоставить эти выводы с выводами более ранних исследований. Уместно выяснить, какие именно идеологические постулаты используются евроскептиками для привлечения новых сторонников; какие черты идеологии побуждают «проигравших от глобализации» голосовать за этих политиков, хотя иногда граждане делают выбор в пользу тех, чья позиция не совпадает с их собственными взглядами (например, из-за харизмы партийного лидера или на основании других факторов).

Нужно рассмотреть тексты программ евроскептических партий на предмет высказываний, привлекательных для «пострадавших от глобализации» и более обширного процесса интернационализации. Документы, составленные этими политическими силами перед выборами последних лет, дают возможность выявить общие черты в идеологии евроскептиков нескольких стран. В частности, представляют интерес программы партий «локомотива» Евросоюза – Франции и Германии, а также Великобритании, где евроскептические идеи привлекли большинство участников референдума 2016 г. Для надёжности результатов анализа были взяты документы, подготовленные не только к последним, но и к предыдущим выборам.

В итоге рассмотрены предвыборные программы французского Национального фронта 2012 и 2017 гг., «Непокорённой Франции» 2017 г. (во время предыдущих выборов эта организация ещё не была сформирована), «Альтернативы для Германии» 2013 и 2017 гг., Национально-демократической партии Германии 2010 г. (на последних двух парламентских выборах избирателям предлагался именно этот текст). Проанализированные документы Партии независимости Соединённого Королевства и британской Консервативной партии датированы 2015 г. и 2017 г.

---

² Kriesi H., Grande E., Lachat R. [ed al.]. Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared // European Journal of Political Research. 2006. № 6.

³ Узародов И. М. Евроскептицизм после кризиса // Современная Европа. 2015. № 1. С. 27.

Особенности стратегии привлечения избирателей французскими, немецкими и британскими евроскептиками

Программа французской партии *Национальный фронт* 2017 г. [4] содержит призыв «восстановить национальные границы», которые бесконтрольно преодолеваются потоками людей в результате подписания Шенгенского соглашения. Для того чтобы обеспечить более полный контроль над другими сферами, предлагалось «вернуть французскому народу законодательный суверенитет», особенно – полномочия в кредитно-денежной сфере.

Более подробная характеристика трансграничных потоков и угроз, исходящих из-за границы, дана в партийной программе 2012 г. [5], где сделан акцент на рисках, а не возможностях, сопряжённых с интернационализацией экономики: «Открытие границ привело к делокализации производств, безработице, диктату рынков, разрушению системы социальной защиты, неустойчивости (*précarité*), бедности, массовой иммиграции». Также выражено недовольство «открытостью границ к нелояльной конкуренции» и «неопределённостью границ» расширения Евросоюза.

Авторы программы представили основным результатом деятельности Евросоюза именно растущую неустойчивость общественной жизни (вероятно, стремясь выразить тревогу избирателей с повышенной чув-

ствительностью к ухудшению стабильности). По их мнению, Евросоюз нанёс вред экономической устойчивости ряда отраслей («Европейское объединение угля и стали убило металлургию», «Общая сельскохозяйственная политика ухудшила положение сельского хозяйства») и даже стран (введение евро «уже разрушило Грецию и Португалию»).

Стоит отметить, что в программе сделан акцент на негативном характере не только входящих, но и исходящих трансграничных потоков. В результате действий ЕС, по мнению авторов этого текста, из Франции за рубеж безвозвратно уходят значительные объёмы денежных средств налогоплательщиков.

Например, действовавший запрет на покупку французских государственных облигаций Европейским центральным банком ограничивал спрос на них и, как полагали евроскептики, вынуждал продавать их иностранным частным инвесторам под большой процент.

В партийной программе 2017 г. предлагалось укрепить стабильность и снизить перечисленные риски теми же способами, что и в документе 2012 г. По мнению руководства партии, необходимо было «вновь обрести контроль над границами», установить «правила международной торговли и движения ка-

⁴ 144 engagements pr sidentiels. Marine 2017 // URL: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/>

⁵ Le projet de Marine Le Pen // URL: <https://web.archive.org/web/20120418192704/http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/>

питалов», т. е. упорядочить некоторые трансграничные потоки.

Партия «Непокорённая Франция» в своей первой программе 2017 г. [6] также выразила недовольство тем, что Евросоюз усилил трансграничные потоки, «навязав» свободу торговли между странами Общего рынка. В свободной торговле ЕС с другими странами авторы этого документа, как и рассмотренных ранее, увидели прежде всего угрозу «уничтожения европейской промышленности».

Способ снизить эти риски аналогичен подходу Национального фронта – «вернуть контроль над ключевыми отраслями политики» (прежде всего в кредитно-денежной сфере). Контролировать торговлю с США и Канадой помог бы отказ от создания зон свободной торговли ЕС с этими странами. Более того, предлагается перейти к «солидарному протекционизму» со всеми внешне-торговыми партнёрами Евросоюза («прекратить свободное передвижение капиталов и товаров»).

Приведённые примеры показывают, что «Непокорённая Франция» обращала внимание избирателей на необходимость регулировать и упорядочивать трансграничные потоки таким же образом, как и её праворадикальный конкурент.

В программах *партии «Альтернатива для Германии»* 2013 г. и 2017 г.

прослеживается такое же стремление оградить избирателей от угроз, связанных с открытостью другим странам. В первом документе [7] выражено недовольство убытками от введения евро, которое в целом «нанесло ущерб». Партия выступила против финансовой помощи из бюджета Евросоюза странам, в которых эффект кризиса был усилен членством в еврозоне, против трансграничного перевода денег немецких налогоплательщиков.

Намерение этой политической силы упорядочить некоторые трансграничные потоки детализировано в её программе 2017 г. [8]. При этом выражено желание самостоятельно определять количество беженцев, принимаемых из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Показательно употребление протекционистской лексики, например, словосочетание «охрана границ» вместо типичного для французских партий призыва к «восстановлению» разделительных линий. По мнению авторов программы, главное последствие многих европейских проектов (реализованных наподобие Шенгенской зоны или планировавшегося, например, «создания армии ЕС») – частичная потеря суверенитета Германии.

По мнению авторов программы *Национально-демократической партии Германии* 2010 г. [9] (с кото-

⁶ L'avenir en commun // URL: <https://laec.fr/chapitre/4/sortir-des-traites-europeens>

⁷ Wahlprogramm // URL: <http://web.archive.org/web/20130921170232/https://www.alternativefuer.de/partei/wahlprogramm/>

⁸ Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum deutschen Bundestag am 24. September 2017 // URL: <https://www.afd.de/wahlprogramm/>

⁹ Arbeit. Familie. Vaterland. Das Parteiprogramm NPD // URL: https://npd.de/Parteiprogramm_NPD.pdf

рой она выступала на двух последних общенациональных выборах), из других европейских стран исходят схожие угрозы. Из-за деятельности «бюрократов ЕС» германские фермеры рискуют стать «жертвами банков и международных закупщиков, диктующих цены», рабочие страдают от притока дешёвой рабочей силы. Партия обращает внимание электората на трансграничные потоки не только миграционного характера: выражен призыв вернуть из-за границы всех германских солдат и прекратить тратить средства на помощь государствам ЕС, пострадавшим от финансового кризиса. Члены партии посчитали, что экономические угрозы, обусловленные открытостью Германии другим странам еврозоны, были бы менее чувствительны после возврата к немецкой марке.

Партия независимости Соединённого Королевства в своей программе 2017 г. [10] многократно обращалась к теме «возвращения контроля» над различными сферами общественной жизни. Авторы программы подчёркивают необходимость «контролировать морскую исключительную экономическую зону», «получить полный контроль над иммиграционной политикой и политикой предоставления убежища, пересечением границы», «возобновить суверенное право» устанавливать режим внешней торговли и в целом издавать законы, имеющие приоритет над европейским законода-

тельством. Европейская интеграция в области обороны также трактуется как потеря контроля (как «уступка свободы действий нашего государства»).

Трансграничные потоки тоже оценены негативно (кроме товарообмена с Соединёнными Штатами Америки, торговля с которыми должна быть свободной для британских фирм). В программе акцентированы последствия иммиграции для «системы социальной поддержки, рынка жилья» и уровня оплаты труда. По мнению партии, членство в Евросоюзе порождает неблагоприятные исходящие потоки денежных средств: на поддержку пострадавших от кризиса стран, взносы в Европейский инвестиционный банк и «различные другие финансовые механизмы ЕС». Во избежание дальнейшего ущерба для Великобритании трансграничные потоки необходимо упорядочить, в частности, отменить свободу передвижения людей через границу и самостоятельно определять допустимое количество трудовых мигрантов.

Стремление к порядку и чёткости яснее выражено в партийной программе 2015 г. [11], например, «иммиграционная система» того времени критиковалась за «невозможность точно установить, сколько людей въезжает и выезжает из нашей страны». Учитывая такое желание партии иметь чёткое представление об обществе, можно рассматривать некоторые другие

¹⁰ Britain Together. UKIP 2017 Manifesto // URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/3944/attachments/original/1495695469/UKIP_Manifesto_June2017opt.pdf?1495695469

¹¹ Believe in Britain. The UKIP Manifesto 2015 // URL: <http://www.ukip.org/manifesto2015>

программные положения в качестве проявлений недовольства факторами, искажающими некую чёткую социальную структуру (или представление избирателей о ней). Так, усиление регулирования рыболовной политики ЕС прямо названо в программе «угрозой», которой партия намеревалась «открыто противостоять».

С тех же позиций можно трактовать и недовольство партии многими трансграничными потоками. Поскольку они изменяют социально-экономическую структуру национального государства, евроскептики объявили их угрозой сложившемуся социальному порядку и призвали усилить контроль над законодательством в соответствующих сферах: «Вне Евросоюза мы сможем установить налог на добавленную стоимость и сгладить искажение, вызванное законодательными актами ЕС, предоставив налоговые льготы некоторым производствам». Кроме того, авторы программы прямо указали, что «вмешательство Евросоюза ведёт к потере рабочих мест в Великобритании», нанося ущерб традиционным отраслям экономики (например, рыболовству).

Более того, по мнению евроскептиков, действия ЕС не только способствуют изменению структуры экономики, но и ограничивают адаптивность британских подданных к этим изменениям.

Так, на примере врачей показано, что Директива о рабочем времени «не позволяет им получать новые необходимые навыки», снижая, та-

ким образом, их конкурентоспособность на рынке труда.

Партия недовольна и тем, что из-за требований ЕС расплываются британские финансовые ресурсы, которые можно было бы направить на восстановление привычной структуры экономики. Евроскептики выразили беспокойство не только прямыми перечислениями Великобритании в бюджет ЕС, но и упущенной выгодой в 27,4 млрд фунтов «из-за наиболее дорогостоящих европейских нормативных актов» (например, упомянуто намерение «покончить с практикой уплаты налогов (британскими. – Авт.) компаниями в любой стране Евросоюза»).

В программе британской *Консервативной партии* 2017 г. [12] также выражено стремление к чёткости: «Обеспечить определённую и ясность будущего, контроль над законами». Поясняя последнее положение, авторы документа уточнили, что суверенитет в области законодательства «позволяет гражданам спокойно идти по жизни, зная, что правила не изменились со вчерашнего дня».

Консерваторы посчитали необходимым ужесточить регулирование пересечения границы. Они призвали упорядочить как входящие трансграничные потоки (например, «контролировать иммиграцию»), так и исходящие (в частности, «делать денежные взносы» лишь за участие в отдельных проектах ЕС, а не переводить в бюджет ЕС ежегодные целевые трансферты). При этом

¹² Forward, Together. Our Plan for a Stronger Britain and a Prosperous Future. 2017 // URL: <https://www.conservatives.com/manifesto>

свобода торговли с европейскими странами, вызвавшая критику рассмотренных партий, не подвергалась сомнению.

Схожее недовольство тем, что из-за ускоренных Евросоюзом трансграничных потоков расплываются британские ресурсы, Консервативная партия выразала и двумя годами ранее. В программе 2015 г. [13] партия отказалась оказывать помощь странам еврозоны, пострадавшим от финансового кризиса, и в целом «сконцентрировать деньги ЕС на создании рабочих мест и ускорении экономического роста» (т. е. упорядочить расходы). Предложение «снизить сальдо миграции до десятков тысяч человек» также мотивировано желанием прекратить тратить средства на пособия для мигрантов из других стран Общего рынка, работавших в Великобритании меньше четырёх лет.

Как и в рассмотренных ранее программах, в этом документе подчеркнуто намерение «сохранить твёрдый контроль Британии» (например, над оборонной политикой), в том числе для защиты избирателей от угроз, исходящих из-за гра-

ницы (например, для депортации террористов и других преступников, злоупотребляющих предоставленной Евросоюзом свободой передвижения). Консерваторы выразили желание не допустить искажения экономической структуры и ухудшения условий развития ключевых отраслей национальной экономики мерами ЕС. Например, сказано о необходимости «оградить Великобританию как глобальный финансовый центр» от «попыток ЕС запретить предоставление легитимных услуг».

Также Консервативная партия выразила обеспокоенность дисбалансом на европейском уровне, предложив не распространять свободу передвижения людей на принимаемые в ЕС государства, «пока они не приблизятся по уровню экономического развития» с действующими странами – членами этой организации. Из-за несбалансированности развития государств ЕС консерваторы были намерены «защищать экономику от любой дальнейшей интеграции в еврозону»: «Хотелось бы подождать возвращения этих экономических систем (зоны евро. – Авт.) к росту».

Общие черты идеологии евроскептиков

Сравнительный характер исследования позволяет обобщить приведенные характеристики идеологий отдельных евроскептических партий и выделить типичные программные положения, с помощью

которых евроскептики стремятся привлечь симпатии «проигравших от глобализации и интернационализации» в последние годы. С этой целью авторы предвыборных программ характеризовали Евросоюз

¹³ Strong Leadership. A Clear Economic Plan. A Brighter, More Secure Future. The Conservative Party Manifesto 2015 // URL: <https://www.conservatives.com/manifesto2015>

как организацию, способствующую усилению угроз, беспокоивших «целевую аудиторию».

Прежде всего евроскептики апеллировали к ощущению нестабильности, которое могло сложиться у «проигравших от глобализации» из-за различных рисков, исходящих из других стран. Рассмотренные партии артикулировали тревогу потенциальных избирателей из-за входящих и исходящих трансграничных потоков (особенно миграционных и финансовых). Пристальное внимание уделялось негативным, а не позитивным последствиям открытости трансграничным потокам, прежде всего тому ущербу от мер ЕС по интернационализации, который испытывают работники некоторых отраслей национальной экономики (в частности, сельского хозяйства и металлургии).

Многие трансграничные потоки показаны в программах евроскептических партий как факторы, искажающие социально-экономическую структуру национального государства и нарушающие сложившийся общественный порядок. Стремясь заинтересовать пострадавших от этих процессов, евроскептики подчёркивали, что ЕС способствует усилению дисбаланса и мешает получить чёткое представление о них (например, точно определить количество въез-

жающих в Великобританию из других государств – членов Евросоюза).

Предложения евроскептиков противодействовать этой дезориентирующей нечёткости выглядят привлекательными для «проигравших от глобализации», которые могут находиться в растерянности из-за бесперспективности некоторых традиционных жизненных стратегий.

Партии стремились показать намерение снизить неопределённость (в частности, упорядочить трансграничные потоки, например, самостоятельно определять количество беженцев). Для этого предлагалось усилить контроль над процессами интернационализации, укрепив суверенитет за счёт возврата полномочий в некоторых сферах с уровня ЕС на национальный. Восстановление чётких национальных границ также помогло бы, по мнению многих евроскептических партий, повысить определённость.

Рассчитывая показать избирателям намерение оградить их от описанных угроз, евроскептики часто употребляют протекционистскую лексику. Распространены призывы не только к контролю пересечения границ, но и к охране рубежей. Более того, авторы программы «Непокорённой Франции» назвали предлагаемый ими комплекс мер «солидарным протекционизмом».

При анализе предвыборных программ ряда евроскептических партий Франции, Германии и Великобритании выявлены черты их идеологии, позволяющие привлечь симпатии граждан, «пострадавших от глобализации и интернационализации». Евроскептики рассчитывали заинтересовать избирателей, дезориентированных этими процессами, обращая внимание на негативные последствия трансграничных потоков и обвиняя Евросоюз в увеличении ущерба от них. Демонстрируя стремление защитить жителей ЕС от описанных рисков, политики призывают к восстановлению нацио-

нальных границ и протекционизму, для чего требуется усилить суверенный контроль над уязвимыми сферами.

Стоит отметить, что социальные процессы, рассматриваемые евроскептическими партиями в качестве угроз сложившемуся укладу, до сих пор способны вызвать беспокойство многих избирателей. Следовательно, если политики продолжат обращать внимание электората на эти темы, то интерес граждан к предложениям евроскептиков будет нарастать. Поскольку ряд постулатов евроскептицизма апеллируют к чувствам неопределённости и дезориентированности, можно предположить, что избиратели, испытывающие такие эмоции, будут склонны поверить евроскептикам и обвинить Евросоюз в ухудшении своего психологического и социально-экономического состояния.

Библиография • References

- Uznarodov I. M.* Евроскептицизм после кризиса // Современная Европа. 2015. № 1. С. 26–36.
 [Uznarodov I. M. Evroskepticizm posle krizisa // Sovremennaya Evropa. 2015. № 1. S. 26–36]
- 144 engagements présidentiels. Marine 2017 // URL: <http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/>
- Arbeit. Familie. Vaterland. Das Parteiprogramm NPD // URL: https://npd.de/Parteiprogramm_NPD.pdf
- Believe in Britain. The UKIP Manifesto 2015 // URL: <http://www.ukip.org/manifesto2015>
- Boomgaarden H., Schuck A., Elenbaas M.* [ed al.]. Mapping EU Attitudes: Conceptual and Empirical Dimensions of Euroscepticism and EU Support // European Union Politics. 2011. Vol. 12. P. 241–266.
- Britain Together. UKIP 2017 Manifesto // URL: https://d3n8a8pro7vhmx.cloudfront.net/ukipdev/pages/3944/attachments/original/1495695469/UKIP_Manifesto_June2017opt.pdf?1495695469
- Forward, Together. Our Plan for a Stronger Britain and a Prosperous Future. 2017 // URL: <https://www.conservatives.com/manifesto>
- Gabel M.* Interests and Integration // Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. – 192 p.
- Hakhverdian A., Elsas E., van, Brug W. van der* [ed al.]. Euroscepticism and Education: A Longitudinal Study of 12 EU Member States, 1973–2010 // European Union Politics. 2013. № 4. P. 522–541.
- Kriesi H., Grande E., Lachat R.* [ed al.]. Globalization and the Transformation of the National Political Space: Six European Countries Compared // European Journal of Political Research. 2006. № 6. P. 921–956.
- L'avenir en commun // URL: <https://laec.fr/chapitre/4/sortir-des-traites-europeens>
- Le projet de Marine Le Pen // URL: <https://web.archive.org/web/20120418192704/http://www.frontnational.com/le-projet-de-marine-le-pen/>
- McLaren L.* Identity, Interests and Attitudes to European Integration. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2006. – 232 p.

Programm für Deutschland. Wahlprogramm der Alternative für Deutschland für die Wahl zum deutschen Bundestag am 24. September 2017 // URL: <https://www.afd.de/wahlprogramm/>

Ray L. Reconsidering the Link between Incumbent Support and Pro-EU Opinion // European Union Politics. 2013. Vol. 4. № 3. P. 259–279.

Strong Leadership. A Clear Economic Plan. A Brighter, More Secure Future. The Conservative Party Manifesto 2015 // URL: <https://www.conservatives.com/manifesto2015>

Wahlprogramm // URL: <http://web.archive.org/web/20130921170232/https://www.alternativefuer.de/partei/wahlprogramm/>

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2018 г.

Пример оформления библиографических ссылок по стандартам транслитерации

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

[Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g. «O merakh po realizatsii vneshepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>]

Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 36–48.

[Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Tsvetnye revoliutsii»: priroda, simvolny, tekhnologii // Obozrevatel'–Observer. 2012. № 3. С. 36–48]

Стратегия внешней политики Польши до 2021 года

Андрей КОНДРАТОВ

Республика Польша является одним из приграничных с Российской Федерацией государств, взаимодействие с которым осуществляется в сложных условиях международной обстановки.

По заявлению российского министра иностранных дел С. В. Лаврова, Россия готова к самому тесному, взаимовыгодному и прагматичному сотрудничеству с Польшей. Однако Россия отнесена Польшей к категории врагов. В этой стране сознательно, последовательно и масштабно насаждается русофобия в качестве национальной идеи. Польша в НАТО и Евросоюзе противодействует любым предложениям о более реалистичном взгляде на отношения с Россией [1].

При выработке приоритетов внешней политики России необходимо опираться на результаты анализа внешнеполитической деятельности Польши. Одним из этапов такого анализа является исследование программных документов, определяющих цели польской внешней политики и пути её реализации на ближайшую перспективу [2]. Некоторые аспекты такого анализа

КОНДРАТОВ Андрей Иванович – доктор политических наук, доцент, профессор Академии военных наук. *SPIN-код:* 8661-9705, *E-mail:* kondratovrags@mail.ru

Ключевые слова: Республика Польша, стратегия, Европейский союз, НАТО, США, Россия, «Восточное партнёрство».

¹ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2017 г. Москва, 15 января 2018 г. // URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3018203.

² Кондратов А. И. Этапы анализа внешнеполитической деятельности // Государственная служба. 2010. № 5. С. 104–107.

представлены в работах Я. А. Ворожейиной, Д. А. Звягиной, Н. Р. Довжик и других авторов [3].

Разработка ряда программных документов осуществляется в соответствии с положениями польского Закона от 4 февраля 1997 г. «Об органах государственного управления» [4]. Одним из важнейших среди таких современных документов является Стратегия польской внешней политики на 2017–2021 годы (далее – Стратегия) [5], анализ которой в научной литературе не проводился.

Основные элементы содержания Стратегии

Обязанность по разработке Стратегии и внесению её на рассмотрение в Совет министров каждые пять лет законодательно возложена на министра иностранных дел, а разработкой стратегии политики Польши в Евросоюзе, которая также входит в содержание документа, занимается министр по вопросам членства Польши в ЕС.

Стратегия используется для координации работы государственных органов в сфере внешней политики Польши, служит основой для разработки МИД Польши ежегодных приоритетов внешней политики и планов международного сотрудничества других министерств и ведомств.

Стратегия состоит из вводной и трёх основных частей, которые соответствуют приоритетным направлениям внешней политики Польши.

В *вводной части* описывается международная обстановка, место Польши в международной среде, а также определяются три приоритетных направления внешней политики на 2017–2021 гг.:

- безопасность;
- развитие;
- повышение международного статуса.

Каждый основной раздел Стратегии состоит из вводной части и трёх подразделов, раскрывающих проблемы и угрозы безопасности, интересы и задачи по реализации внешней политики страны.

В *первом разделе* – «Безопасность» – рассматривается политика безопасности Польши, реализуемая по трём направлениям:

- политика в союзах – укрепление позиций Польши в НАТО и Европейском союзе;

³ Ворожейина Я. А. Механизм осуществления внешней политики современной Польши: политико-правовой анализ // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1; Звягина Д. А. Основные тенденции польской политики безопасности // Трансформация международных отношений в XXI веке. Сб. материалов международной научно-практической конференции, 2017; Довжик Н. Р. Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2.

⁴ Ustawa z dnia 4 września 1997 r. o działach administracji rządowej // URL: <http://dziennikustaw.gov.pl/du/1997/s/141/943>

⁵ Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej 2017–2021 // URL: <http://www.msz.gov.pl/resource/978285e3-5684-4fcb-8d7e-d0a8bfdb0fdb>; JCR

- региональная политика;
- развитие оборонного потенциала Польши.

Второй раздел – «Развитие» – посвящён внешней политике, содействующей социально-экономическому росту Польши.

В разделе три подраздела:

- политика Польши в Европе;
- экономика – внешняя политика, направленная на развитие экономики Польши в целом;
- экономическая экспансия – внешнеэкономическая политика Польши.

Третий раздел посвящён повышению международного статуса Польши и формированию её позитивного имиджа в мире.

Во введении говорится об эффективности использования «мягкой силы» во внешней политике, а в подразделах рассмотрены:

- поддержка и пропаганда европейских ценностей;
- укрепление авторитета Польши в Европе и мире;
- бренд Польши как ключевой аспект польской внешнеполитической стратегии.

Анализ положений Стратегии свидетельствует, что в качестве приоритетных направлений реализации современной геополитической стратегии Польши руководством страны официально определены: ЕС, НАТО, США, страны Восточной Европы и Россия.

Особенности Стратегии Польши в отношении Европейского союза

В анализируемом документе Европейский союз рассматривается Польшей в качестве союза суверенных государств, а не супергосударство с бюрократическим аппаратом в Брюсселе и не сплав национальных эгоизмов. ЕС для Польши является структурой, членство в которой укрепляет безопасность страны, создаёт условия и поддерживает её социально-экономическое развитие. Любое долгосрочное ухудшение международного статуса ЕС нанесёт ущерб жизненно важным интересам Польши, поэтому она будет участвовать в консолидации союза и восстановлении его высокого мирового авторитета.

Судя по тексту, озабоченность Польши вызывают существующие в ЕС политические и экономические кризисы, обусловленные противоре-

чиями во взглядах на его будущее развитие.

Наиболее серьёзной угрозой стабильности ЕС является перспектива его преобразования в проект, основанный на бюрократической элите, не подверженной демократическому надзору. Продолжающаяся передача власти на наднациональный уровень угрожает лишить государства-члены их суверенитета.

В качестве ещё одной угрозы в документе отмечен нарастающий в ЕС протекционистский евроскептицизм, подрывающий основные свободы: передвижения людей, товаров, капитала и услуг. Также, согласно Стратегии, угрозой для существования ЕС является «брексит». Кроме того, опасность для Евросоюза и Польши представляет миграционный кризис.

Основополагающим принципом политики Польши в Евросоюзе в Стратегии закреплено то, что международные отношения являются прерогативой суверенных государств и что государства сохраняют свой суверенитет, даже когда они участвуют в различных формах сотрудничества, в том числе в ЕС и НАТО.

Как член ЕС, Польша выступает против реализуемой внутри союза политики протекционизма отдельных европейских столиц, передачи своего суверенитета на наднациональный уровень, против концепции «многоскоростной Европы» и против его миграционной политики.

Польша поддерживает Общую политику в области безопасности и обороны Евросоюза, согласует с ней свою политику, стремится к развитию в рамках ЕС сотрудничества, направленного на создание зоны свободы, безопасности и справедливости. Она будет поддерживать меры, направленные на укрепление прозрачности при принятии решений и демократического процесса в функционировании институтов ЕС.

Важную роль в обеспечении безопасности в Евросоюзе играет ОБСЕ, которая рассматривается Польшей как форум для политического обсуждения и практических действий, направленных на решение конфликтных ситуаций, и располагающий для этого широким спектром инструментов. Вместе с тем, по мнению Польши, фактическая эффективность ОБСЕ зависит от приверженности стран-участниц общей политике, но из-за углубления разногласий в Европе в пред-

стоящие годы не следует ожидать улучшения функционирования этой организации.

В Стратегии отмечается, что экономические перспективы Польши во многом будут зависеть от курса Европейского союза. Целостность единого рынка ЕС является важнейшим условием экономического роста как в Польше, так и Европе. Варшава будет стремиться к расширению единого рынка, особенно в незавершённых областях (услуги) и новых областях (цифровой рынок). Польша намерена сохранять единство внутри ЕС и избегать внутренних разногласий по вопросам экономического управления.

Под влиянием регулятивной политики Европейского союза в энергетическом секторе, создающей финансовые проблемы и вводящей ограничения на свободу действий в сфере энергетики, Польша намерена укреплять свою энергетическую безопасность за счёт диверсификации маршрутов и источников поставок сырья.

Согласно документу Польша выполняет в интересах обеспечения безопасности ЕС крайне важную функцию по защите его внешней границы, совпадающей с польской государственной границей.

В Стратегии подчёркивается, что Польша будет противодействовать любой попытке представлять политику сплочённости как помощь в целях развития, предоставляемую западноевропейскими государствами странам более бедного востока, поскольку считает, что основные вкладчики в бюджет ЕС получают экономическую выгоду от проектов политики сплочённости, осуществляемых в менее богатых государст-

вах-членах, а сама политика является инструментом политического влияния ведущих европейских столиц, применение которого усугубляет существующие разногласия между государствами-членами и ещё больше ослабляет ЕС.

Позиция Польши по валютной интеграции обусловлена тем, что переход на евро должен сопровождаться парламентским контролем, т. е. контролем со стороны граждан и избирателей с соблюдением ключевого принципа демократии и парламентского правления – «нет налогообложения без представительства». Но Польша сможет присоединиться к еврозоне только тогда, когда достигнет высокого уровня социальной и экономической конвергенции. В январе 2018 г. премьер-министр М. Моравецкий на экономическом

форуме в Давосе заявил, что вступление Польши в зону евро станет возможным, если страна достигнет 80–90% располагаемого дохода самых богатых стран Европы, таких как Германия и Нидерланды, а также произойдёт сближение экономик в основных секторах. Поэтому вступление Польши в зону евро является очень отдалённой перспективой [6].

Варшава полагает, что ЕС уже достиг предела безопасных односторонних заявлений и обязательств в области сокращения выбросов парниковых газов. Любая будущая реформа системы контроля выбросов в Евросоюзе, включая ценообразование, не должна ставить под угрозу энергетическую безопасность страны, которая опирается на использование национальных ресурсов, в первую очередь угля.

Особенности Стратегии Польши в отношении Североатлантического альянса

В Стратегии подчёркивается, что НАТО для Польши является важнейшей формой политического и военного сотрудничества страны с её союзниками.

Альянс остаётся главной политической и военной организацией для Польши и гарантом её безопасности, членство в нём направлено на укрепление её безопасности.

Ухудшение международного статуса НАТО наносит ущерб жизненно важным интересам Польши. По мнению Варшавы, НАТО является осно-

вой военной безопасности и стабильности в Европе.

Согласно документу стратегической цели Польши заключается в том, чтобы НАТО сохраняла свою центральную роль в качестве гаранта безопасности на континенте. Эффективность НАТО как оборонного альянса зависит от её потенциала сдерживания и коллективной обороны, укреплению и развитию которого Польша будет способствовать.

Польша будет поддерживать выполнение странами НАТО обяза-

⁶ *Szymański D.* Premier Morawiecki właśnie określił, kiedy wejdziemy do strefy euro. Jest jednak pewien haczyk // URL: <https://businessinsider.com.pl/finanse/davos-kiedy-polska-wejdzie-do-strefy-euro-mowi-mmorawiecki/n6t14jw>.

тельств по выделению не менее 2% ВВП на оборону, при этом 20% этой суммы должно быть направлено на модернизацию вооружённых сил страны. Польша намерена поддерживать присутствие продукции польской оборонной промышленности на мировом рынке оружия и военной техники.

Для безопасности Польши жизненно важное значение имеет реализация решений, принятых на саммитах НАТО в Ньюпорте (2014 г.) и Варшаве (2016 г.), по развёртыванию сил НАТО в Польше и странах Балтии. Присутствие войск и объектов НАТО в Польше, странах Балтии, Румынии и Болгарии исключает серые зоны в безопасности Центральной Европы. Варшава продолжит меры по укреплению военного присутствия союзников вдоль восточных границ НАТО, в том числе в рамках сотрудничества со Скандинавскими странами и странами Черноморского региона.

Польша будет способствовать расширению сотрудничества между ЕС и НАТО. В духе Варшавской декларации ЕС – НАТО Польша будет активно поддерживать план действий по укреплению сотрудничества

между двумя организациями в том, что касается гибридных угроз, улучшения кибербезопасности и укрепления устойчивости среди партнёров в восточных и южных районах.

В Стратегии говорится о поддержке Польшей «политики открытых дверей» НАТО, перспективной для членства стран, отвечающих определённым критериям, в том числе стремящихся в НАТО, в частности, Грузии и Украины.

Варшава поддерживает политику НАТО, противодействующую нарушению Россией любого существенного принципа ОБСЕ, как политического, так и в сфере контроля над вооружениями, и считает, что при формировании отношений между НАТО и Россией необходимо учитывать интересы безопасности альянса, соблюдать нормы международного права, а также принципы прагматизма и взаимности.

Варшава готова обеспечить войскам НАТО необходимую свободу трансграничного передвижения по своей территории, будет формировать свои вооружённые силы по стандартам альянса и продолжит принимать участие в его миссиях, проводимых за рубежом.

Особенности Стратегии Польши в отношении США

Польша исходит из того, что мир и стабильность в Европе на протяжении десятилетий обеспечивались благодаря прочным трансатлантическим отношениям и американскому военному присутствию.

Согласно Стратегии США остаются для Польши самым важным неевропейским партнёром, расширению спектра двустороннего поли-

тического и военного сотрудничества с которым придаётся приоритетное значение. Варшава будет стремиться к возможно более широкому военному присутствию США в Европе, включая свою территорию. Она будет способствовать осуществлению совместных оборонных проектов, в том числе развёртыванию бронетанковой бригады США,

а также обеспечивать полное выполнение польско-американского соглашения о создании базы противоракетной обороны на польской земле (программа ПРО «Щит»).

В документе Соединённые Штаты Америки рассматриваются как одна

из мировых экономических и политических сил, один из ключевых членов НАТО. При этом участие Вашингтона в урегулировании кризисов в других регионах будет и впредь косвенно сказываться на безопасности Польши.

Особенности Стратегии Польши в отношении Восточной Европы

Геостратегия Польши со странами Восточной Европы выстраивается по векторам:

- Вишеградская группа;
- страны Балтии и Скандинавии;
- страны «Восточного партнёрства».

Вишеградская группа является одним из ключевых форматов регионального сотрудничества Польши в области политики безопасности, в рамках которого имеются двусторонние политические, экономические и военные отношения:

- развитие инфраструктуры в области энергетики, в том числе в сфере регионального газового рынка, транспорта и связи;
- военное сотрудничество в рамках объединённого батальона Вишеградской группы и в оборонной промышленности стран «четвёрки».

Польша продолжит сотрудничество со странами Балтии, Скандинавскими странами и Румынией для укрепления восточного фланга Европы в рамках Балтийской полицейской миссии и за счёт усиления передового присутствия НАТО. Также планируется расширять военнотехническое сотрудничество, продолжать польско-литовско-украинское военное сотрудничество в составе объединённой бригады,

содействовать реализации мер, направленных на вхождение Швеции и Финляндии в НАТО.

Флагманским проектом для Польши является формирование основной системы транспортного коридора *TEN-T* Балтика – Адриатика, соединяющего морские порты Польши с портами на побережье Адриатического моря, а также создание вдоль данного коридора газотранспортной системы «Север – Юг», альтернативной действующей российской газотранспортной системе, что, по мнению Польши, будет способствовать повышению энергетической безопасности стран региона и усилит сотрудничество между странами Балтии, карпатскими странами, странами Вишеградской группы, Болгарии, Румынии, Хорватии и Южной Европы.

Страны «Восточного партнёрства» занимают особое место в геостратегии Польши. Она поддерживает реформы в странах «Восточного партнёрства» и выступает за их более тесные связи с ЕС и НАТО. Отправной точкой для этих действий являются принципы свободы, демократии, рыночной экономики и открытой перспективы интеграции с евро-атлантическими институтами, которые их воплощают.

Взаимодействие в рамках «Восточного партнёрства» осуществляется в условиях жёсткой конкуренции с Россией, преследующей собственные интересы и провоцирующей, по мнению Варшавы, возникновение новых конфликтов в регионе. Согласно польским взглядам, эти страны находятся под постоянным давлением России, которая подрывает стабильность и последовательно стремится ограничить их суверенное право идти своим путём.

Польша считает, что восточноевропейские страны уже сталкиваются с экономическим и социальным застоем, исчерпав постсоветскую модель развития, основанную на эксплуатации сырья, а также материальных активов, относящихся к советской эпохе.

Согласно документу Польша будет активно поощрять консолидацию стран Восточной Европы, особенно тех, которые охвачены инициативой ЕС «Восточное партнёрство», решительно поддерживать проевропейские и трансатлантические реформы в этих странах и помогать им в реализации мер по модернизации в соответствии с европейской моделью развития.

В Стратегии говорится о стремлении Варшавы поддерживать «политику открытых дверей» НАТО и Европейского союза, укреплять сотрудничество в области безопасности со странами Восточной Европы, особенно с Украиной и Белоруссией,

усиливать их устойчивость к кризисам, а также внутренним и внешним угрозам.

Положения текста свидетельствуют о том, что Польша поддерживает миграционный приток высококвалифицированных рабочих из стран «Восточного партнёрства». Она будет осуществлять гибкую визовую политику и приграничное сотрудничество, продолжит популяризацию польского языка и защиту своего культурного наследия в этих странах.

При реализации внешней политики Польша исходит из того, что мировое сообщество неверно оценивает её «вклад» в победу над нацистской Германией и коммунизмом, а также потери, понесённые Польшей от этих двух тоталитарных режимов.

«В прошлом Польша заплатила огромную историческую цену из-за конкурирующих амбиций сверхдержав. В эпоху зарождающегося геополитического соперничества и попыток воссоздания "концерта держав" польский опыт имеет универсальное значение. Опровержение ложного, но широко распространённого аргумента о том, что Польша, по крайней мере пассивно, несёт ответственность за холокост, является ключевой задачей для польской внешней политики. В этой связи Польша будет подчёркивать, что холокоста не случилось бы, если бы польское государство не было разделено германским Третьим рейхом и Советским Союзом» [5].

Особенности Стратегии Польши в отношении России

Анализ внешнеполитической Стратегии Польши свидетельствует, что в основном программном доку-

менте Россия упоминается преимущественно в контексте обеспечения безопасности Польши.

Для Варшавы Москва является агрессором на Украине и в Грузии, поддерживающим сепаратистские движения в Донбассе, Абхазии, Южной Осетии и Приднестровье, игнорирующим основополагающие принципы международного права, такие как территориальная целостность, нерушимость границ и отказ от применения силы. Как отмечается в Стратегии, «значительное ухудшение обстановки в области безопасности Польши стало следствием незаконной аннексии Крыма, спровоцированного Россией конфликта на востоке Украины и ведущейся там гибридной войны».

Внешняя политика России определяется Польшей как ревизионистская, направленная на дестабилизацию как восточного, так и южного регионов Евросоюза, подрывающая архитектуру безопасности в Европе и представляющая угрозу национальной безопасности Польши.

Польша исходит из того, что восточноевропейские страны находятся под постоянным давлением России, выступающей против проевропейских реформ в странах «Восточного партнёрства» и использующей против них военно-экономический шантаж. По мнению поляков, Россия стремится превратить СНГ в буферную зону, не может предложить своим соседям какие-либо политические и (или) экономические блага, стремится восполнить этот недостаток, распространяя дезинформацию, применяя более или менее явное политическое и экономическое давление, занимаясь коррупцией, разжигая межэтнические конфликты и возрождая исторические споры между народами, которые когда-то ею управлялись.

С польской точки зрения, долгосрочная стабильность на постсоветском пространстве может быть обеспечена только в том случае, если страны региона проведут тщательные реформы и осуществят меры по модернизации, которые будут соответствовать европейской модели развития. Это одна из причин, почему Польша решительно поддерживает проевропейские и трансатлантические реформы в странах Восточной Европы.

Военное вмешательство России в Сирии интерпретируется как косвенная война с Западом, с одной стороны, а с другой – как проявление готовности России заставить международное сообщество принять свою политику свершившегося факта, проводимую с позиции силы.

Польша поддерживает введённые в отношении России санкции, считает, что это решение было глубоко обосновано политическими и этическими соображениями и международным правом.

Между Россией и Польшей в районе Калининградской области существует общая государственная граница. По мнению Варшавы, размещение подразделений вооружённых сил России на территории Калининградской области представляет угрозу польской безопасности. Особенно поляков настораживают планы по развёртыванию в непосредственной близости от границы ракетных систем, способных доставлять тактическое ядерное оружие.

Тем не менее в Стратегии отмечается, что изоляция России не является целью политики Польши, а формирование отношений с Россией должно осуществляться на основе взаимности, прозрачности и уваже-

ния суверенитета соседних стран. Но при этом Варшава будет поддерживать отношения между НАТО и Россией, основанные на принципе 3D (в переводе с англ. – оборона, сдерживание, диалог), позволяющем

донести свою позицию и заставить Россию осознать невыгодность, по мнению Польши, продолжения агрессивной политики, а не отвлекать внимание от чувствительных вопросов решением текущих дел.

Анализ Стратегии Польши на 2017–2021 годы показывает:

1. В ближайшей перспективе Польша будет осуществлять своё развитие в рамках Европейского союза, несмотря на наличие некоторых противоречий с его политикой.

2. Приоритетом в обеспечении безопасности для Польши будет являться членство в НАТО и сотрудничество с США, поэтому она продолжит внешнеполитическую деятельность по укреплению восточного фланга НАТО и ЕС в ущерб интересам и безопасности России.

3. Польша рассматривает Россию в качестве долговременной угрозы своей безопасности и намерена ей противодействовать в рамках союзов с ЕС, НАТО и США.

4. Геополитическое пространство стран «Восточного партнёрства» выступает площадкой для конфликтного взаимодействия Польши с Россией, и поэтому Варшава будет пытаться проводить политику, направленную на расширение своего влияния на эти страны путём вовлечения их в сотрудничество с ЕС и НАТО.

Таким образом, широкий спектр положений Стратегии, связанных с негативной оценкой внешней политики России, обуславливает необходимость изучения на постоянной научной основе организационных и тактических форм внешнеполитической деятельности Польши для выработки мер реагирования на возможные угрозы безопасности и интересам Российской Федерации.

Библиография • References

- Ворожеина Я. А.* Механизм осуществления внешней политики современной Польши: политико-правовой анализ // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 44–59.
- [*Vorojeina J. A.* Mehanizm osuchestvlenija vneshnej politici sovremennoi Polshi: politico-pravovoj analiz // Baltiiskii region. 2017. T. 9. № 1. S. 44–59]
- Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2017 г. Москва, 15 января 2018 г. // URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3018203
- [*Vystuplenie i otvety na voprosy SMI ministra inostrannyh del Rossii S. V. Lavrova v hode press-konferencii po itogam dejatelnosti rossijskoj diplomatii v 2017 g.* Moskva, 15 janvarja 2018 g. /// URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3018203]

- Довжик Н. Р.* Бинарность стратегий национальной безопасности современной Польши // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 2. С. 91–98.
- [*Doujik N. R.* Binarnost strategij nacionalnoj besopasnosti sovremennoi Polshi // Izvestija Uralskogo federalnogo universiteta. Serija 3. Obchtstvennie nauki. 2014. № 2. S. 91–98]
- Звягина Д. А.* Основные тенденции польской политики безопасности // Трансформация международных отношений в XXI веке. Сб. материалов международной научно-практической конференции, 2017. С. 130–137.
- [*Zujagina D. A.* Osnovnie tendencii polskoj politiki bezopasnosti // Transformacija mejdunarodnih otrochenii v XXI veke. Sb. materialov mejdunarodnoj naucno-practicheskoj konferencii, 2017. S. 130–137]
- Кондратов А. И.* Этапы анализа внешнеполитической деятельности // Государственная служба. 2010. № 5. С. 104–107.
- [*Kondratov A. I.* Etapy analiza vneshnepoliticheskoj dejatelnosti // Gosudarstvennaja slugba. 2010. № 5. S. 104–107]
- Strategia Polskiej Polityki Zagranicznej 2017–2021 // URL: <http://www.msz.gov.pl/resource/978285e3-5684-4fcb-8d7e-d0a8bfdb0fdb>; JCR.
- Szymański D.* Premier Morawiecki właśnie określił, kiedy wejdziemy do strefy euro. Jest jednak pewien haczyk. // URL: <https://businessinsider.com.pl/finanse/davos-kiedy-polska-wejdzie-do-strefy-euro-mowi-mmorawiecki/n6t14jw>.
- Ustawa z dnia 4 września 1997 r. o działach administracji rządowej // URL: <http://dziennikustaw.gov.pl/du/1997/s/141/943>

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2018 г.

Уважаемые читатели!

В соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесёнными приказом Минобрнауки России от 3 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции РФ 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), Минобрнауки России сформирован перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и учёной степени доктора наук. Научно-аналитический журнал «Обозреватель–Observer» включён в указанный перечень.

Big Data в политическом процессе Новой Зеландии

Сергей ФЕДОРЧЕНКО

Новые медиа, к которым относятся социальные сети, продолжают активно эволюционировать в особые формы коммуникации под влиянием бизнеса, научно-технического прогресса, государства и гражданского активизма. Важной проблемой становится роль социальных сетей в общественной жизни, их использование различного плана интересантами, а также их воздействие на политическую сферу. Вовлечение граждан в социальные сети наиболее активно идёт в странах Запада, в частности, Новой Зеландии.

Согласно мировым коммуникационным индексам и рейтингам данная страна занимает передовые места в освоении, во-первых, новейших информационных технологий (13-е место из 176 в *ICT Development Index-2017*; 17-е место из 139 в *Networked Readiness Index-2016*) и, во-вторых, в развитии демократических процедур (4-е место из 167 в *Economist Intelligence Unit: The Democracy Index-2016*; 8-е место из 113 в *The Rule of Law Index-2016*) [1].

И если Новая Зеландия является передовой страной в этой плоскости, то логично исследовать именно её кейс.

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич – доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета. *SPIN-код*: 8766-9873, *E-mail*: s.n.fedorchenko@mail.ru

Ключевые слова: Big Data, Новая Зеландия, социальные сети, Political Big Data, манипуляция, выборы, большие данные, боты, таргетинг.

¹ Рейтинги стран и регионов // URL: <http://gtmarket.ru/research/countries-ranking#t1>

Интересно проанализировать соотношение социальных сетей и демократических традиций на примере развития технологий *Big Data* в политическом процессе Новой Зеландии на основе методологии *case study*, а также принципов системного и сравнительного анализа.

Погружение в Сеть

Появление социальных сетей в Интернете создало определённую иллюзию. Часть потребителей информации стали предпочитать интернет-источники (веб-сайты, форумы, блоги, видеохостинги, сообщества социальных сетей), считая, что данные коммуникационные арены якобы дают некую инсайдерскую, объективную информацию, получаемую от непредвзятых источников, неконтролируемых государством и бизнесом. Миф касался и уверенности в том, что в Интернете гражданин всегда сможет найти необходимый контент, выбрав тот источник, который его устроит.

Подобную мифологию породил не только Интернет, но и действия традиционных медиа (радио, газет, телевидения), тесно связанных с интересами политиков и капитала. Так или иначе, Постмодерн проявился в возрастающем эффекте «погружения» граждан в цифровую среду Интернета, особенно так называемого «поколения Z», представители которого уже не мыслят свою активность без социальных сетей, планшетов, гаджетов и *3D-реальности*. Абсентеисты этого поколения, не доверяющие традиционным медиа и привычным политическим институтам (государству, парламенту, партиям), стараются найти свою

опору в неконвенциональных формах политического участия – социальных сетях.

Эффект «погружения в Сеть» не спасает «поколение Z» и в среде новых медиа. Здесь его также поджидает такой заказчик, как крупный капитал (в том числе транснациональный). А капитал имеет свойство самовозрастания. Следовательно, крупный бизнес заинтересован в проведении такого рода научных исследований, которые смогли бы ослабить позиции его конкурентов, увеличить его потребительскую аудиторию, а также сформировать новые целевые группы, ориентированные на новые товары и услуги.

По мнению австралийского политолога Джона Кина, эта корпоративная власть не просто обладает агрессивно инновационным характером, а угрожает демократии и свободе коммуникации [2]. Учёный отмечает дискуссию современных учёных о так называемых эхо-камерах – коммуникационных площадках, где отражаются только схожие позиции пользователей и доминирует «роевое мышление» с культурой мэшапа – культурой мема, вирусного сетевого контента без авторства, а также информационного каскада, усиливающего преобладающие точки зрения.

² Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ИД ВШЭ, 2015. С. 90–91, 156–157.

Вызовом для демократии становится и медийный монополизм, медиамагнаты и их медиаимперии.

Получается, что бизнес нацелен на формирование коммуникационного избытия, масштабных социальных сетей, где он будет изучать пользователей для того, чтобы понять, как лучше на них воздействовать. Поэтому важным прорывом для корпоративного сектора стали исследования в области «больших данных».

Термином *Big Data* в журнале *Nature* (2008 г.) было предложено называть специальные методы и инструменты по обработке крупных объёмов информационного контента и презентации его в понятном заказчику виде.

В 2012 г. Михаил Косински, сотрудник Центра психометрии Кембриджского университета, выяснил, что достаточно всего лишь 68 лайков в сети *Facebook*, чтобы определить цвет кожи изучаемого человека (в 95% случаях), его гомосексуальность (88%), а также приверженность к Республиканской либо Демократической партии США (85%).

В результате подобной процедуры выявляются и анализируются психометрические портреты пользователей.

К методологической стороне этого открытия можно отнестись с определённой степенью критичности. Ведь важно понимать, кто при таких обследованиях является заказчиком, какие цели имеют подобного рода замеры и насколько объективны критерии, закладываемые исследователями в практике *Big Data*.

Например, Брайан Истон, обозреватель с новозеландского ресурса *Pundit*, призывает относиться к «большим данным» с максимальной осторожностью.

Он приводит пример американской журналистки Сью Гальперин, которая, готовясь к обзору нескольких книг о частном использовании *Big Data*, проверила свой собственный статус через данную методику [3]. В результате по одной базе данных журналистка была классифицирована как «гей-мужчина». Цифровые следы, оставленные журналисткой и пропущенные через систему, больше были связаны с её профессиональной деятельностью, а не с особенностью личности.

Заложенные в систему алгоритмы могут делать прогнозы, но нельзя забывать, что каждая оценка подвержена погрешности, а крупные выборки «больших данных» не всегда могут обеспечить большую точность. Правда, Истона больше беспокоит вопрос этики применения *Big Data* и проблема сохранения конфиденциальности личных данных. И все же, несмотря на логичный скепсис к такого рода экспериментам, сам принцип «больших данных» учитывает возможности структурирования сетевого общества через технологически сформированные и аккумулярованные массивы данных – стеки (вертикально интегрированные социальные сети), что используют такие медийные гиганты, как *Facebook*, *Twitter*, *Microsoft*, *Google*, *YouTube*, *Apple*, *Amazon* и им подобные [4].

Приёмы «больших данных» подразумевают важный переход исследовательских оптик от парадигмы

³ Easton B. Big Data – Good? // URL: <https://www.pundit.co.nz/content/big-data-good>

⁴ Володенков С. В. Total Data как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3.

демографических оценок к парадигме психометрических замеров, что наглядно продемонстрировала компания *Cambridge Analytica* (дочерняя организация глобальной корпорации *Strategic Communications Laboratories*), работая на штаб Дональда Трампа во время президентских выборов в США.

Специалисты *Cambridge Analytica* для начала приобрели информацию о поведенческих тенденциях американцев, учли психологические опросы *Facebook* и только потом их сопоставили с моделями политического голосования и электоральными группами [5], что позволило направить таргетированную рекламу на выявленных неопределившихся избирателей.

От этих трендов не отстают бизнес, государство и партии Новой Зеландии.

Кармен Викелич, основатель и главный исполнительный директор новозеландской аналитической фирмы в Окленде *Data Insight*, отмечает, что маркетинговая индустрия использует новые технологии, чтобы найти более эффективные способы донесения сообщений для потребителей. Большинство новозеландцев имеют смартфоны, на которые они загружают приложения для получения необходимых им услуг, но чтобы получить бесплатные приложения, пользователи обычно

должны согласиться на несколько «разрешений» [6]. Последние могут предоставить поставщику приложений доступ ко всему – от личности гражданина, его местоположения и файлов фотографий до его номера телефона и круга людей, которым он звонит.

Исследования М. Косински также указывают на то, что интересные могут изучать закономерности поведения людей на основании оставляемых ими в Сети цифровых следов – журналов просмотра веб-страниц, записей сделок с онлайн- и офлайн-площадками, фото и видео, журналов положения глобальной системы позиционирования, списков воспроизведения (на видеохостингах), журналов голосовых и видеовызовов, языка, используемого в сообщениях, электронной почте и многого другого [7].

Парламентские выборы, прошедшие в Новой Зеландии в 2017 г., ситуация политической неопределённости, а также эффект «Джасиндамани» – мощнейшей политической пропаганды Лейбористской партии, построенной вокруг образа их молодого политика Джасинды Ардерн, серьёзным образом повлияли на настроения деловых кругов страны.

Неслучайно 77,5% местных крупных компаний считают, что политический процесс и выборы окажут влияние на их бизнес [8].

⁵ Tett G. Trump, Cambridge Analytica and how big data is reshaping politics // *Financial Times*. 2017. September 29 // URL: <https://www.ft.com/content/e66232e4-a30e-11e7-9e4f-7f5e6a7c98a2>

⁶ Murro B. Digital you // *Otago Daily Times*. 10 April 2017. Monday // URL: <https://www.odt.co.nz/lifestyle/magazine/digital-you>

⁷ Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H. [et al.]. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // *Psychological Methods*. 2016. Vol. 21. № 4.

⁸ Politics Expected to Hinder New Zealand Businesses // URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/PO1710/S00189/politics-expected-to-hinder-new-zealand-businesses.htm>

По этой причине бизнесмены нуждаются в новейших технологиях изучения общественного мнения, целевых аудиторий: 23,5% новозеландских компаний уже готовы инвестировать в *Big Data*, искусственный интеллект, автоматизацию и беспилотные летательные аппараты для получения более качественной и инсайдерской информации.

Выходит, что бизнес формирует важные условия для использования методов «больших данных» в политическом процессе Новой Зеландии.

Во-первых, бизнес создаёт новые коммуникационные арены (эхо-камеры), куда посредством рекламных технологий погружает пользователей, где они могут знакомиться с коммерческим предложением,

оставлять комментарии, загружать специальные приложения, делать заказы.

Во-вторых, бизнес заказывает исследования психометрических портретов «погруженных» – пользователей социальных сетей.

В-третьих, бизнес старается использовать выявленные поведенческие закономерности для конкретной цели – организации таргетированного воздействия на целевые аудитории и неопределившихся с выбором.

В итоге к опыту новозеландского и зарубежного коммерческого сектора стали присматриваться местные партии и, конечно, государство.

Дилемма новозеландского государства

Если новозеландский бизнес только проложил дорогу применения принципов *Big Data* в социально-политической сфере, то новозеландское государство осознало все преимущества данной методики, со временем запустив официальный правительственный проект по регулярному и масштабному исследованию населения через оптику «больших данных». Но сразу возникла дилемма. С одной стороны, новозеландские государственные служащие и политики прекрасно понимают вопрос недостаточной методологической разработанности и этической полемичности праксиса «больших данных» в социальной, а также в политической жизни, но с другой – они также активно ста-

раются найти выгоду от внедрения данного приема: в случае методологической корректировки *Big Data* открывает новые возможности в масштабных психометрических исследованиях граждан, а следовательно, даёт ключ к манипуляции общественным сознанием, важной для легитимации властных групп. Ведь в этих условиях применяется типичное Окно Овертона – манипулятивная технология изменения политического сознания населения в целях какого-либо интересанта [9].

Противоречия по поводу *Big Data* в новозеландском обществе прекрасно иллюстрирует один реформаторский кейс. Опираясь на принципы «больших данных», Оклендский университет и межведомственная

⁹ Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель-Observer. 2015. № 4.

рабочая группа по прогностическому моделированию запустила скрининг жестокого обращения с детьми в новозеландских семьях по 132 показателям (возраст родителей, смена адреса проживания, родители-одиночки и т. д.) для определения групп риска. Первые результаты были опубликованы в 2012 г., а затем в 2015 г. Однако Министерство социального развития Новой Зеландии выступило с критикой применения методологии «больших данных» с точки зрения этической недоработки проекта.

В итоге новозеландские политики разделились по этому вопросу на противников (министр социального развития Энн Толли, политик Дебора Моррис-Траверс) и сторонников (министр финансов и заместитель премьер-министра Билл Инглиш) *Big Data* в социально-политической сфере. Опоненты внедрения «больших данных» в правительственные исследования населения отмечают угрозу сохранения конфиденциальности данных, проблемы стигматизации групп риска (создание из них образа отверженных) и манипулирования непропорционально высокими показателями этих самых групп риска, к которым могут априори причислить одиноких матерей. Несмотря на то что «раса» не являлась категорией, включенной разработчиками в масштабный скрининг граждан, критики «больших данных» отмечали, что дети маори, скорее всего, будут некорректно отнесены

к группам повышенного риска, поскольку часто происходят из семей, получающих государственные социальные услуги [10].

Но сравнительно недавно отношение новозеландского государства к применению «больших данных» в мониторинге социальных и политических процессов радикально изменилось.

Так, Статистическое управление новозеландского правительства создало *IDI – The Integrated Data Infrastructure*, включающую растущую исследовательскую базу разнообразных микроданных в сфере коммуникаций, социального обслуживания, доходов, образования, демографии, здоровья, жилья и юстиции. На веб-странице программы подчёркивается, что учёные используют данные *IDI* лишь для разрешения проблем и повышения уровня жизни новозеландцев [11].

Информация аккумулируется из разных источников – государственных учреждений, неправительственных организаций, статистических замеров, переписей. Программа *IDI* уже собрала 166 млрд фактов, заняв 1,22 терабайта, и постоянно дополняется.

В 2016 г. Б. Инглиш, министр финансов и заместитель премьер-министра Новой Зеландии, высказался о готовности собрать «хайвей данных» от 10 правительственных учреждений, чтобы государству стало больше известно о жизни граждан, касающейся социального развития, здравоохранения, образования, правосудия и внутренних доходов: «Мы используем те же инструменты, что и любой другой биз-

¹⁰ Woods D. New Zealand's Child Abuse Analytics Study Hits Political Snag // URL: <https://chronicleofsocialchange.org/featured/new-zealands-child-abuse-analytics-study-hits-political-snap>

¹¹ Integrated Data Infrastructure // URL: http://archive.stats.govt.nz/browse_for_stats/snapshots-of-nz/integrated-data-infrastructure.aspx

нес в мире, чтобы понять гораздо больше о наших клиентах... Мы не стремимся к снижению конфиденциальности».

Инглиш предложил предоставить доступ к «хайвею данных» правительственным работникам через их смартфоны, чтобы они могли черпать информацию о людях из разных источников, прежде чем принимать решения, которые тех затрагивают (так, инструменты *Big Data* на тот момент показали, что 10 тыс. людей из наиболее социально уязвимых групп Новой Зеландии обойдутся налогоплательщикам в 6,5 млрд долл.).

Министр финансов решил пойти гораздо дальше, использовав информацию для целевых семей и финансирования по примеру *Facebook*, практикующего свои алгоритмы для таргетинга рекламы [12]. Он считает, что когда дело доходит до молодёжи из группы риска, то получение полной картины посредством «больших данных» может спасти многие жизни.

По его мнению, социальные работники или другие правительственные агенты должны получать доступ к такой информации с помощью смартфона.

Новозеландское государство не так давно вынуждено было обратиться самое пристальное внимание на феномен *Big Data* в политическом процессе, что спровоцировало два политических скандала.

Во-первых, это расследование в Великобритании случаев предполагаемых нарушений конфиденциальности информации со стороны фирмы *Cambridge Analytica*, которую обвинили в фальсификации выборов по всему миру через использование персональных данных миллионов пользователей *Facebook*.

Во-вторых, это показания основателя *Facebook* Марка Цукерберга в американском сенате по делу об утечке данных пользователей и вмешательстве в президентские выборы США.

Правительство Новой Зеландии начало работать над обновлением законов о конфиденциальности с целью лучшей защиты информации, собранной и хранимой в цифровом виде. Новый закон должен регулировать сбор, использование и раскрытие информации о новозеландцах, определять скорость, с которой информация может быть собрана и передана в цифровую среду.

Новозеландское государство намерено потребовать от агентств принять дополнительные меры безопасности по защите персональной информации. Кроме того, государство даст новозеландскому уполномоченному по вопросам конфиденциальности право принимать обязательные решения по запросам о доступе к информации и издавать уведомления о соблюдении конфиденциальности, исполнение которых будет контролироваться трибуналом по правам человека [13].

¹² Gower P. Bill English's big data grab // URL: <http://www.newshub.co.nz/home/politics/2016/04/bill-englishs-big-data-grab.html>

¹³ Hogan F. New Bill to modernise New Zealand's privacy laws // URL: <http://www.newshub.co.nz/home/shows/2018/03/new-bill-to-modernise-new-zealand-s-privacy-laws.html>

Реформа позволит уполномоченному принимать решения по жалобам, касающимся доступа к информации, а не трибуналу по правам человека. Также произойдёт усиление защиты трансграничных потоков данных: агентства Новой Зеландии будут обязаны принять разумные меры для обеспечения того, чтобы личная информация, раскрываемая за рубежом, подпадала под действие приемлемых стандартов конфиденциальности.

Но интересы новозеландских политиков по отношению к *Big Data* не ослабевают. Инглиш настаивает на продолжении реформаторского

курса в Новой Зеландии даже после того, как премьер-министром страны стала представитель Лейбористской партии Дж. Арден. Как и многие энтузиасты «больших данных» в политике, Инглиш говорит об их внедрении с почти мессианским рвением, явно разочаровавшись темпами реформ в государственном секторе в 2018 г., которые замедлили реализацию социальных инвестиций [14]. Инглиш постоянно критикует лейбористов и настаивает на том, что *Big Data* поможет лучше использовать информацию о новозеландцах для принятия эффективных решений в области социальных инвестиций.

Political Big Data и новозеландские партии

Взарубежной политологии недавно появился термин *Political Big Data* – «политические большие данные». Этот феномен в настоящее время всё более пытаются использовать новозеландские партии в борьбе за электорат.

Доцент новозеландского Университета Кентерберри Дональд Мэтисон, являющийся специалистом по коммуникациям, полагает, что применение принципов «больших данных» новозеландскими партиями ждёт большая перспектива: не нужно обладать особенно большими наборами данных, а использовать маркетинговые исследования, которые можно купить у *Google*, *Facebook* и всех остальных корпораций через

своих партнёров по исследованию рынка. По его мнению, для новозеландской публичной политики важны не темы, поляризующие общественность, а апелляция к так называемой средней точке зрения и к обычному человеку. Дистанционное формирование политического дискурса и использование тонких эмоциональных триггеров (мотиваторов) для смещения этой средней точки зрения в сторону взглядов новозеландцев Мэтисон рассматривает как приём учёта специфики политического ландшафта Новой Зеландии [15].

Между тем учёный предупреждает, что обнародование использования партиями таких технологий

¹⁴ Coughlan T. English angry as Labour messes with his big idea // URL: <https://www.newsroom.co.nz/2018/02/08/87337/english-angry-as-labour-messes-with-his-big-idea>

¹⁵ Munro B. The new propaganda // Otago Daily Times. 10 April 2017. Monday // URL: <https://www.odt.co.nz/lifestyle/magazine/new-propaganda>

скорее вызовет отрицательную реакцию среди новозеландцев. Действительно, данная методика исследования населения объединяет приёмы «больших данных», психологии и социальных медиа, которые могут незаметно манипулировать избирателями.

Не все новозеландские аналитики согласны с тем тезисом, что *Big Data* станет решающим инструментом партий в борьбе за избирателей.

К примеру, Треиси Уоткинс, политический редактор местного ресурса *Stuff*, уверена, что личность и связь лидера с избирателями в стране пока ещё более значительна, чем идеологические различия [16].

Тогда как Эшли Оои, юридический и политический консультант местной фирмы *Hudson Gavin Martin*, специализирующейся на *IT-технологиях*, с таким мнением не согласна. Оои пишет, что результаты «Джасиндамани» – пропагандистской кампании Лейбористской партии во время выборов 2017 г. – показали недостаточность влияния личности политика на привлечение дополнительных голосов неопределившихся избирателей. По её оценке, привлечь внимание современного электората уже мало – ключевым фактором в новозеландской (и не только) парламентской гонке является не предвыборная агитация, построенная вокруг образа политического лидера, а способность партий (либо политиков) направить правильный политический месседж на избирателей [17].

Многие избиратели сознательно (или бессознательно) оставляют цифровые следы, создавая записи, посты в процессе онлайн-активности, что даёт много данных для по-

литтехнологов, которые способны их собрать через *Big Data*, проанализировать и использовать для конструирования политических месседжей партий. Данные могут постоянно накапливаться партиями в огромные информационные банки, куда войдёт контент по избирательным спискам, симпатиям граждан, записям о финансовых расходах, который позволяет создавать психологические профили.

Извлекаемые из социальных сетей большие объёмы персональных данных новозеландцев анализируются для решения нескольких задач:

- создания композиции и основного месседжа эмоциональных триггеров избирателей;

- адаптации таргетированной политической рекламы под конкретные целевые аудитории, их демографические характеристики или неопределившихся граждан;

- распространения триггеров через новостные ленты и социальные сети.

Таргетинг предполагает целевые объявления, оснащённые программным обеспечением для отслеживания избирателей по всему Интернету. Данные инструменты ищут пользователей по их цифровым следам, автоматически меняют политические сообщения в зависимости от того, какой человек и каким образом с ними взаимодействует. В результате микроцелевые, или «темные», объявления, действительно носят довольно эфемерный характер

¹⁶ *Watkins T.* The tricks political parties use to understand you // URL: <https://www.stuff.co.nz/national/politics/opinion/89067495/the-tricks-political-parties-use-to-understand-you>

¹⁷ *Ooi A.* Can Big Data have a big impact on New Zealand politics? // URL: <http://whatshappeningnow.hgmlegal.com/post/102edix/can-big-data-have-a-big-impact-on-new-zealand-politics>

и видны лишь выбранной группе избирателей. Важную миссию в пространстве таргетированной политической рекламы несут так называемые социальные боты.

Имитируя поведение реальных людей, специальные программы – социальные боты – присоединяются к онлайн-разговорам, чтобы вернуть дискуссию в определённых, в том числе политических направлениях. Тем самым происходит манипуляция политической реальностью, формирование политической повестки и связанных с ней новостных трендовых тем, что выгодно в том числе и партиям. Социальные боты иногда определяют не просто как программы, имитирующие поведение человека в Сети, а как концепцию высокого уровня, которая включает в себя множество типов конкретных ботов – полностью автоматизированных либо частично управляемых человеком, автономно действующих, ориентированных на цель, предполагающих разнообразные режимы сообщений и охватывающих все интернет-ресурсы. Особым подвидом социальных ботов выступают политические боты, нацеленные на повышение популярности, к примеру, партийного бренда, имиджа политика, их меседжей на платформах *Twitter* и *Facebook* путём создания лайков или френдов.

Политические боты могут использовать характеристики чат-ботов и спам-ботов. Они обнаруживают публичные разговоры, сообщения и комментарии, идентифицируя

ключевые слова – политические хештеги, вмешиваются в дискурс, используя сгенерированный, или подготовленный (часто пропагандистский), контент. Легионы человекоподобных политических ботов потенциально способны влиять на избирателей, инициировать их интерес к программам политических партий, а также имитировать политические настроения. Исследователи из проекта *PropStop*, финансируемого Министерством образования и исследований Германии, недавно провели знаковый эксперимент по гибридации ботов [18]. Было создано 30 поддельных *twitter-ботов*, имитирующих циклы человеческой активности по принципу «день – ночь». На первом этапе создавалась сеть последователей (френдлента), на втором этапе скоординированным образом публиковался созданный людьми контент, который затем распространялся ботами, на третьем этапе при поддержке телевидения вышел документальный фильм о самом эксперименте, чтобы узнать охват вовлечённой в эксперимент аудитории.

Механизмом привлечения пользователей были инструменты хештегирования. Так, хештег *#schreinachten* со смешной ссылкой на слова *Schrei for cry u Weihnachten for Christmas* был эмоциональным триггером для вовлечения в дискурс на фоне чувств праздничного стресса в юмористической манере. Хештег *#sayyes* был также прикреплен к позитивным сообщениям радости и счастья.

¹⁸ Grimme Ch., Preuss M., Adam L. [et al.]. Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? // Big Data. 2017. Vol. 5. № 4.

Эксперимент показал, что гибридные социальные боты, как промежуточный класс полностью автоматизированных ботов и чисто человеческих пользователей, удачно сочетали централизованный контроль со стороны исследователей и автономию, которая имитировала поведение человека.

Гибридные боты оказались более эффективным (по сравнению с армией социальных ботов) и недорогим (по сравнению с фермой человеческих троллей) инструментом по воздействию на массовое сознание через социальные сети. На деле подобный класс ботов сложнее отследить через современные индикаторы.

Политические гибридные боты становятся органичным дополнением оптик *Big Data*, выступая распространителями нужного партиям и политикам меседжа.

И новозеландские партии активно подключились к этому процессу.

Стивен Джойс, руководитель политической кампании Национальной партии, а также Эндрю Бернс, глава цифрового направления Лейбористской партии, высказывались о том, что будут использовать «большие данные» для анализа лояльного электората, сегментации избирателей и целевого таргетинга.

Эксперт по избирательному праву Университета Отаго Эндрю Геддис отмечает, что избирательные законы Новой Зеландии были написаны нейтральным способом, поэтому абсолютно любые платные политические сообщения – будь они

в печати, телеэфире или Интернете – в целом подчиняются одним и тем же правилам.

Главное должностное лицо по выборам Новой Зеландии Алисия Райт заявила, что избирательная комиссия готова ко всему, что появится в онлайн-пространстве во время выборов: «Принципы, лежащие в основе режима, и то, как мы работаем, – это открытость, прозрачность, очень четкое понимание того, кто что говорит, откуда берутся деньги, что есть равные условия, и всё справедливо» [19].

Однако Вэл Хупер, профессор Университета Королевы Виктории, лектор по маркетингу, методологии исследований, поведению потребителей и управлению информационными системами, с этим не согласен. По его оценке, такие акторы, как избирательная комиссия, всегда будут играть догоняющую роль, когда дело доходит до регулирования новых технологий.

Дэвид Фаррар, блогер и политический активист, ранее работавший на местную Национальную партию, с одной стороны, прокомментировал слабые стороны *Political Big Data* для новозеландских партий: «Важнейшими факторами политического успеха являются бренд, компетентность, единство, симпатия, настроения страны... Если у вас нет поддержки, никакое количество лайков в *Facebook* не поможет вам... Но если вы получите базу в социальных сетях, “большие данные” могут быть полезными инструментами для роста вашего электората и организации таргетинга...» [20].

При этом, с другой стороны, он признал и перспективы *Big Data*: «Если вы дали политической партии свой адрес электронной почты, то они могут связать это с вашим профилем в *Facebook*, и даже если они этого не сделали, им достаточно, имея ваше имя и дату рождения на *Facebook*, связать вас с вашим избирательным профилем».

¹⁹ Bennett A. Your vote – caught in the web // URL: <https://www.radionz.co.nz/national/programmes/insight/audio/201852577/insight-big-data-manipulation-and-your-vote>

²⁰ Hickey B. Big data campaigners can't win an election here...yet // URL: <https://www.newsroom.co.nz/@democracy-week-victoria-university/2017/08/03/41199/big-data-campaigners-cant-win-an-election-hereyet>

Политический скандал вокруг *Cambridge Analytica* – всего лишь вершина айсберга. Фактически в мире уже складывается сегмент политико-консалтингового рынка, который ориентирован на инновационную методологию сбора, анализа «больших данных» и использования полученной аналитики для микротаргетированной политической рекламы.

В Новой Зеландии есть аналогичные компании, занимающиеся сбором контента через принципы «больших данных».

К примеру, *Acquire Online*, *Goat Farm* и другие фирмы. Но наиболее схожа с *Cambridge Analytica* по используемому политико-технологическому инструментарию *Crosby Textor Group*. Консалтинговая компания зарегистрирована в Австралии, но её услугами активно пользуется такая влиятельная новозеландская политическая сила, как Национальная партия. Один из её соучредителей, Марк Текстор, был профессионально связан с Ричардом Виртлином, который консультировал Рональда Рейгана по вопросам стратегии ведения американских президентских кампаний.

Текстор также консультировал британского политика Бориса Джонсона (называвшего самого Текстора «колдуном чисел»), бывшего премьер-министра Новой Зеландии Джона Ки, а также других политиков новозеландской Национальной партии.

Примечательно, что если социологические службы во время парламентских выборов в Великобритании 2017 г. пророчили Консервативной партии тотальный провал (280–290 мест), то соучредители

Crosby Textor, Линтон Кросби и Марк Текстор, дали более позитивный и точный прогноз. И это неудивительно, так как многие американские и британские социологические службы до недавнего времени больше пользовались классической методологией сбора демографических данных, тогда как современные политико-консалтинговые агентства сочетают её с исследованием цифровых следов и психометрии избирателей в Интернете.

Стиль *Crosby Textor* характерен использованием во время политической кампании муссирования всевозможных страхов – эмоциональных триггеров, нацеленных повлиять на выбор неопределившихся целевых групп электората.

Примером таких страхов является разжигаемая мигрантофобия или опасения людей, касающиеся состояния экономики. Другими словами, *Crosby Textor* практикует так называемую негативную кампанию. В этом случае партийный месседж направляется на аудиторию консалтинговой фирмой с регулярной монотонностью.

Старший преподаватель политических исследований Оклендского университета Дженнифер Лиз-Маршмент так высказалась о работе этой фирмы: «Они используют метод под названием "инсайдерский маркетинг", где коммуникация организуется после анализа глубочайших ценностей и страхов людей... Они могут сказать, что вы потеряете свой дом или вы потеряете свою работу. Они могут сказать, что молоко выросло настолько, а мясо выросло настолько» [21].

²¹ How National's spin doctors operate // URL: <http://www.stuff.co.nz/national/politics/521104/How-Nationals-spin-doctors-operate>

Фактически речь идёт о практике политической технологии спиндокторинга, использующейся для смещения внимания избирателей с одних тем на другие, обсуждение которых выгодно для рейтинга партий и имиджа их лидеров. На сленге новозеландских, австралийских политиков и политтехнологов такой приём отвлечения внимания называется «бросить дохлого кота на стол» (*throwing a dead cat on the table*). Примером подобного инсайдерского маркетинга является случай, когда новозеландский министр экономики Стивен Джойс, член Национальной партии, упрекнул Лейбористскую партию в том, что у неё есть фискальная дыра в 11,7 млрд долл. [22].

Вполне возможно, что распространяемый через массмедиа и социальные сети политический инсайд стремится отвлечь внимание новозеландцев от их реальных проблем, вызванных деятельностью политиков из Национальной партии. Логично предположить, что консалтинговые компании типа *Crosby Textor* анализируют страхи жителей Новой Зеландии посредством оптик *Big Data*, а потом используют их для выгоды своих заказчиков – партий и политиков, направляя нужный месседж на избирателей через таргетинг.

Любопытно, что Л. Кросби, соучредитель этой консалтинговой компании, ориентировал своих сотрудников участвовать в «войне редактирова-

ния», чтобы удалить детали его связей с табачной промышленностью и подробности его избирательных стратегий из материалов Википедии. Расследование *Channel 4 News* показало, что существенные разделы были действительно удалены со страницы Википедии Л. Кросби [23].

Как видно, *Crosby Textor* более осторожна, совсем не заинтересована в политических скандалах и не желает повторить путь *Cambridge Analytica*.

Для понимания масштаба изменений в политическом процессе Новой Зеландии лучше обратиться к кейсу руководителя Национальной партии Б. Инглиша.

Став премьер-министром страны, Инглиш всех удивил своим быстрым погружением в социальные сети – ранее он уделял очень мало внимания *Facebook* или любым другим онлайн-платформам. Видимо, консультанты целенаправленно добились его активизации в социальных сетях. Для сравнения: если в 2015 г. лишь два видео были размещены на его странице *Facebook*, в 2016-м – 7, то в 2017 г., когда планировались парламентские выборы, их было уже 76.

Вопрос Инглиша о бюджете быстро набрал более 7 тыс. голосов и был прокомментирован 1300 раз. В начале лета 2017 г. он вышел на темп в среднем 1,5 поста в день. Одновременно премьер-министр присоединился к *Snapchat*, социальной медиаплатформе, популярной среди новозеландской молодежи, но обычно не охватываемой 55-летними мужчинами, такими как Инглиш.

В то же время оппоненты Инглиша раскритиковали его новую имиджевую концепцию за неискренность и неуклюжесть.

²² *Bracewell-Worrall A.* Dead cats and the 'unprecedented' election of 2017 // URL: <http://www.newshub.co.nz/home/election/2017/09/dead-cats-and-the-unprecedented-election-of-2017.html>

²³ *Jones K.* The revelations about Cambridge Analytica indicate clearly that western governments are subverting democracy // URL: <https://kittysjones.wordpress.com/2018/03/20/the-revelations-about-cambridge-analytica-indicate-clearly-that-western-governments-are-subverting-democracy/>

Комик Элис Снедден так комментирует новый виртуальный образ Инглиша в социальных сетях: «...Я предполагаю, что смысл его присутствия в социальных сетях заключается в том, чтобы заставить его казаться простым обычным парнем, с которым вы можете выпить пива после работы.

Он как политический Буратино и всегда пытается доказать общественности, что он настоящий мальчик. Но чем сильнее он пытается казаться нормальным, тем больше он похож на ново-зеландского отчима, который старается слишком сильно завоевать наше доверие и просто не понимает, что нам нужно пространство. Он неуклюжий, и на него больно смотреть». Вместе с тем не всё так просто.

Журналист Чарли Гейтс, занимающийся политической стороной социальных сетей, указывает, что, хотя многие из таких ярких постов в социальных сетях Инглиша, как «пицца на спагетти» и «видео с прогулкой», могут показаться любительскими, на самом деле они все профессионально разработаны: «...Видео с прогулкой/бегом может показаться домашним, но оно было спроектировано для хорошей работы на *Facebook*. Видео имеет вертикальную форму, имеет субтитры, поэтому люди могут его смотреть без звука, было тщательно отредактировано, чтобы сделать его содержательным и юмористическим. Всё, что делает видео популярным на *Facebook*» [24]. Налицо есть все признаки профессиональной работы с виртуальной имиджевой концепцией политика.

Например, если в 2010 г. на интернет-ресурсах размещались фото Инглиша, где он слегка хмурится и разговаривает по телефону, сидя за столом, то уже с 2015 г. появились фото с крупным планом его улыбающегося лица. Образы изменились с далёких и строгих на улыбчивые и дружелюбные.

Не только фото, но и стиль постов Инглиша претерпел эволюцию.

Данные *BirdSong Analytics* показывают, что количество подписчиков Инглиша на *Facebook* выросло с 75 тыс. в марте до 98 тыс. летом 2017 г., количество лайков на пост выросло с 60 в ноябре до 1199 в декабре 2016 г. и 1034 в январе 2017 г. Пост «пицца на спагетти» привлёк 9540 лайков и 2312 пользовательских комментариев.

Лейбористская партия, напротив, поначалу отставала от Национальной в области применения «больших данных», создания виртуального имиджа и политического таргетинга через социальные сети. Но постепенно и лейбористы стали осознавать выгоду от подобных методик.

В февральском видео 2017 г. на странице лейбориста Эндрю Литтла в *Facebook* была показана встреча с людьми – политик стоит в дверях магазина, разговаривая с журналистами о дате выборов.

Один клип из парламента, опубликованный на его странице в *Facebook* в марте 2017 г., был просмотрен 22 тыс. раз. Литтл открыто заявил, что его партия была очень активна в *Twitter*, *Facebook* и *Instagram* для охвата избирателей всех возрастов: «Мы очень рады возможностям, которые социальные медиа предоставляют, чтобы помочь объяснить историю лейбористов избирателям... Мы очень довольны взаимодействием, которое получаем от людей, но мы постоянно ищем творческие способы улучшить то, как мы общаемся с избирателями, и мы ожидаем, что в ходе избирательной кампании будут внедрены некоторые инновационные подходы в этом отношении» [25].

²⁴ Edwards B. Political Roundup: NZ's 'like me' social media election campaign // URL: http://www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=11888838

²⁵ Gates Ch. Socks, pies and pizza: How to turn the Prime Minister into an everyman // URL: <http://www.stuff.co.nz/national/politics/93861796/Socks-pies-and-pizza-How-to-turn-the-Prime-Minister-into-an-everyman>

Подводя итоги, важно отметить, что феномен *Political Big Data* в политическом процессе Новой Зеландии носит противоречивый характер. На первый взгляд приёмы «больших данных» дают возможность для новозеландского государства по отслеживанию неблагополучных в социально-экономическом плане групп населения. И для этих целей уже запущены проекты постоянного скрининга новозеландцев по типу *The Integrated Data Infrastructure*.

Однако новозеландские государственные служащие и политики понимают недостаточную методологическую разработанность и этическую, правовую полемику праксиса «больших данных» в социальной, а также политической жизни своей страны. Нет и необходимого количества специалистов, обладающих теоретическим и практическим междисциплинарным знанием на стыке политологии, психологии, социологии и *IT-технологий*, которые смогли бы профессионально изучить проблемы объективности и эффективности методологии *Big Data* в социально-политической сфере. Кроме того, внедрение подобного рода программ вызвало неоднозначную оценку в самом новозеландском обществе.

Методология *Political Big Data* показывает свою эффективность только в руках профессионалов (по типу *Crosby Textor Group*). В то же время новозеландские партии уже активно стараются найти выгоду от использования оптик «больших данных», следовательно, в случае методологической корректировки *Political Big Data* открываются новые горизонты в масштабных психометрических исследованиях граждан, а значит, появляется ключ к манипуляции общественным сознанием, важной для легитимации властных групп.

Крупный бизнес, государство и политические партии Новой Зеландии пользуются условиями и трендами коммуникационного изобилия. После эффекта «погружения в Сеть» многих новозеландцев с них активно начали собирать различного плана психометрические данные.

На основании психометрического портретирования новозеландского электората консультанты местных политических партий выявляют неопределёвшихся избирателей, затем подбирают для них конкретный политический месседж, направляют на них эмоциональные триггеры, распространяя их через политические боты в рамках целевого таргетинга в социальных сетях.

Итогом этой поэтапной процедуры является успешное продвижение новых виртуальных брендов партий и имиджей политиков Новой Зеландии.

Библиография • References

- Володенков С. В. Total Data как феномен формирования политической постреальности // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2017. № 3. С. 409–415.
- [Volodenkov S. V. Total Data kak fenomen formirovaniya politicheskoy postreal'nosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki». 2017. № 3. S. 409–415]

- Володенков С. В., Федорченко С. Н. Окно Овертона – манипулятивная матрица политического менеджмента // Обозреватель–Observer. 2015. № 4. С. 83–93.
[Volodenkov S. V., Fedorchenko S. N. Okno Overtona – manipulyativnaya matritsa politicheskogo menedzhmenta // Obozrevatel'–Observer. 2015. № 4. S. 83–93]
- Кин Дж. Демократия и декаданс медиа. М.: ИД ВШЭ, 2015. – 312 с.
[Kin Dzh. Demokratiya i dekadans media. M.: ID VShE, 2015. – 312 s.]
- Рейтинги стран и регионов // URL: <http://gtmarket.ru/research/countries-ranking#t1>
[Reytingi stran i regionov // URL: <http://gtmarket.ru/research/countries-ranking#t1>]
- Bennett A. Your vote – caught in the web // URL: <https://www.radionz.co.nz/national/programmes/insight/audio/201852577/insight-big-data-manipulation-and-your-vote>
- Bracewell-Worrall A. Dead cats and the 'unprecedented' election of 2017 // URL: <http://www.newshub.co.nz/home/election/2017/09/dead-cats-and-the-unprecedented-election-of-2017.html>
- Coughlan T. English angry as Labour messes with his big idea // URL: <https://www.newsroom.co.nz/2018/02/08/87337/english-angry-as-labour-messes-with-his-big-idea>
- Easton B. Big Data – Good? // URL: <https://www.pundit.co.nz/content/big-data-good>
- Edwards B. Political Roundup: NZ's 'like me' social media election campaign // URL: http://www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=11888838
- Gates Ch. Socks, pies and pizza: How to turn the Prime Minister into an everyman // URL: <http://www.stuff.co.nz/national/politics/93861796/Socks-pies-and-pizza-How-to-turn-the-Prime-Minister-into-an-everyman>
- Gower P. Bill English's big data grab // URL: <http://www.newshub.co.nz/home/politics/2016/04/bill-englishs-big-data-grab.html>
- Grimme Ch., Preuss M., Adam L. [et al.]. Social Bots: Human-Like by Means of Human Control? // Big Data. 2017. Vol. 5. № 4. P. 279–293.
- Hickey B. Big data campaigners can't win an election here...yet // URL: <https://www.newsroom.co.nz/@democracy-week-victoria-university/2017/08/03/41199/big-data-campaigners-cant-win-an-election-hereyet>
- Hogan F. New Bill to modernise New Zealand's privacy laws // URL: <http://www.newshub.co.nz/home/shows/2018/03/new-bill-to-modernise-new-zealand-s-privacy-laws.html>
- How National's spin doctors operate // URL: <http://www.stuff.co.nz/national/politics/521104/How-Nationals-spin-doctors-operate>
- Integrated Data Infrastructure // URL: http://archive.stats.govt.nz/browse_for_stats/snapshots-of-nz/integrated-data-infrastructure.aspx
- Jones K. The revelations about Cambridge Analytica indicate clearly that western governments are subverting democracy // URL: <https://kittysjones.wordpress.com/2018/03/20/the-revelations-about-cambridge-analytica-indicate-clearly-that-western-governments-are-subverting-democracy/>
- Kosinski M., Wang Y., Lakkaraju H. [et al.]. Mining Big Data to Extract Patterns and Predict Real-Life Outcomes // Psychological Methods. 2016. Vol. 21. № 4. P. 493–506.
- Munro B. Digital you // Otago Daily Times. 10 April 2017. Monday // URL: <https://www.odt.co.nz/lifestyle/magazine/digital-you>
- Munro B. The new propaganda // Otago Daily Times. 10 April 2017. Monday // URL: <https://www.odt.co.nz/lifestyle/magazine/new-propaganda>

- Ooi A. Can Big Data have a big impact on New Zealand politics? // URL: <http://whatshappeningnow.hgmlegal.com/post/102edix/can-big-data-have-a-big-impact-on-new-zealand-politics>
- Politics Expected to Hinder New Zealand Businesses // URL: <http://www.scoop.co.nz/stories/PO1710/S00189/politics-expected-to-hinder-new-zealand-businesses.htm>
- Tett G. Trump, Cambridge Analytica and how big data is reshaping politics // Financial Times. 2017. September 29 // URL: <https://www.ft.com/content/e66232e4-a30e-11e7-9e4f-7f5e6a7c98a2>
- Watkins T. The tricks political parties use to understand you // URL: <https://www.stuff.co.nz/national/politics/opinion/89067495/the-tricks-political-parties-use-to-understand-you>
- Woods D. New Zealand's Child Abuse Analytics Study Hits Political Snag // URL: <https://chronicleofsocialchange.org/featured/new-zealands-child-abuse-analytics-study-hits-political-snag>

Статья поступила в редакцию 18 апреля 2018 г.

**Продолжается подписка на 2018 г.
на журнал «Обозреватель–Observer»
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 – на полугодие

36789 – на год

Истоки афганской трагедии

К 40-летию Апрельской (саурской) революции в Афганистане

Яков ПЛЯЙС

С момента начала афганской трагедии прошло 40 лет, конца которой не видно до сих пор. Даже после многолетних усилий натовской коалиции во главе с США.

Это снова и снова заставляет задуматься о причинах всего, что происходит в этой многострадальной стране. Не разобравшись в этом, трудно понять, почему пожар гражданской войны в Афганистане, в которую СССР ввязался в 1979 г., не только по-прежнему продолжается здесь, но перекинулся и на другие регионы мира. Сейчас, например, он вовсю полыхает в Сирии, которой уже Россия хочет помочь. И в тушении этого пожара, и в восстановлении экономики. СССР хотел этого в Афганистане, где не получилось. Получится ли в Сирии? Очень хотелось бы надеяться.

Предварительные замечания

В августе 1993 г., вскоре после крушения власти НДПА в Афганистане, я прочитал в газете «Известия» следующее: «Если бы у нас хватило мужества и мудрости называть всё относящееся к афганской войне сво-

ими именами, назвать – не более того – всех виновников, главных исполнителей и ретивых воспевателей бойни, то Россия дышала бы сегодня другим воздухом, а на границах Таджикистана, возможно, не до-

---

ПЛЯЙС Яков Андреевич – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор департамента политологии Финансового университета при Правительстве России. *E-mail:* YPlyas@fa.ru

Ключевые слова: Афганистан, Апрельская революция, НДПА, социалистическая ориентация, внешняя политика СССР.

шло бы до кровопролития и не погибли бы наши пограничники» [1]. Прочитал и задумался.

Спору нет: если бы сделать то, что предлагает автор газетных строк, это было бы не только оценкой действий многих участников афганских событий, но и наукой – предупреждением для тех людей, которые и сегодня готовы участвовать в весьма сомнительных акциях.

Главное, что нам надо сделать сейчас – это понять, в чём коренные

причины, где истоки наших бед, и, поняв и прочувствовав, приступить к их устранению.

Эта задача сложнее и труднее той, которую предлагает решить процитированный выше автор. Но ею также следует заниматься. И то, как некорректно (особенно с научной точки зрения) мы в прошлом году отметили 100-летие российских революций, убедительно подтверждает необходимость заниматься решением этой задачи.

Догматизм идеологии – коренная причина

Поиск коренной причины афганской трагедии привёл к убеждению, что эта трагедия является прямым следствием нашей внутренней драмы. Истоки той и другой лежат в пороках тоталитарного социализма сталинского типа, который, в свою очередь, имеет идейные, политические и иные основы.

Идейную основу этого социализма составлял искажённый марксизм-ленинизм, превращённый сначала в неприкасаемую догму, а потом и в икону, ценность которой никому и ни в коем случае нельзя было ставить под сомнение.

Идеологический застой, начавшийся в Советском Союзе ещё в 30-х годах, по мере уничтожения инакомыслящих, а также возможных конкурентов и претендентов на власть сопровождался канонизацией социалистических идей. Застой общественной политической мысли, быстро превратившийся в застой идеологии, неизбежно дол-

жен был привести и в конце концов привёл к застою в экономике страны. Этот застой наступил бы, конечно, намного раньше, если бы не богатейшие природные ресурсы, позволявшие развиваться за счёт экстенсивных факторов и, кстати сказать, позволяющие нам до сих пор держаться на плаву, несмотря на санкции и наше неумение создавать эффективную экономику.

Именно природные богатства Советского Союза занимавшего одну шестую часть суши, питали жизненными соками модель государственного социализма не только у нас, но и за её пределами. И не только эту модель, но и модель социалистической ориентации стран, освободившихся от колониальной зависимости.

Идеология, не развивавшаяся в соответствии с потребностями быстро текущего времени, оказывала пагубное воздействие на все стороны общественной жизни, особенно на политику (как внутреннюю, так

¹ Кардин В. Жертвы и палачи посттоталитарного общества // Известия. 1993. 28 августа.

и внешней), а также на право и мораль.

В области внешней политики это воздействие выразилось прежде всего в чёрно-белом видении мира, в делении стран на «своих» и «чужих», на друзей и врагов. Идеология классовой конфронтации, безраздельно господствовавшая несколько десятилетий и являвшаяся компасом внешней политики, нанесла огромный ущерб интересам многих стран. В подтверждение достаточно вспомнить хотя бы о том, сколько средств и усилий было потрачено на сверхмилитаризацию мировой экономики и гонку вооружений, в которой участвовал и Запад, и Восток. К этому, как это ни удивитель-

но, мир снова возвращается в наши дни.

Глобальное противостояние, деление мира на антагонистические системы вело к тому, что каждая сторона старалась привлечь к себе как можно больше союзников, в том числе из стран третьего мира. Последние, в свою очередь, стремились извлечь из противостояния максимум пользы для себя.

Это обстоятельство было немало важной причиной для выбора некоторыми из этих стран социалистического пути развития. Это явление последней трети XX столетия заслуживает того, чтобы о нём сказать особо. Тем более что трагедия Афганистана связана с ним напрямую.

Коротко о модели соориентации

Принципиальное изменение расстановки сил в мире после Второй мировой войны, вызванное, с одной стороны, распадом колониальных империй и образованием большого числа независимых государств, а с другой – заметным ростом престижа СССР, внёсшего решающий вклад в разгром германского фашизма, явилось стимулом для поиска молодыми государствами такого пути развития, который, как они считали в то время, прогрессивнее и гуманнее империализма – поработителя и эксплуататора. Поскольку социализм заявлял о себе и считался многими более высокой степенью общественного развития, чем капитализм, государства, только что возникшие на карте мира, естественно, обратили свои взгляды на СССР и другие социалистические страны. Тем более что Советский

Союз оказывал им всестороннюю поддержку в борьбе за свободу и независимость, что было для них крайне важно.

В документах компартий, особенно правящих, равно как и в документах революционно-демократических организаций, возникавших в освободившихся странах, социалистическая ориентация (некоторые организации и партии предпочитали говорить о некапиталистическом пути развития) характеризовалась как стадия, занимающая промежуточное положение между отживающим свой век капитализмом и прогрессивным социализмом, которому принадлежит будущее.

В подтверждение можно указать такие, например, два документа: Программу КПСС, принятую ещё XXII съездом в 1961 г., и первую программу Народно-демократической партии Афганистана,

опубликованную в апреле 1966 г. газетой «Хальк» («Народ»).

В первом из упомянутых документов есть специальный раздел (VI), посвящённый национально-освободительному движению. Содержание этого раздела не оставляет никаких сомнений в том, на чьей стороне были симпатии и антипатии его авторов и как представлялась им перспектива развития мира. Вот лишь некоторые сформулированные идеи: «Существование мировой системы социализма и ослабление империализма открывают перед народами освободившихся стран перспективу национального возрождения, ликвидации вековой отсталости и нищеты, достижения экономической самостоятельности» [2, с. 45]. «Капитализм – это путь народных страданий», «социализм – это путь народов к свободе и счастью» [2, с. 48], утверждалось в Программе.

Особое значение для последующих рассуждений и выводов имеют идеи о национально-освободительной революции и о государствах национальной демократии, изложенные в том же разделе: «Национально-освободительная революция не кончается завоеванием политической независимости. Эта независимость будет шаткой и превратится в фикцию, если революция не приведёт к глубоким изменениям в социальной и экономической жизни, не решит насущных задач национального возрождения».

Хотя в приведённой цитате прямо не указывается, в каком случае революция не превратится в фикцию, но из последующих строк со всей очевидностью вытекало, что это может произойти лишь в случае развития её в социалистическом направлении.

На чём основано такое утверждение?

На выводах той же Программы, которые гласили, что самый последовательный борец за доведение до конца национально-освободительной революции, «за национальные интересы и социальный прогресс – рабочий класс», что «союз рабочего класса и крестьянства – коренное условие успешной борьбы за осуществление глубоких демократических преобразований, экономического и социального прогресса» и т. д.

Таковы были выводы авторов Программы, которые не были подтверждены историческим опытом. Прежде всего потому, что они были чрезвычайно далеки от действительности развивающихся стран. О каком рабочем классе – «самом последовательном борце» – можно было говорить, если в начале 60-х в большинстве стран третьего мира он находился в зачаточном состоянии, был неграмотен, особенно в политическом отношении, организационно разрознен и т. д. Или о каком союзе рабочего класса и крестьянства могла идти речь, когда для этого не было никаких предпосылок?

Кроме рабочего класса и крестьянства, чей союз должен был составить основу национального фронта, борющегося против империализма и феодализма, Программа КПСС включала в этот фронт также национальную буржуазию и интеллигенцию.

Особого внимания заслуживает вывод о том, что союз с освободившимися народами КПСС рассматривала «как один из краеугольных

² Программа КПСС. М.: Политиздат, 1961.

камней своей международной политики» и считала «своим интернациональным долгом помогать народам, идущим по пути завоевания и укрепления национальной независимости, всем народам, борющимся за полное уничтожение колониальной системы».

Именно на этом постулате основывалась практическая линия КПСС, по сути дела, до конца её существования. Хотя в конце 80-х – начале 90-х годов эта линия, несомненно, начала претерпевать изменения. Если в резолюции XXVII съезда (февраль – март 1986 г.) КПСС ещё подтверждала свою «неизменную солидарность с силами национального и социального освобождения, её линию на тесное взаимодействие со странами социалистической ориентации, с революционно-демократическими партиями», то в резолюции XIX Всесоюзной конференции КПСС (1988 г.) и в резолюции XXVIII

съезда (1990 г.) ни о какой социалистической ориентации и ни о каких революционно-демократических партиях речь уже не шла. Однако колесо практической политики продолжало вертеться в том же направлении, правда, всё больше замедляя свой ход. Чувство реальности постепенно проникало и в сферу отношений со странами соориентации.

Положения и выводы, содержащиеся в основных теоретических документах КПСС, считались если не истиной в последней инстанции, то по крайней мере фундаментально обоснованными. И если объективная действительность всё же отличалась от теории и говорила совсем о другом, то тем хуже было для такой действительности. Главное, чтобы содержание партийных документов соответствовало духу и букве марксизма-ленинизма, пусть неверно истолкованного и до крайности упрощённого.

Социалистическая ориентация в документах НДПА

То, как выводы КПСС, включая и те, которые приводились выше, влияли на революционно-демократические партии развивающихся стран, хорошо видно на примере НДПА.

Вот лишь несколько положений из первой программы этой партии, которые наглядно показывают, во-первых, насколько этот документ был пропитан марксистским духом классовой конфронтации и, во-вторых, как много заимствовалось из документов КПСС.

«Ход развития народов недавно образовавшихся стран Азии и Африки свидетельствует о том, – говорилось в этой программе, – что уже в настоящее время некоторые из этих стран (Египет, Алжир, Гвинея, Мали, Бирма и т. д.) сделали социализм примером для себя и, основываясь на некапиталистическом пути развития и создании государств национальной демократии того или иного типа, достигли за короткий срок своей независимости замечательных результатов в деле поднятия жизненного уровня народов, а также в деле социального прогресса и процветания» [3].

Борьба между социализмом и мировым империализмом, начало которой положила Великая

³Хальк. 1966. 11 апреля.

Октябрьская социалистическая революция в России, объявлялась в Программе НДПА «основным содержанием настоящего момента и центром классовой борьбы в международном масштабе».

Программа НДПА (1966 г.) вслед за Программой КПСС (1961 г.), а также документами международного коммунистического движения объявляла, что объединённый фронт включает в себя все прогрессивные и патриотические силы, т. е. рабочих, крестьян, передовую интеллигенцию, ремесленников, мелкую и среднюю буржуазию, национальную буржуазию, «которые борются за национальную независимость, обеспечение демократии в общественной жизни, за доведение до конца демократического, антиимпериалистического и антифеодального движения».

Цитирование сходных положений можно было бы продолжать и дальше. Заметим только, что после Апрельской (саурской) революции 1978 г. марксистский дух ещё более окреп, и уже не только в документах НДПА, но и в документах государственных органов власти. Это объяснялось, очевидно, резким ростом советского влияния на афганские дела, а также непосредственным участием советских специалистов в создании этих документов. В программе действий этой партии, принятой в марте 1982 г., отмечалось, что «основой революционной государственной власти в Афганистане является союз рабочих и крестьян при поддержке и участии в нём всех трудящихся...», а ст. 1 Основных принципов ДРА, или, по сути дела, конституции страны гласила: «Демократическая Республика Афганистан есть суверенное и демократическое государство всего трудового мусульманского народа Афганистана – рабочих, крестьян, ремесленников, кочевников, интел-

лигенции и других трудящихся, всех демократических и патриотических сил, всех национальностей и племён страны».

В густом тумане, замешанном на идеализме, романтизме и утопических мечтах, жило и действовало не одно поколение революционных демократов не только Афганистана, но и целого ряда других стран третьего мира на разных континентах, в том числе на Ближнем Востоке и в Сирии в частности. Оторванные от реальной жизни, заблуждаясь насчёт подлинных интересов своего народа, они нередко искренне верили в то, что продолжают дело Великого Октября и строят в своих странах новое справедливое общество.

Однако реальности, в том числе афганские, говорили совершенно о другом. Они говорили о том, что к началу 60-х годов, когда разрабатывалась первая Программа НДПА, афганский рабочий класс, занятый на предприятиях фабрично-заводского типа, согласно официальной статистике, насчитывал всего лишь 15,8 тыс. чел., а многомиллионное крестьянство, составлявшее более 3/4 всего населения страны, было чрезвычайно отсталым, сплошь неграмотным, глубоко религиозным и консервативным.

К апрелю 1978 г., когда в Кабуле произошёл военный переворот, количественные и качественные характеристики этих двух классов, на которые делала основную ставку НДПА, ненамного изменились. Они были такими, что *революционными эти классы никак нельзя было назвать*. Не были революционными и другие группы и слои населения. Но это не мешало и нашим, и афганским партийным идеологам, а также

теоретикам настойчиво повторять, что «афганское общество не только созрело, но и перезрело для нацио-

нально-демократической революции». И потому вполне готово для продвижения в сторону социализма.

Отказ НДПА от социалистических ценностей и её бесславный финал

Только на II съезде НДПА (июнь 1990 г.), на котором она была переименована в Партию Отечества, эта «теория» социориентации была оценена весьма критически.

В докладе ЦК НДПА, с которым 27 июня 1990 г. выступил генсек этой партии Наджибулла, говорилось, в частности, что «в связи с некоторыми причинами и факторами, такими как всеобщая отсталость общества, низкий уровень политической зрелости, неверное понимание общества и международной ситуации, партия не сумела точно учесть объективные и исторические реалии страны» [4].

Отвечая на вопрос, по какому пути развития следует партии идти дальше – капиталистическому или социалистическому, Наджибулла вспомнил об истоках и о том, с чего начинался этот выбор. «Следование по некапиталистическому пути развития, – отметил он в своём докладе, – означало упрощение проблем, обращение к недоказанному теоретическому тезису о миновании одной или нескольких стадий естественного развития общества, определение этой цели, не исходя из объективного анализа положения в обществе, а извлекая её из теоре-

тической формулы чужестранцев» [4].

Социалистические и революционно-демократические ценности и лозунги, которым НДПА руководствовалась все годы своего существования, были на её II съезде не только раскритикованы, но, по существу, отвергнуты. Было решено отдать предпочтение ценностям ислама и устоявшимся традициям афганского народа.

На национальный и исламский характер Партии Отечества не раз обращал внимание и Фарид Маздак, заместитель председателя партии. В одной из своих статей, опубликованных после съезда, он также писал, что, исходя из ситуации, в которой оказалась страна, «основной задачей партии является не построение социализма, не национально-демократическая революция, а осуществление ряда приоритетных задач: обеспечение мира, возрождение страны и достижение национально-единения» [5].

Идеологические, политические и организационные метания НДПА, отказ от прежних ценностей и целей были проявлениями её агонии, указывавшими на то, что конец близок. И действительно, в апреле 1992 г. продержавшись с советской помо-

⁴ Documents of the Second Congress of the People's Democratic Party of Afghanistan. Kabul, July 1990. P. 24.

⁵ Правда. 1990. 29 декабря.

пью у власти ровно 14 лет, она без боя передала власть моджахедам и, судя по всему, навсегда сошла с политической арены.

Бесславный, трагический конец НДПА, как и большинства других революционно-демократических партий, был, можно сказать, запрограммирован с самого момента их возникновения. Эта запрограммированность объясняется прежде всего оторванностью идеологии и практических действий НДПА от реалий афганского общества, стремлением переиначе жизнь народа вопреки его воле и по чуждой ему схеме.

Отмечая неизбежность поражения и крушения НДПА и апрельского (1978 г.) переворота в Афгани-

стане, надо отдавать себе ясный отчёт в том, что столь же неизбежным был и крах концепции социориентации и советской внешней политики по отношению к этой стране после 1978 г.

Основные причины этой неизбежности также кроются в оторванности идеологии и практики от конкретных жизненных реалий.

В дополнение к тому, что уже говорилось выше для доказательства этого тезиса, сошлюсь на свои записи, сделанные в Кабуле 6–7 января 1987 г. сначала на собрании советников, а затем на собрании актива советских специалистов, командированных в Афганистан по различным линиям.

Как теория соединялась с практикой (из дневниковых записей)

ВДРА (5–7 января 1987 г.) находились с рабочим визитом член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и секретарь ЦК КПСС А. Ф. Добрынин, четверть века до этого плодотворно трудившийся на посту посла Советского Союза в Соединённых Штатах Америки.

Наряду со встречами и переговорами, которые у них состоялись с высшими руководителями Афганистана, они встретились также с советскими специалистами и выступили перед ними. Интересуясь событиями в этой стране неформально, я, как и многие мои коллеги, записал некоторые и, как мне каза-

лось, наиболее важные высказывания этих политиков.

Выступая 6 января на собрании советников, А. Ф. Добрынин отметил прежде всего, что советское руководство твёрдо решило в течение двух лет вывести войска СССР из Афганистана, о чём М. С. Горбачёв сообщил Б. Кармалю ещё в октябре 1985 г. во время его визита в Москву*.

По словам А. Ф. Добрынина, Б. Кармаль не сразу уловил смысл сказанного, а поняв его, растерялся и сильно встревожился. «Но вывод войск, – продолжал Добрынин, – не означает, что наших интересов – государственных, партийных и иных – здесь не будет». «Мы не ухо-

* Эта ситуация достаточно подробно описана в книге А. С. Черняева «Шесть лет с Горбачёвым». С. 57–59.

дим, а остаёмся», – ещё раз подчеркнул секретарь ЦК.

Два года, в течение которых должен быть осуществлён вывод войск, – решающие годы афганской революции. Отметив это, Добрынин добавил: «Но мы продумываем планы наших международных связей до 2000 года, в том числе по Афганистану. Прежде всего экономических связей».

В своём выступлении Добрынин утверждал также, что, несмотря на национальное примирение, которое нельзя рассматривать как поражение революции, а лишь как манёвр и компромисс, НДПА «остаётся главной руководящей силой афганского общества на сегодня и на перспективу».

Интересно отметить, что, хотя догмы и стереотипы ещё продолжали господствовать в нашей стране, прагматизм уже пробивал себе дорогу и во внутренней и в международной политике КПСС. «Идеология идеологией, – мимоходом заметил секретарь ЦК, – но надо понимать и учитывать в работе местные афганские условия».

В этом отношении ещё более примечательным было выступление 7 января Э. А. Шеварднадзе. Он прежде всего подчеркнул, что афганское направление советской внешней политики – одно из важнейших. Не развязав несколько узлов, в том числе афганский, невозможно осуществить перестройку в СССР. «В ходе революции, – говорил министр, – государственная власть в Афганистане оказалась не в состоянии решить ни одну из крупных общественных проблем. Беднейшие слои населения ничего не получили от революции».

Отметив далее, что изживенчество афганского руководства во главе с Б. Кармалем из года в год возросло, Шеварднадзе подверг критике деятельность советских советников, которые «своими практическими советами часто забегают вперёд и подменяют афганских товарищей. Число советников должно уменьшиться. Афганские друзья должны заняться своими делами сами».

Свою речь перед активом Шеварднадзе закончил такими словами: «Мы на годы вперёд закладываем новый фундамент наших отношений с Афганистаном. Мы пришли сюда друзьями и должны уйти друзьями».

Достаточно реалистичным и прагматичным было также выступление погибшего впоследствии на Кавказе В. П. Поляничко, бывшего в то время советником Политбюро ЦК НДПА. Он говорил, что разрыв между партией (НДПА) и народом увеличивается, что перестройка в партии идёт вяло, что в НДПА годами накапливался недостаток в теории, привязанной к афганской действительности, что среди советских советников много непрофессионалов, что сказывается на результатах работы, и т. д.

На активе выступило также немало других высоких должностных лиц, и речи их были не только реалистичными, но и тревожными. Ибо прогноз был ясен. Но мало кто из нас сомневался, что с выводом советских войск и без мощной поддержки СССР режим НДПА долго не продержится. Хотя, если честно сказать, нам этого не хотелось.

Не хотелось:

– во-первых, потому, что на афганской земле полегло немало наших молодых ребят, только-только начавших жить;

– во-вторых, потому, что наше государство и его граждане потратили огромные средства и материальные ценности, чтобы поддерживать афганскую революцию. И потом, кому хочется быть побеждённым;

– в-третьих, потому, что нам было ясно: с нашим уходом гражданская война в этой стране не только не прекратится, а, наоборот, ещё больше разгорится.

В условиях острой конкуренции и борьбы за центральную и местную власть, крайне обострившихся межнациональных противоречий иное развитие событий было трудно прогнозировать. Очевидно, что разгар гражданской войны вполне может привести если не к самоистреблению народа, то к распаду страны, что послужит эскалации напряжённости во всём регионе.

Никогда не забуду, что сказал мне один знакомый дукандор (владелец магазинчика), окончивший советский институт, женатый на украинке и прекрасно говоривший по-русски: «Вы сделали большую ошибку, когда ввели сюда свои войска. Но вы сделаете ещё большую ошибку, если их выведете».

Я спросил его почему.

«Потому что мы просто перережем друг друга», – ответил он.

Я не мог с ним согласиться, ибо пребывание наших войск проблемы революции и народа не решало и не решило бы даже, если бы их было не сто тысяч, а много больше;

– в-четвёртых, потому, что политика НДПА в последние годы её правления, прежде всего внутренняя политика, стала достаточно прагматичной. Партия отказалась от социалистической ориентации и, по сути дела, взяла курс (к сожалению, слишком поздно) на буржуазно-демократические преобразования, хотя и стремилась убедить страну и мир в своей приверженности исламским ценностям. Такой курс значительно больше соответствует потребностям афганского общества, чем исламский фундаментализм, взятый на вооружение кабульским режимом, пришедшим к власти после НДПА.

Надо заметить, что если первые полтора-два года после апрельского переворота 1978 г. были годами крайне левого революционного экстремизма НДПА, то месяцы, прошедшие после прихода к власти «борцов за веру», были месяцами попыток всеобщего утверждения ценностей исламского фундаментализма. Один перегиб сменился другим, не менее одиозным и ошибочным. Но это уже больше относится к выводам.

Стоит сказать, хотя бы кратко, о некоторых других первопричинах афганской трагедии и крушения наших планов в Афганистане.

К ним относятся крупные просчёты и ошибки в стратегии и тактике нашей внешнеполитической и военной деятельности в Афганистане.

Просчёты и ошибки во внешней политике и военной сфере

Ошибочная идеологическая доктрина, которой мы придерживались практически все годы советской власти, принесла бы намного мень-

ше ущерба, если бы мы не стремились осуществлять её слепо, догматически, нередко игнорируя конкретные реалии жизни как своей

страны, так и мира. Сказанное в полной мере относится и к политике СССР в отношении развивающихся стран социалистической ориентации, в том числе Афганистана периода 1978–1992 гг.

Политический догматизм, подчинение политики устаревшим идеологическим постулатам, недостаточный прагматизм внешней политики – это ещё один из истоков афганской трагедии. А ведь наши отношения с этой страной знали и другие времена.

Хорошо известно, что в течение нескольких десятилетий до 1978 г. советско-афганские отношения были не просто хорошими, а подлинно дружественными. Трудно назвать какую-либо другую развивающуюся страну, кроме Афганистана, где авторитет СССР был бы столь высок, а отношение к советским специалистам (или просто советским гражданам) – таким тёплым и приветливым. Нет сомнения, что при таком уровне и характере отношений советское руководство могло бы без особого труда не только сохранять и развивать дружбу между двумя странами и народами, но и добиваться реализации самых сложных задач.

Зачем же понадобилось поддерживать непопулярную в народе (особенно после перегибов первого этапа революции) НДПА, и тем более зачем понадобилось вводить в Афганистан войска? Ответ достаточно прост: это понадобилось для расширения сферы действия идеологической и политической доктрины СССР. Иные интересы, на которые в течение многих лет ссылались советские и афган-

ские руководители: защита южных границ СССР, предотвращение проникновения на территорию сопредельного южного соседа американского империализма, выполнение интернационального долга и т. д. были не столь важны. Официальные же объяснения больше играли роль пропагандистского прикрытия подлинных целей. Надо иметь в виду, конечно, и то, что после 1978 г. афганское направление нашей внешней политики жёстко и неусыпно контролировалось ЦК КПСС как в Москве, так и в Кабуле, в том числе через аппарат партийных советников, работавших в центре и на местах, а также через послов, которые входили в состав ЦК КПСС, и т. д.

Жёсткий партийный контроль МИД со стороны ЦК КПСС, создававший ситуацию двоецентриа по многим внешнеполитическим направлениям, наносил немалый урон нашему государству. По существу, это был ещё один источник наших внешнеполитических ошибок.

По версии А. А. Громыко, просьба афганского правительства об оказании вооружённой поддержки народной армии Афганистана «взвешивалась в Советском Союзе долго и тщательно». «В конце концов, – указывает Громыко, – Политбюро ЦК КПСС единогласно приняло решение об оказании такой помощи [6, с. 178].

«После того как решение было принято на Политбюро, в кабинете Л. И. Брежнева шло обсуждение, что делать дальше. Кроме генсека в разговоре также участвовали А. А. Громыко и М. А. Суслов, также член

⁶ Громыко А. А. Памятное. Кн. 2. 2-е изд. Доп. М.: Политиздат, 1990.

Политбюро и главный идеолог КПСС времён Л. И. Брежнева. Обращаясь к последнему, Брежнев говорит: "В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно – либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором".

Сулов сказал: "У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательство по нему выполнять быстро, раз мы уже так решили. А на ЦК КПСС обсудим позднее".

Состоявшийся затем в июне 1980 года Пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро» [6, с. 179].

Данные цитаты показательны во многих отношениях.

Во-первых, они свидетельствуют, какой узкой группой и в какой келейной обстановке принимались важнейшие государственные решения, глубоко затрагивавшие не только судьбы и коренные интересы миллионов граждан страны, но и всю мировую политику.

Во-вторых, наглядно видна монополярная роль Политбюро ЦК КПСС в определении курса внешней политики. Остальные органы (ЦК партии и Верховный Совет СССР) были призваны лишь соглашаться, утверждать и исполнять решение.

Ситуация развивалась так: Политбюро ЦК КПСС, собравшееся 13 декабря 1979 г., не только не обсуждало вопрос о вводе войск, но даже не голосовало по нему. Показательно, что, несмотря на отсутствие обсуждения, никто из членов

или кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС не выступил против, не осудил келейно принятое решение, хотя, как мы знаем, многие из них потом говорили о своём несогласии с вводом войск. Не говоря уже об учёных-востоковедах, специалистах по Афганистану.

Например, Ю. В. Ганковский, прекрасно знавший Афганистан, посвятивший изучению этой страны всю свою жизнь, всячески доказывал, что ввод наших войск в эту страну – стратегическая, трагическая ошибка.

Описанный выше способ выработки и принятия важнейших для страны решений, безусловно, был одной из первопричин афганской трагедии.

Но картина будет неполной, если не сказать ещё об одном. О том, что наши зарубежные внешнеполитические и иные учреждения зачастую направляли в центр либо вовсе неверную, либо искажённую информацию. Это делалось сознательно, с пониманием того, что ждут «наверху».

Немаловажную роль в начале и в развитии афганской трагедии сыграли крупные ошибки и просчёты наших военных. Стоит выделить интервью известного генерала армии В. И. Варенникова, которое было опубликовано в журнале «Огонёк». Напомню лишь суть этого интервью [7].

До тех пор, пока не было принято политическое решение, Генеральный штаб выступал против ввода войск. Но потом подчинился и предложил следующий план действий. Воинские части будут стоять гарни-

⁷ Огонёк. 1989. № 12.

зонами в Кабуле и некоторых других городах и в боевые действия ввязываться не будут. Цель присутствия советских войск была определена однозначно: стабилизация обстановки. Войска «должны были помогать местному населению защищаться от банд, оказывать ему помощь продовольствием и всеми предметами первой необходимости». Так говорил Варенников в 1989 г. и добавлял, что линия Генштаба в 1979 г. была «в принципе верной». Можно усомниться, что эта линия была верной. По одной простой причине, которую к 1989 г. должен был понять и сам генерал армии. Банды были главным образом *отрядами борцов за веру*. Банд и бандитов в строгом смысле слова было не так уж много. Объединённые в формирования, подчинённые так называемым полевым командирам, моджахеды быстро накапливали опыт партизанской войны в совершенно непривычных и недоступных для наших войск горных массивах и становились непобедимыми. Как борцы

за ислам и за родной кишлак они, несмотря на междоусобную борьбу и постоянные «разборки», были понятнее и ближе своему народу, чем режим НДПА, поддерживаемый оккупантами, какими войска выглядели в глазах афганцев.

К чести наших политиков и военных, они довольно быстро поняли, что оружием в Афганистане ничего добиться нельзя, и с приходом М. С. Горбачёва взяли курс на национальное примирение. Все считали этот курс верным. Но если глубоко задуматься, то до апреля 1992 г. для национального примирения в Афганистане не было основы. В самом деле НДПА стояла на революционно(буржуазно)-демократических позициях, чуждых широким народным массам, а моджахеды выступали с позиций, как они утверждали, истинного ислама, понятных народу. Результаты примирения одна и другая сила представляли себе по-разному. Поэтому, даже если бы примирение состоялось, оно продержалось бы недолго, ибо было построено на песке.

Заключительные размышления и выводы

Осмысливая истоки афганской трагедии, невольно наталкиваешься на вопрос: какие первопричины сыграли в ней наиболее роковую роль? Были ли это идеологический и политический догматизм руководства КПСС и МИД или ошибки и просчёты наших военных и других специалистов, сражавшихся и работавших в Афганистане? Какие обстоятельства, приведшие режим Народно-демократической партии Афганистана и СССР к поражению, были более важными: внешние или внутриафганские?

Итак, истоки афганской трагедии лежат прежде всего в фундаментальных пороках идеологии и практики тоталитарного социализма, а также в фундаментальных недостатках прямого продолжения этой системы – модели социалистической ориентации, или некапиталистического пути развития.

С этой точки зрения национально-демократические революции и их авангарды – революционно-демократические партии, включая НДПА, были изначально обречены. Можно считать, что, если бы даже действия наших

политиков, дипломатов, военных и других специалистов были более адекватными условиям Афганистана или других стран, крах всё равно был бы неизбежным, ибо явление изначально появилось с вирусом саморазрушения.

Наряду с внешними факторами немаловажную роль в афганской трагедии сыграли и продолжают играть внутренние (незрелость политических сил, внутрипартийные, этнические и клановые противоречия, амбициозность лидеров и т. д.). Надо понять также несколько в общем-то тривиальных и давно известных истин.

Первая. Идеи (в том числе идеи исламского фундаментализма), овладевшие массами, какими бы неверными они ни казались просвещённым политикам, представляют собой грозную материальную силу, с которой нельзя не считаться.

Вторая. Ни социализм по-советски, ни демократия по-американски или по-европейски, ни какой-нибудь другой «-изм», сколько ни старайся и ни вкладывай сил и средств, не приживутся ни в Афганистане, ни в другой стране, если нет для этого благоприятной почвы.

Третья. Ставка на военную и иную силу в борьбе с идеями, популярными в массах, как правило, приводит к нежелательным последствиям. Здесь важнее идейная борьба.

Четвёртая. В политической борьбе чрезвычайно важен баланс сил и момент, когда этот баланс можно менять в свою пользу. Неверная стратегия, тактика и методы борьбы способны очень быстро изменить ситуацию в пользу противника.

Названные причины поставили народ Афганистана в чрезвычайно трудные условия, а страну – на грань распада. И сегодня, через 40 лет после начала, трагедия продолжается, и конца ей не видно. А решение проблемы представляется не менее проблематичным, чем десятилетия назад.

Библиография • References

- Громько А. А. Памятное. Кн. 2. 2-е изд. доп. М.: Политиздат, 1990. – 512 с.
[Gromyko A. A. Pamyatnoe. Kn. 2. 2-e izd. dop. M.: Politizdat, 1990. – 512 s.]
- Кардин В. Жертвы и палачи посттоталитарного общества // Известия. 1993. 28 августа.
[Kardin V. Zhertyy i palachi posttotalitarnogo obshestva // Izvestiya. 1993. 28 avgusta]
- Огонёк. 1989. № 12.
[Ogonyok. 1989. № 12]
- Правда. 1990. 29 декабря.
[Pravda. 1990. 29 dekabrya]
- Программа КПСС. М.: Политиздат, 1961.
[Pgogramma KPSS. M.: Politizdat, 1961]
- Хальк. 1966. 11 апреля.
[Halk. 1966. 11 aprelya]
- Documents of the Second Congress of the People's Democratic Party of Afghanistan.
Kabul, July 1990. P. 24.

Статья поступила в редакцию 24 апреля 2018 г.

Образовательная система – инструмент эффективной государственной социальной ПОЛИТИКИ

Опыт Южной Кореи

Мария ПОНЯВИНА

Вопросы взаимосвязи государственной политики и образования в сегодняшнем мире играют первостепенное, основополагающее значение для развития любой страны мира. Можно утверждать, что уровень эффективности взаимодействия политической и образовательной систем представляет собой один из ключевых факторов общественного прогресса, поскольку именно благодаря взаимодополнению этих систем общество способно предотвращать разного рода кризисы.

Образование является зависимым от многих факторов общественного развития (экономика, культура, международная обстановка), оказывающих существенное влияние на эту сферу. Политическая система и политическая власть в существенной степени влияют на характер образования и отношение к нему общества.

В настоящее время особенное внимание должно уделяться качественной составляющей образования, которое представляется одной из детерминант любого инновационно ориентированного государства. Качество, эффективность и дальновидность реализуемой образовательной политики непосредственно связаны с политической и геополитической стабильностью, эконо-

---

ПОНЯВИНА Мария Борисовна – кандидат экономических наук (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации). *SPIN-код:* 3580–0525, *E-mail:* mbponyavina@fa.ru

Ключевые слова: Южная Корея, государственная образовательная политика.

мическим благополучием и национальной безопасностью страны. При этом национальная образовательная система должна быть адекватной, релевантной состоянию государства, вызовам времени, требованиям социума.

Подавляющее большинство стран заинтересовано в повышении уровня образования населения, что оказывает непосредственное влияние на рост уровня жизни в стране. Такие страны законодательно гарантируют своим гражданам бесплатное образование, в том числе (при соблюдении определенных условий) и высшее.

Международные организации, в частности ЮНЕСКО, ведут активную работу по распространению образования в мире; параллельно идет процесс по преодолению безграмотности (перед мировым сообществом стоит задача по глобальному устранению безграмотности до 2020 г.).

Образовательные системы – это передача последующему поколению накопленных знаний, опыта, традиций. Первые образовательные системы возникли в Древней Греции и Древнем Риме, где зародились прототипы современных школ. Модернизация и постоянное усложнение труда привело к необходимости массовой передачи знаний, тем самым вызвав потребность в создании института образования. Исторически первым университетом можно назвать Константинопольский университет, основанный около 855 г. в Константинополе, где молодых людей обучали медицине, философии, риторике и праву.

Однако массовое образование, доступное широкому слою общества, возникает лишь в индустриальном обществе, когда потребности экономики стали главной причиной развития всей системы образования. В последнее время наблюдается масштабное становление всевозможных структурных элементов образовательных систем – разнообразные специальные учебные заведения (лицеи, колледжи и др.), по-

являются новые типы университетов, форма подачи информации трансформируется в пользу информационной. При этом доля учащихся высших профессиональных учебных заведений существенно возрастает.

Так, если в 1960 г. общее количество студентов в мире, по данным ЮНЕСКО, составляло 13 млн чел., то к концу века оно увеличилось почти в 7 раз – 88,2 млн чел., и, согласно прогнозу на 2025 г., эта цифра вырастет более чем в 2 раза и составит 260 млн чел. [1].

Однозначно можно сказать, что образование представляет собой основополагающий социокультурный механизм, используемый обществом ради целенаправленного эволюционного воздействия на социум. Образование является важнейшим информационным каналом, который обеспечивает связь поколений, социальное наследование, отбор и передачу знаний, умений и навыков и осуществляется в рамках конкретных социальных общностей и групп, поколений, народов.

В эпоху глобализации образование усилило свою роль важнейшего

¹ World education report. UNESCO, 2000. Paris, 2000.

ресурса развития общества и экономики [2]. Национальные образовательные системы ведущих стран мира имеют схожую логику развития. В настоящий момент мировое образовательное пространство представляется единым механизмом, но в то же время каждая национальная образовательная система, следуя глобальным тенденциям, сохраняет при этом свои уникальные национальные черты. Анализируя образовательные системы разных государств, можно выделить не только схожие компоненты, но и выявить частные для каждой страны. Согласно информации Министерства образования Соединённых Штатов Америки, в мире насчитывается около 190 своеобразных образовательных систем [3].

Руководителям образовательной сферы каждого государства важно иметь информацию об эффективности своей национальной системы, данные отчёты составляются согласно многоуровневым международным исследованиям, наглядно демонстрирующим преимущества одной системы над другой. Так, согласно последнему отчёту *Pearson**, касающемуся качества образовательных систем и учитывающему ключевые образовательные индикаторы, такие как расходы на обучение одного студента, результаты выпускных экзаменов и пр., в 2016 г.

лидерство одержала образовательная система Южной Кореи.

Исходя из сказанного, важным и интересным представляется политологический анализ опыта образовательной системы Южной Кореи, за короткий срок добившейся высокого результата [4].

Южная Корея бедна природными ресурсами, но имеет высокий уровень антропогенности. При этом большая часть территории занята горами. В середине прошлого века экономическое состояние страны было на одном из самых низких уровней в мире, большая часть населения была безграмотна.

На сегодняшний день это государство по уровню экономического развития является 13-й экономикой мира, ряд наукоёмких отраслей народного хозяйства страны занимает лидирующую позицию в мире: судостроение, автомобилестроение, сталелитейная, рыбная промышленности, телекоммуникационная сфера. Одним из ключевых факторов, обеспечивающим такой экономический прорыв, стала государственная образовательная политика, давшая стране критическую массу квалифицированных специалистов как в производственной, так и в научной сферах.

В настоящее время важность и необходимость государственного

² Фтенакис В. Е. Необходимость перемен: раннее образование в современном мире // Образовательная политика. 2015. № 4.

³ US Department of Education U. S. Department of Education // URL: <http://www2.ed.gov/about/offices/list/ous/international/usnei/international/edlite-index.html>

⁴ Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment 2014 // URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/09/6795>

* Pearson PLC – крупнейшее британское мировое издательство и образовательная компания.

регулирования национальной системы образования признаётся всеми жителями страны трудоспособного возраста. В Южной Корее сегодня практически вся молодёжь (порядка 95%) получает высшее образование; в 60-е годы эта цифра не превышала 38% [5].

Конституция Республики Корея определяет образование как непрерывный процесс на протяжении всей жизни человека, который координируется скрупулёзно разработанными законодательными актами Министерства образования, науки и техники Республики Корея [6].

Система образования в Южной Корее является институциональной, а по своей структуре – аналог большинства образовательных систем мира с особенностями, присущими исключительно этой стране. Общая структура системы образования Республики Корея состоит из двухлетнего дошкольного образования, шестилетнего начального образования, трёхлетнего среднего образования, трёхлетнего среднего образования в школах повышенной ступени, четырёхлетнего в вузах, в которых ведётся образование по магистерским и аспирантским программам.

Существуют также профессионально-технические колледжи. При этом обязательными ступенями корейской системы образования явля-

ются начальное и трёхлетнее среднее образование.

В отличие от подавляющего большинства стран мира под контролем Министерства образования, науки и техники Республики Корея находятся все высшие учебные заведения, включая частные, составляющие основную часть вузов Кореи [7]. В его ведомстве находятся такие вопросы, как количество студенческих мест, перечень учебных дисциплин, количество мест по каждой специальности, соответствие учебных пособий идеологии [8]. Государственная политика призвана обеспечить также высокое качество образования и необходимое количество специалистов в определённых сферах народного хозяйства.

Традиционная приверженность конфуцианству оказывает фундаментальное влияние на функционирование всей системы образования в стране, жителей которой отличают бережливость, трудолюбие, высокая мотивация получить образование, а также сильная забота о семье. Преподавательская работа является одной из самых уважаемых в обществе, а общество признаёт важность образования и его необходимость.

В соответствии с результатами южнокорейского социологического опроса, в иерархии престиж-

⁵ Пак Тхэ-юн. Послевоенное развитие Кореи // Кореана. 2003–2009 // URL: <http://www.koreana.or.kr/user/action/backIssueList.do>

⁶ Конституция Республики Корея (п. 5 ст. 31) // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=214459

⁷ Ким Г. Н. Справочник по Корее. ИА РУСКОР // URL: http://www.ruskorinfo.ru/wiki/sistema_obrazovaniya/

⁸ Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2009.

ности профессий третье место занимает должность профессора [9].

Современная государственная политика в области образования в республике привела к созданию одной из самых технологически передовых систем образования мира. В стране создана прогрессивная цифровая образовательная среда, разработан первый в мире цифровой учебник, корейские школьники регулярно побеждают на международных соревнованиях компьютерной грамотности.

Одним из существенных преимуществ электронного обучения является его вклад в экономию расходов на образование – стоимость электронных книг на 50% ниже печатных. При этом, согласно национальным социологическим опросам, учащиеся, использующие электронные учебники, показывают более высокие результаты [10].

Образовательная парадигма имеет сдвиг в сторону электронного обучения. Южная Корея занимает первые позиции в рейтингах стран с самым быстрым интернет-соединением в мире.

Учебные заведения обеспечены мобильными устройствами для обучения национального производства. Ряд дисциплин изучается в онлайн-формате, обеспечивая присутствие на занятиях всех обучающихся, включая тех, кто не мог бы это сделать по состоянию здоровья например.

В рамках перехода на новый стандарт обучения преподавательский состав прошёл обучение

по использованию новых технологий, регулярно ведётся работа по повышению квалификации за счёт образовательных учреждений.

Согласно статистике, Республика Южная Корея занимает одно из лидирующих мест по финансовой поддержке научных исследований: на эту статью расходов приходится более 3% ВВП, что существенно выше показателей США и ряда европейских стран.

Всеобщее понимание важности, значимости и результативности качественного современного образования привело к общественному восприятию науки в этой стране как задачи государственной важности, как средство обеспечения достойной жизни и даже как модное направление социальной жизни населения.

Так, многие молодые люди, стремящиеся подчеркнуть свой статус современного молодого человека «в тренде», непременно носят очки, независимо от рекомендаций окулиста, как атрибут образованного человека.

В то же самое время вузы Южной Кореи занимают высокие места в международных рейтингах, а также обеспечивают высокий уровень трудоустройства молодёжи по специальности.

В частности, Сеульский национальный университет входит в топ-100 лучших вузов мира 2016–2017 гг. по версии журнала *Times Higher Education* [11], а его выпускники играют значимую роль в международной политической сфере.

⁹ Белова Т. А., Струкова М. И. Система образования в Южной Корее периода VI Республики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3.

¹⁰ Мировой опыт построения электронной образовательной среды // URL: http://filearchive.snews.ru/img/reviews/2015/12/04/otchet_elektronnaya_obrazovatel'naya_sreda_final_15.pdf

¹¹ Топ-100 лучших вузов мира 2016–2017 по версии журнала *Times Higher Education* // URL: <http://tass.ru/obschestvo/2307215>

К примеру, выпускники этого вуза: восьмой Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун, шестой генеральный директор Всемирной организации здравоохранения Ли Чон Ук, а также Квон О Хьун –

действующий генеральный директор корпорации *Samsung*, международного лидера в сфере инновационных технологий в разных областях от строительства до медицины.

Итак, можно сказать, что столь значимый экономический результат Южной Кореи – это продукт грамотного взаимодействия политической и образовательной систем. Так, помимо означенных экономических успехов и лидерства в определённых секторах народного хозяйства можно ещё отдельно выделить образовательные результаты.

Например, о росте грамотности говорят следующие цифры: в 1945 г. грамотных было 22% граждан, а 1980 г. этот показатель приблизился к 95%.

Руководство Южной Кореи, осознавая острую необходимость в развитии своей страны, стимулирует развитие образования. Помимо национального уважительного отношения населения к этой сфере государственное образование было возведено в разряд главенствующей сферы народного хозяйства – расходы государства на образование достигают 5% от ВВП [12].

Экономические показатели Южной Кореи доказывают эффективность выбранного механизма совершенствования экономической и политической сферы. Рассмотренный пример стремительного экономического роста Южной Кореи, страны, не имеющей дополнительных существенных природных ресурсов, страны, которая может и смогла добиться высокого экономического и политического результата только благодаря своему образованному, знающему и компетентному народу, ярко демонстрирует чёткую взаимосвязь системы образования с высокой результативностью экономики данной страны, которая положительно влияет на все сферы южнокорейского общества, приводя их к лидерству на международной арене. Данная взаимосвязь не могла бы в полной мере реализоваться без регулирующей роли политической системы.

Политическая сфера и сфера образования находятся в непосредственной взаимозависимости друг от друга, при этом политическая сфера, бесспорно, определяет данную зависимость. Её главные особенности составляют политическую базу этих связей, формируя и направляя социальные, правовые и идеологические условия.

Библиография • References

Асмолов К. В. Корейская политическая культура: традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2009. – 483 с.

¹² Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>

- [Asmolv K. V. Korejskaya politicheskaya kul'tura: tradicii i transformaciya. M.: IDV RAN, 2009. – 483 s.]
- Белова Т. А., Струкова М. И. Система образования в Южной Корее периода VI Республики // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 3. С. 9–18.
- [Belova T. A., Strukova M. I. Sistema obrazovaniya v YUzhnoj Koree perioda VI Respubliki // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2015. № 3. С. 9–18]
- Ким Г. Н. Справочник по Корее. ИА РУСКОР // URL: http://www.ruskorinfo.ru/wiki/sistema_obrazovaniya/
- [Kim G. N. Spravochnik po Koree. IA RUSKOR // URL: http://www.ruskorinfo.ru/wiki/sistema_obrazovaniya/]
- Конституция Республики Корея (п. 5 ст. 31) // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=214459
- [Konstituciya Respubliki Koreya (p. 5 st. 31) // URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=214459]
- Мировой опыт построения электронной образовательной среды // URL: http://filearchive.cnews.ru/img/reviews/2015/12/04/otchet_elektronnaya_obrazovatel'naya_sreda_final_15.pdf
- [Mirovoj opyt postroeniya ehlektronnoj obrazovatel'noj sredy // URL: http://filearchive.cnews.ru/img/reviews/2015/12/04/otchet_elektronnaya_obrazovatel'naya_sreda_final_15.pdf]
- Пак Тхэ-гюн. Послевоенное развитие Кореи // Кореана. 2003–2009 // URL: <http://www.koreana.or.kr/user/action/backIssueList.do>
- [Pak Theh-gyun. Poslevoennoe razvitie Korei // Koreana. 2003–2009 // URL: <http://www.koreana.or.kr/user/action/backIssueList.do>]
- Рейтинг стран мира по уровню расходов на образование // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>
- [Rejting stran mira po urovnyu raskhodov na obrazovanie // URL: <http://gtmarket.ru/ratings/expenditure-on-education/info>]
- Топ-100 лучших вузов мира 2016–2017 по версии журнала Times Higher Education // URL: <http://tass.ru/obschestvo/2307215>
- [Top-100 luchshih vuzov mira 2016–2017 po versii zhurnala Times Higher Education // URL: <http://tass.ru/obschestvo/2307215>]
- Фтенакис В. Е. Необходимость перемен: раннее образование в современном мире // Образовательная политика. 2015. № 4. С. 101–120.
- [Ftenakis V. E. Neobhodimost' peremen: rannee obrazovanie v sovremennom mire // Obrazovatel'naya politika. 2015. № 4. S. 101–120]
- Global Index of Cognitive Skills and Educational Attainment 2014 // URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/06/09/6795>
- US Department of Education U. S. Department of Education // URL: <http://www2.ed.gov/about/offices/list/ous/international/usnei/international/edlite-index.html>
- World education report, 2000. UNESCO, Paris, 2000. – 116 p.

Статья поступила в редакцию 7 марта 2018 г.

Как защитить журналиста в горячих точках и при журналистском расследовании

Александр СЕРЕГИН

Районы горячих точек, которые так влекут журналистов, особенно начинающих свой творческий путь, чтобы оказаться в центре информационного потока, за которым наблюдает весь мир, конечно, привлекательны, но и связаны с огромным риском, ибо там гибнут и пропадают без вести наши коллеги по перу. Если обратиться к статистическим материалам, в изобилии разбросанным по Интернету, то с 2004 по 2014 г. в мире погибло 619 журналистов и 143 из них – во время вооружённых конфликтов [1].

В Интернете представлены многочисленные данные «военных» потерь журналистов. В основном они совпадают по числу и разнятся лишь по датам и организациям, их публикующим.

По состоянию на конец 2013 г. только в Сирии были убиты 63 репортёра, ещё 60 были похищены или пропали без вести. Судьба половины из них до сих пор не известна [2].

В Союзе журналистов России, который не только ведёт свою скорбную статистику, но и по своей инициативе оказывает помощь семьям погибших и пропавших без вести российских журналистов, считают, что цифра их по-

---

СЕРЕГИН Александр Васильевич – кандидат культурологии, профессор МГИМО(У) МИД России. *E-mail:* a_seregin06@mail.ru

Ключевые слова: международное гуманитарное право, Женевские конвенции 1949 г., Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., журналист в горячих точках, журналистское расследование, безопасность журналиста.

¹ <http://sivilink.ru/smert-jurnalistov-po-stranam/>

² <http://ren.tv/novosti/2014-09-03/zhurnalisty-pogibshie-vo-vremya-voennyh-konfliktov>

ть за последние 25 лет перевалила за 200 чел. [3]. И в нашей стране, и в мире журналистская профессия прочно вошла в список наиболее опасных.

«Побочные потери», как квалифицируют гибель журналистов в военных сводках, к сожалению, становятся обыденностью. Ничто не останавливает ярость вооружённых людей – ни увещевания политиков, ни призывы правозащитников, ни приказы командиров, ни уж тем более принадлежность к журналистской профессии. Напротив, журналисты по нынешним временам становятся исковой целью ещё и потому, что война – это великая коммерция. Воюющие стороны продают друг другу обмундирование, оружие, боеприпасы, информацию. И за отобранную у журналиста жизнь убийца получает по особому, высокому счёту. На официальном уровне подобные факты либо скрываются, либо гневно опровергаются. Правды избегают. Там, где начинается война, и прежде всего гражданская, правда кончается. Убедительный пример тому – Украина.

Возникает объективный вопрос, как в мире защищают журналистов и как журналистам обезопасить самим себя, находясь по заданию редакции в гуще боевых столкновений? Попробуем ответить на эти вопросы по порядку и обратимся к международным правовым документам, тяжёловесный формализм языка которых будем преодолевать вместе.

Международное гуманитарное право (МГП) как совокупность международно-правовых норм и принципов регулирует защиту жертв войны и ограничивает методы и средства ведения войны. В соответствии с ним в районах вооружённых конфликтов имеют право работать две категории журналистов: те, кто там находится в профессиональных командировках – военные корреспонденты, и «свободные журналисты» (об их статусе поговорим ниже).

Одним из основополагающих документов МГП являются Женевские

конвенции 1949 г. [4]. Статья 4 третьей Женевской конвенции определяет условия работы военных корреспондентов: *«Они должны быть представителями СМИ, иметь аккредитацию в вооружённых силах, не являться членами военных формирований и должны сопровождать военные формирования».*

Корреспонденты, в зоне боевых столкновений выполняющие свои профессиональные обязанности, квалифицируются нормами МГП как гражданские лица, оказавшиеся на территории вооружённого конфликта. И, возьми они в руки оружие, права на защиту в рамках МГП они лишатся.

Что это за защита?

Статья 79 Дополнительного протокола № 1 (это тоже основополагающий документ МГП, их несколько, и приняты они были в 1977 г. как дополнение к Женевским конвенциям) как раз регламентирует защиту,

³ https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/685294#.D0.A1.D0.BF.D0.B8.D1.81.D0.BE.D0.BA_.D0.B6.D1.83.D1.80.D0.BD.D0.B0.D0.BB.D0.B8.D1.81.D1.82.D0.BE.D0.B2

⁴ Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011.

которая предоставляется журналистам как гражданским лицам: *«Если журналист попал в плен, то ему предоставляются судебные гарантии, государственная защита и при первой возможности его должны выдать той стране, гражданином которой он является»*.

Практика показывает, что многие, особенно молодые, журналисты в азартном порыве острее почувствовать пульс военного противостояния забывают о жёстком правиле: не брать в руки оружие, не пытаться помогать военным. Презрев это, они формально и фактически становятся участниками вооружённых формирований, лишаясь права на защиту МГП. Понятно, что для военного корреспондента важно иметь свободу перемещения в зоне конфликта. Трудности возникают с первых шагов его работы, когда начинается обсуждение маршрутов и районов посещения с командованием, которое вводит различные ограничения по мере тактической или военной необходимости: комендантский час, специальные удостоверения, что объективно затрудняет передвижение корреспондента.

Часто от журналиста требуют пройти процедуру аккредитации. Помимо аккредитации, есть Международная карточка журналиста, которую подписывают председатель Союза журналистов России и президент Международной федерации журналистов. Руководители этих организаций своей подписью удостоверяют, *«что владелец настоящей карточки является профессиональным*

журналистом». Они просят *«все органы власти, а также партнёрские журналистские организации оказывать необходимое содействие держателю карточки в выполнении им профессиональных обязанностей»*.

Это общепризнанный международный документ, который позволяет идентифицировать личность журналиста в районе боевых действий. В соответствии с рекомендациями международных гуманитарных организаций (МГО) корреспондентам, отправляющимся «освещать войну», такую карточку необходимо получить. Там, в районе боевых действий, она станет весомым основанием не стать в глазах пленивших его солдат шпионом и быть обвинённым в разведывательных или каких-либо других действиях, не согласующихся с его журналистской миссией. Выдают такую карточку в Российском союзе журналистов по просьбе командирующего СМИ.

Международная нормативная защита, на которую может и должен рассчитывать журналист, предполагает, что он не может быть объектом нападения, будучи гражданским лицом, и что к его собственности необходимо относиться с уважением, если таковая не является военной атрибутикой. (Это регулируется Дополнительным протоколом № 1 к Женевским конвенциям.)

До сих пор не утратили своего нормативного значения «древние» Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. и Приложение к ним (ст. 13 Гаагского положения о законах и обычаях войны) [5]. Используется в рам-

⁵ Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных соглашений. 2-е изд. М.: Международный Комитет Красного Креста, 1999.

ках МГП и Женевская конвенция от 27 июля 1929 г. об обращении с военнопленными, хотя ссылается только на «газетных корреспондентов». (По понятным причинам, других в те далёкие времена просто не было.)

Итак, по этому документу журналисты, являясь представителями категории лиц, следующими за военными силами, но не входящими в их состав, имеют право на такое же обращение, как и военнопленные. Однако за ними сохраняется статус гражданских лиц при наличии удостоверения, которое выдали им военные власти их страны.

Несколько иначе обстоит дело со «свободными журналистами», которые решили отправиться в зону военных действий без командирования туда каким-либо средством массовой информации. Такая практика полностью соответствует нынешнему уровню гражданских и профессиональных свобод личности и довольно часто используется в журналистском цехе как в России, так и за рубежом. Российский закон о СМИ устанавливает, что профессиональный статус журналиста распространяется на штатных сотрудников редакций и «на авторов, не связанных с редакцией средствами массовой информации трудовыми или иными договорными отношениями», но признаваемых ею своими внештатными авторами или корреспондентами при выполнении ими поручений редакции.

Если такой журналист попадает в плен на оккупированной противником территории, то его нельзя оттуда перемещать. Военные власти противника могут начать в отношении него расследование или ин-

тернировать журналиста в этом же районе «по соображениям безопасности». Однако если поставленные в вину журналисту факты не находят подтверждения, его должны освободить.

Это теория.

На практике же процессы дознания, особенно политически окрашенные, бесконечно растягиваются во времени, и пленённому «свободному журналисту» приходится весьма несладко.

Можно привести пример об отношении к безоружным русским журналистам, попавшим в плен в зоне АТО на Украине. Интернет предоставит достаточно информации о времени, проведённом ими в застенках и на допросах.

Военный корреспондент, оказавшийся в плену у противоборствующей стороны на её территории, может оказаться в суде, если совершил какие-либо противоправные действия. И его дальнейшая судьба полностью зависит от беспристрастности судебного решения. Журналист может быть интернирован. Но это в том случае, если государство сочтёт, что это необходимо для обеспечения своей национальной безопасности. Коли следствие не находит оснований для уголовного преследования журналиста и факты, ставящиеся ему в вину, недостаточны для интернирования, то он должен быть освобождён.

Журналисты из третьих стран, не участвующие в военном противостоянии, в плену проходят тот же путь: дознание, подозрения, обвинения. Если обвинить не в чем, их должны освободить. Причём любой журналист имеет право по телефону поддерживать связь с родствен-

никами, а журналисты из третьих стран могут рассчитывать на помощь своего консульства.

Современное положение журналистов в зонах военного противостояния подтолкнуло международное профессиональное сообщество к более активным мерам для их защиты. Архаичность правовых установлений, регулирующих сегодня безопасность корреспондентов, о чём говорят специалисты и за рубежом, и в нашей стране, наверное, играет здесь не последнюю роль.

В декабре 2014 г. Совет Европы создал «Платформу по защите журналистики и безопасности журналистов». Правда, суть этой «Платформы» – собирать информацию о нарушениях свободы СМИ от журналистских и других организаций, занимающихся защитой этих свобод. «Платформа» является информационным ресурсом для распространения сведений об угрозах безопасности журналистов в государствах-членах с тем, чтобы Совет Европы в случае необходимости мог принимать скоординированные защитные меры.

В рамках этой «Платформы» Совет Европы создал систему взаимодействия с партнёрскими организациями, которым делегировал право размещать соответствующую информацию при условии её проверки.

Организации-партнёры в 2015 г. опубликовали 259 предупреждений. Из них 66 касались физических нападений на журналистов, 59 – задержания и тюремного заключения, 31 – запугивания и 92 – действий, которые не согласовывались со свободой медийных средств.

В 2017 г. таких предупреждений стало меньше – 127. И, по мнению Совета Европы, повысилась

их действенность. В 37 случаях на эти оповещения были получены официальные ответы от соответствующих государств.

Защита журналистов входит в повестку дня и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В основе этой деятельности лежит Хельсинкский заключительный акт 1975 г., важнейший документ ОБСЕ, заключённый в разгар холодной войны: «Государства-участники подтверждают, что журналисты не могут подвергаться выдворению или иным образом наказываться в результате законного осуществления их профессиональной деятельности. В случае выдворения аккредитованного журналиста он будет информирован о причинах этого и может обращаться с просьбой о пересмотре дела».

Спустя два десятилетия 56 стран – участников организации единогласно приняли решение о практической реализации этого положения Заключительного акта. Ими было учреждено Бюро представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации и их деятельности. Признавая, что угрозы жизни и деятельности журналистам по-прежнему существуют, Бюро было наделено функциями надзорного органа, *в том числе осуществляющего текущий контроль и выявление случаев преследования, запугивания, лишения свободы и физического насилия журналистов и других сотрудников СМИ, включая убийство.*

На практике Бюро отслеживает возникающие проблемы у медийных субъектов и журналистов с властными структурами и осуществляет различного рода вмешательства от кулуарной дипломатии до официаль-

ных представлений и публичных заявлений, защищая интересы журналистики и журналистов.

Деятельность ОБСЕ по защите журналистов в зоне вооружённых конфликтов основывается на резолюции Совета Безопасности ООН 1738, принятой единогласно (2006 г.). В соответствии с ней журналисты в районах вооружённых конфликтов считаются гражданскими лицами, которым необходимо предоставлять защиту, как и другим гражданским лицам. В ней подчёркивается, что в соответствии с МГП насилие в отношении журналистов является *военным преступлением*. Всем сторонам, ведущим боевые действия, необходимо уважать права журналистов и работников СМИ как гражданских лиц.

В российском законодательстве отсутствует единый правовой источник, защищающий права журналистов, работающих в горячих точках.

В частности, Закон «О СМИ» чётко не регулирует эту сферу журналистской деятельности. Однако это не значит, что она вообще отсутствует в отечественном правовом пространстве. Эти нормы закреплены в других нормативно-правовых актах и полностью соответствуют международным правовым стандартам в этом сегменте. Работа журналистов в районах боевых действий регулируется Военной доктриной Российской Федерации (21 июля 2000 г.), Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (27 мая 1998 г.), Законом «Об обороне» (31 мая 1996 г.), Законом «О борьбе с терроризмом» (25 июля 1998 г.).

В целом следует признать, что на сегодня нормы международного права и российское внутреннее за-

конодательство не способны эффективно и полно защитить журналистов. И главное, не подвигают государство к какому-либо участию в дальнейшей судьбе семьи погибшего журналиста. Ну, раз нет закона, то и государственные органы исполнительной власти, не имея никаких нормативных обязательств, если и делают что-то для семьи, оставшейся без кормильца, то в порядке исключения.

Конечно, это несправедливо, забывать про жизненные нужды семьи тех, кто, выполняя великую гуманитарную миссию, стал жертвой войны. И, конечно же, заботу о семьях журналистов, погибших в районах боевых столкновений, должно нести государство. Но на вопрос, как это сделать, ответа пока нет.

И в России, и за рубежом как-то слишком долго думают над формулированием правового поля для журналистов в зоне военных конфликтов, чтобы обезопасить в них журналистский труд и поддержать их семьи в трагических случаях.

Можно с пониманием отнестись к трудностям, которые возникают в решении этого вопроса в Западной Европе. Нормативное регулирование защиты освещающих военные действия журналистов началось там в конце XIX – начале XX в. (вспомним Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг.). По тем временам Европа занимала лидирующие позиции в продвижении идеи общественного и государственного внимания к журналистской работе, связанной с огромным риском в районах военных действий. Но в наше время темпы осмысления главного – социальной поддержки семей погибших жур-

налистов, как-то снизились, если не сказать, что не просматриваются вовсе. Почему?

Созданная Европой бюрократическая система под названием Евросоюз, с которой государства-учредители поделились своим суверенитетом, но при условии согласования с ними любых решений, если они не носят рекомендательный характер, опутала паутиной всевозможных согласований национальное и международное европейское чиновничество. А уж если вопрос касается государственных бюджетов, которых как раз данный вопрос и касается, то искусство спихивать, пенять и ставить препоны друг другу в его решении не вмещается в рамки здравомыслия.

Об этом шёл разговор с одним из руководителей ЮНЕСКО, который приезжал в Москву и делал доклад именно по этой теме в Союзе журналистов России. Вывод один. Европа с её развитыми демократическими институтами в этом вопросе топчется на месте, и неизвестно, сколько времени будет там ещё топтаться.

Надо отметить, что и наша ветвь исполнительной власти при отсутствии конкретных поручений не торопится брать инициативу в свои руки. Однако в России существуют и другие возможности не только решить этот вопрос, но и стать сегодня мировым лидером обустройства социальных гарантий для представителей журналистского цеха.

Союз журналистов России, как субъект законодательной инициативы, подготовил свой вариант документа о присвоении журналистам *статуса участника военных действий*. 2 марта 2018 г. документ был публично представлен в Калинин-

граде президенту России В. В. Путину на медиафоруме Общероссийского народного фронта (ОНФ) «Правда и справедливость».

Президент согласился с важностью работы СМИ в конфликтных зонах. Однако вопрос присвоения этого статуса журналистам, отметил он, нуждается в дополнительной проработке. «Участник боевых действий – это человек, который с оружием в руках добивается того, что он считает справедливым, – пояснил президент. – Журналист не участвует в боевых действиях, он освещает эти боевые действия».

С такой постановкой невозможно не согласиться. Ключевыми словами в ней являются «с оружием в руках». Стоит журналисту взять оружие, он становится участником боевых действий, и тогда обрушивается вся система МГП, которая защищает его. Это очевидно. Но дверь не закрылась. Президент дал понять, что журналисты зачастую рискуют не меньше, чем участники боевых действий, поэтому предложил создать для военных корреспондентов какой-то иной особый статус. «Давайте подумаем», – резюмировал он.

Вроде дело сдвинулось с мёртвой точки, и теперь Союз журналистов имеет перед собой «столбовую дорожку» согласия президента, чтобы решить этот наболевший вопрос и наконец закрыть его. И хотя известно, как «поспешают» бумаги в коридорах власти, свет в конце тоннеля всё же отчётливо видится. Однако пока нет бумаг, наши журналисты продолжают «воевать с пером в руках» на сегодняшних фронтах Украины и Сирии.

Они принимают решение о поездке «туда» с полным осознанием

всех рисков, ненадёжности правовой защиты от этих рисков и отсутствия социальных гарантий для своих семей, случись непредвиденное. И вот тут, пожалуй, стоит вернуться ко второй части проблемы, а именно: как журналистам, работающим в районах боевых действий, обеспечить самим себе защиту, не полагаясь только на действующее законодательство?

Во втором томе Энциклопедии российской журналистики (2007 г.) есть весьма любопытный материал именно по этой теме. Речь идёт о правилах поведения корреспондентов, освещающих военное противостояние. И прежде, чем к нему подробнее вернуться, поделюсь несколькими соображениями, которые невольно возникают после его прочтения.

Выход в свет этой энциклопедии говорит о многом. Проблема обеспечения мер в отношении журналистов стала подниматься общественностью более 15 (!) лет назад. Она была формализована, подкреплена, как рассказывают старожилы Союза журналистов России, соответствующими пояснениями, пусть и недоработанными с точки зрения юридического прочтения, и неоднократно ложилась на столы чиновников исполнительной и представительной ветвей власти. И ничего.

Само появление этой проблемы объективно свидетельствует о наличии дыры в нормативном регулировании права журналиста (читаем – человека) на необходимую социальную заботу о нём. Ибо, находясь в районе повышенных рисков для жизни, корреспондент выполняет

не только свои профессиональные обязанности, но и ответственную гуманитарную миссию, обеспечивая информацией гражданское общество, развитие которого, как известно, является одной из приоритетных задач государства.

Инстинктивно реагируя на отсутствие нормативной заботы в обеспечении журналистского труда, общество само стало латать законодательные прорехи, формулируя для журналистов правила, помогающие выжить в горячих точках. Это тревожный сигнал для законодателей, бездействие и равнодушие которых стало очевидным после вмешательства президента. Или я ошибаюсь в отношении равнодушия? И следует более внимательно отнестись к заявлению депутата Госдумы от фракции «Единая Россия» Ф. Сивагатуллина, который в комментарии порталу «Реальное время» назвал журналистов «слугами» [6]. Справедливости ради надо заметить, что слова эти прозвучали совсем по другому поводу. Но они прозвучали. И, согласитесь, есть основание заметить, что о слугах хозяин думает в последнюю очередь с вытекающими известными последствиями.

А пока суть да дело, к 11 правилам поведения корреспондента в горячих точках, опубликованным в журналистской энциклопедии, продолжают прирастать новые. Общество не остаётся равнодушным.

Вот эти опубликованные правила.

1. Не надевать военный камуфляж и форму участников противостояния.

⁶ <https://ria.ru/politics/20180324/1517185275.html>

2. Не брать в руки оружие и не стрелять из него.
3. Не провоцировать активные действия ради нужной «картинки».
4. Тщательно продумывать и согласовывать маршруты передвижения.
5. Знать историю, традиции и правила поведения в регионе.
6. Не передвигаться на случайном автотранспорте.
7. Не передвигаться самостоятельно по неизвестной территории.
8. Не спорить с вооружёнными людьми.
9. Не брать с собой лишние документы.
10. Не брать с собой дорогие вещи, не демонстрировать дорогую аппаратуру.
11. Не носить обувь со шнурками и одежду с многочисленными карманами.

Побывавшие неоднократно в горячих точках корреспонденты весьма положительно оценивают эти правила, разве что сетуют, что, когда начинается стрельба, о правилах думается в последнюю очередь, про них просто забывают. Причём не только от страха.

Вернёмся к медиафоруму Общероссийского народного фронта «Правда и справедливость».

На нём президент рассказал, как несколько лет назад смотрел репортаж из горячей точки вместе со своим коллегой, который обратил его внимание на поведение журналистов. Они явно потеряли чувство самосохранения и начали лезть прямо под пули. «Я присмотрелся, и правда», – вспоминает Путин. Тогда президент обратился к гендиректору ВГТРК О. Добродееву, и утративших инстинкт самосохранения журналистов вернули из горячей точки.

Пожалуй, из этой ситуации объективно следуют сразу два правила. Первое – для журналистов: не терять

здравомыслие и принимать именно с ним все перипетии бушующих военных действий в отношении своей безопасности и своей жизни.

Второе же касается напрямую руководства редакций, командующих журналистов. Связь с военным командованием и обсуждение с ним настроений и поведения журналистов на передовой должны стать необходимым звеном в их работе с собственными корреспондентами.

Из наблюдений, освещавших военное противостояние журналистов, складывается и третье правило безопасности: не передвигаться вблизи линии фронта на чисто вымытых автомобилях. Почему-то блестящий на солнце автомобиль намного сильнее привлекает внимание снайперов и наводчиков. Почему, сказать трудно, но это привлекает, и по нему очень часто стреляют, утверждают все.

Казалось бы, на этом можно было бы поставить точку. Но есть и ещё один сюжет, без которого эта тема не может считаться исчерпанной. Речь пойдёт о журналистском расследовании. Жанре, по сегодняшним временам, самом опасном в профессиональном ремесле журналиста. Действительно, первую строку и со значительным отрывом в статистике погибших и пострадавших при исполнении служебных обязанностей журналистов занимают отнюдь не корреспонденты на линии фронта, а журналисты-расследователи. И объясняется это тем, что объектом агрессии целенаправленно становится тот, кто проводит расследование.

Следует заметить, что сотрудники силовых структур, ведущие рас-

следование, жёстко защищены законом. Посягательство на их жизнь и здоровье карается немалым тюремным сроком вплоть до пожизненного заключения. Журналистов-расследователей закон защищает как обыкновенных граждан, подвергшихся криминальному насилию, хотя работа таких журналистов далеко выходит за рамки их профессиональных интересов и нацелена на решение общегражданских, общественных задач.

Расследователей с пером порой избивают, инсценируя грабёж, дискредитируют, запугивают и им угрожают, похищают их родственников и т. д. с тем, чтобы заставить молчать или помешать расследованию. Если расследование продолжается и для фигурантов реально возникает угроза опубликования его результатов, то журналиста могут устранить физически, и устраняют. Если материал вышел в свет, то с журналистом иногда сводят счёты «обиженные». Так или иначе, но во всех этих случаях один на один с трагедией остаётся семья. За погибшим журналистом, кроме редакции и друзей, никто не стоит. Никакого социального вспомоществования семье государством не предусматривается. И здесь кроется определённая несправедливость.

Как бы инстинктивно защищаясь, журналистское сообщество и общество в целом выработали правила поведения для расследователей, которые помогают избежать подстерегающие со всех сторон опасности и риски. Их 19. И опубликованы они в том же втором томе журналистской энциклопедии в расширенном, толковательном варианте. Так что повторять эти правила

нужды нет. Однако ряд этих правил обращает на себя внимание, так как реализуют их для полицейских и сотрудников специальных служб. Например, 18-е правило рекомендует журналистам-расследователям, испытывающим психологическое давление опасности, научиться отдыхать от него.

Когда мы сегодня сетуем на то, что медийное пространство перегружено негативной информацией, которую хочешь или не хочешь приходится пропустить через себя, то обыкновенно не задумываемся над тем, что кто-то её уже через себя пропустил. Затратил время и эмоции на её анализ, познакомился с деталями, которые многократно жёстче и суровее приглаженного редактором опубликованного текста. Переживания и стрессы журналиста для читателя уходят на второй план, но скорее просто не учитываются.

У сотрудников специальных подразделений, которые чаще других сталкиваются с чудовищными, антигуманными последствиями преступлений и закономерно переживают нешуточный стресс, существуют штат психологов, кабинеты психологической разгрузки, материальное поощрение, ведомственные поликлиники, больницы и многое другое, что помогает пострадавшему прийти в себя. Журналисты, понятно, реже правоохранителей подвергаются насилию и испытывают стрессы, занимаясь расследованиями. Но они точно так же, как и правоохранители, становятся их жертвами. И журналистам приходится обращаться к врачам исключительно по своей инициативе и на общих основаниях. А чтобы снять психологическую нагрузку, по старинке

используют, будем откровенны, стакан.

Нормативный вакуум отсутствия должного социального внимания окружает журналиста-расследователя и его семью так же, как и в случаях гибели сегодня корреспондента в горячих точках. Но если, как мы говорили выше, в отношении военных корреспондентов наметилось решение, то риски журналиста-расследователя даже не включены в повестку обсуждения ни на законодательном, ни на общественном уровне. А ведь за каждым пунктом 19 правил поведения расследователей кроется угроза их жизни и безопасности.

Возьмём, к примеру, 6-е правило. Звучит оно вроде нейтрально: «Никогда не раскрывайте свои источники». Однако копнём поглубже.

В соответствии с Законом «О средствах массовой информации» журналист имеет право на сохранение конфиденциальности своих источников. Раскрыть их он должен только по решению суда. Однако известно, что российская правовая система не гарантирует защиту свидетеля и защиту источника информации. Даже закрытое судебное разбирательство не сможет сохранить втайне от обиженной стороны имя источника. Поэтому правило и предписывает журналисту *никогда* не раскрывать источник информации, даже вводя его в противоречие с действующим законодательством. Ибо в противном случае журналист на основании недодуманных и недоделанных, выключенных из ре-

альности норм становится предателем доверившегося ему человека, и над ним нависает не только угроза мщения за предательство, но и репутация продажного журналиста, с которым нельзя иметь дело, и уж тем более доверять ему судьбоносные для информатора секреты.

Насколько несовершенны законодательные нормы, защищающие журналистов-расследователей, становится отчётливо видно после прочтения всех правил безопасности. Но ведь эти правила появились не случайно, они не надуманы, они объективно подчёркивают общественную озабоченность, тревогу за жизнь и безопасность расследователей. Эти правила, наконец, свидетельствуют о наличии явной недоработки законодателей, когда право не поспекает за меняющейся жизнью. И это отставание становится очевидным.

В который раз, к сожалению, приходится убеждаться в этом, читая сообщение о том, что президент России поручил кабмину усилить ответственность за нападения на медицинских сотрудников во время исполнения ими профессиональных обязанностей. Такое распоряжение содержится в перечне поручений, сформированных по итогам совещания В. В. Путина с представителями сферы здравоохранения 16 марта в Национальном медицинском исследовательском центре им. В. А. Алмазова в Санкт-Петербурге. Именно общественная дискуссия на эту тему, поднятая журналистами в связи с участвовавшими случаями нападения на врачей, привела к поручению правительству. Представительная ветвь нашей власти, опоздав и здесь, получила очередной урок от своего избирателя, обличённого высшей государственной властью.

Чтобы решить вопрос повышения действенности и социальной справедливости в отношении «фронтовых» журналистов и журналистов-расследователей, время и пришло, и даже начинает проходить, это уже сегодня очевидно.

Что это необходимо сделать, вроде тоже очевидно.

Остаётся вопрос – как это сделать?

Решение его видится в инициативной позиции Союза журналистов России, который мог бы под эгидой защиты журналистов совместно с профильным комитетом Государственной думы организовать и провести парламентские слушания. Их результаты станут основанием для подготовки соответствующих поправок в действующий Закон «О СМИ». И не приходится сомневаться, что с подобными поправками будут согласны даже те политические силы в стране, которые сделали невмешательство в текст этого закона знаменем своей гражданской позиции.

Библиография • References

Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных соглашений. 2-е изд. М.: Международный Комитет Красного Креста, 1999. – 335 с.

[Vedenie voennyh dejstvij. Sb. Gaagskih konvencij i inyh soglashenij. 2-e izd. M.: Mezhdunarodnyj Komitet Krasnogo Kresta, 1999. – 335 s.]

Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнительные протоколы к ним. 5-е изд., доп. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. – 302 с.

[Zhenevskie konvencii ot 12 avgusta 1949 goda i dopolnitel'nye protokoly k nim. 5-e izd., dop. M.: Mezhdunarodnyj Komitet Krasnogo Kresta, 2011. – 302 s.]

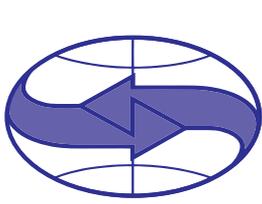
<http://sivilink.ru/smert-jurnalistov-po-stranam/>

<http://ren.tv/novosti/2014-09-03/zhurnalisty-pogibshie-vo-vremya-voennyh-konfliktov>

https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/685294#.D0.A1.D0.BF.D0.B8.D1.81.D0.BE.D0.BA_.D0.B6.D1.83.D1.80.D0.BD.D0.B0.D0.BB.D0.B8.D1.81.D1.82.D0.BE.D0.B2

<https://ria.ru/politics/20180324/1517185275.html>

Статья поступила в редакцию 15 апреля 2018 г.

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSERVER

SCIENTIFICALLY-ANALYTICAL JOURNAL

Published since 1992

Contents

16+

Political science

The global financial crisis: a dead end or a step forward?

5

V. Egorov

The article describes the factors, consequences and measures to overcome the global crisis, the features of which are rooted in the deep «tectonic» processes and this is due to the cardinal changes designed to build a new architecture of the world socio-economic organism. The hope for the self-organizing power of the market is irrelevant to the enormity of the coming changes. The universality of the problems caused by the consequences of the crisis determines the place and role of states and international organizations in creating conditions for progressive development. Having a significant cultural, scientific and educational background, modern Russia, significantly deindustrialized in the 90-ies of XX century, has a real chance to reduce the gap from the developed economies, moving in the direction of «creative economy».

About the author: EGOROV Vladimir G. – doctor of historical Sciences, doctor of economic Sciences, Professor, first Deputy Director of the Institute of CIS countries.

Key words: financial crisis, real sector, financial bubbles, monetary, structural, innovation policy.

Strategic deterrence intensification is the focal point of Russia's security strategy. Part 2 20

A. Podberezkin

The author draws attention to the need to increase strategic deterrence, which should be reflected in the official Russian documents and relevant organizational decisions.

The second part of the work presents specific plans in the field of strategic deterrence, as well as proposals for operational management, coordination and control in the area under consideration, and identifies Russian means and methods of force coercion.

About the author: PODBEREZKIN Alexey I. – Doctor of Historical Sciences, professor of world and national history, director of the Center for Military and Political Studies of MGIMO University and Almaz-Antey Air and Space Defense Corporation, member of the Russian Academy of Military Science.

Key words: strategic deterrence, coercion, military capabilities, conflict, a local human civilization, NATO, military equipment, strategic attack, strategic defense.

New UN approaches to post-conflict states demilitarization. Part 1. Post-conflict states demilitarization within the paradigm of the UN peacebuilding 38

S. Tishkov

The article studies some areas of the United Nations activities to ensure post-conflict stability and an adequate level of security in order to build sustainable peace.

The first part of the article deals with the importance of the post-conflict states demilitarization for peacebuilding processes and with the shortcomings of the traditional approaches of the UN to the demilitarization of post-conflict states.

About the author: TISHKOV Sergey A. – Candidate of Political Sciences, Assistant Professor Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. V. Luk'yanov, Deputy Head of Chair of Criminalistics and Preliminary Investigation in the Departments of Internal Affairs.

Key words: UN, peacebuilding, demilitarization, disarmament, social rehabilitation.

The Attractiveness of Eurosceptic Ideology 45

A. Domanov

The given article presents the traits of the most popular French, German and British Eurosceptic parties, which are attractive for their voters, by analysing these parties' manifestos. It is shown that during last years these Eurosceptics have been putting an emphasis on different negative consequences of transborder flows (above all, of

labour force, goods and capital), have been criticizing the EU for supporting and proposed to resist these trends with protectionist measures

About the author: DOMANOV Aleksey O. – junior research fellow of The EU Documentation Centre at the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.

Key words: the European Union, Euroscepticism, transborder flows, sovereignty.

The strategy of foreign policy of Poland until 2021 55

A. Kondratov

The article analyzes the main provisions of the Polish foreign policy Strategy for 2017–2021 and reveals the priority directions of the modern Polish foreign policy strategy related to the EU, NATO, the USA, Eastern Europe and Russia.

About the author: KONDRATOV Andrey I. – doctor of political Sciences, associate Professor, Professor of the Academy of military Sciences.

Key words: Republic of Poland, strategy, European Union, NATO, USA, Russia, Eastern partnership.

Big Data in the New Zealand political process 66

S. Fedorchenko

The author investigates the problem of correlation of social networks with democratic traditions on the example of development of Big Data technologies in the political process of modern New Zealand. The methodology of the work were the principles of case study, system and comparative analysis. The study concludes that the methodology of Political Big Data is not yet sufficiently developed, and therefore shows its effectiveness only in the hands of serious professionals. Also in New Zealand society there is a discussion about the ethical, confidential and legal aspects of Big Data application.

About the author: FEDORCHENKO Sergey N. – Associate Professor, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law of the Moscow Region State University.

Key words: Big Data, New Zealand, social media, Political Big Data, manipulation, elections, bots, targeting.

The origins of the Afghan tragedy. **To the 40th anniversary of the April (Saur) revolution in Afghanistan** 83

Y. Pleis

The article is about the ideological, political, military and diplomatic sources of Afghanistan tragedy, which started 40 years ago. The dogmatism of communist ideology, as well as the mistakes of noncapitalist way of development theory led the USSR not only to the support of the Afgan's April revolution leaders, but also to

their all rounded assistance during more than 10 years. The experience has shown that such a course was a mistake. The tragedy of Afganistan continues even today.

About the author: PLEIS Yakov A. – doctor of history, doctor of political sciences, professor of political sciences department of the Finance University under the RF Government.

Key words: Afghanistan, April revolution, PDPA, socialist orientation, USSR foreign policy.

The educational system as a tool for effective state social policy (Korea)

97

M. Ponyavina

Issues of correlation of political power and education play a crucial role in the development of the state. An example of the rapid rise of a country with poor natural resources and small territory, which changed the state policy in the field of education and proved the interdependence of the political and educational spheres.

About the author: PONYAVINA Maria B. – Phd, associate to Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).

Key words: South Korea, state educational policy.

Discussion: media space

How to protect a journalist in hot spots and during a journalistic investigation

104

A. Seregin

The article raises the problems of the safety of journalists working in «hot spots», as well as those engaged in investigative journalism. Based on the analysis of the fundamental documents of international humanitarian law, the author concludes that it is necessary to increase the level of legal protection and social support for these categories of journalists and their families. The article proposes an algorithm for solving this issue at the state level.

About the author: SEREGIN Alexander V. – candidate of cultural studies, Professor of MGIMO(U) under the Ministry of foreign affairs of RF.

Key words: international humanitarian law, Geneva conventions of 1949, Hague conventions of 1899 and 1907, journalist in hot spots, journalistic investigation, journalist security.

Уважаемые читатели!
Продолжается подписка на 2018 год
на ежемесячный научно-аналитический журнал

«Обозреватель–Observer»

Подписка проводится в отделениях связи
«Почта России» по каталогу «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»

47653 – на полугодие

36789 – на год

Дизайн и вёрстка
Новикова Н.М.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200.
Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093.

Подписные индексы **47653** (на полугодие), **36789** (на год)
в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Согласно ФЗ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
журнал «Обозреватель–Observer» относится к категории
информационной продукции для детей, достигших возраста шестнадцати лет

16+

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имён, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится заимствований, нарушающих чьи-либо авторские права, а также данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Рукописи не возвращаются.

При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: **119180, Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3.**

Тел.: **(499) 799-80-76.**

Е-mail: **observer-rau@yandex.ru.**

Электронная версия: **[http://observer.materik.ru.](http://observer.materik.ru)**

Подписано в печать 5.07.18. Формат 70×100 1/16. Печ. л. 7, 5. Печать офсетная.

Отпечатано в ИИУ МГОУ.

105005, г. Москва, ул. Радио д. 10А. Заказ № 6.